

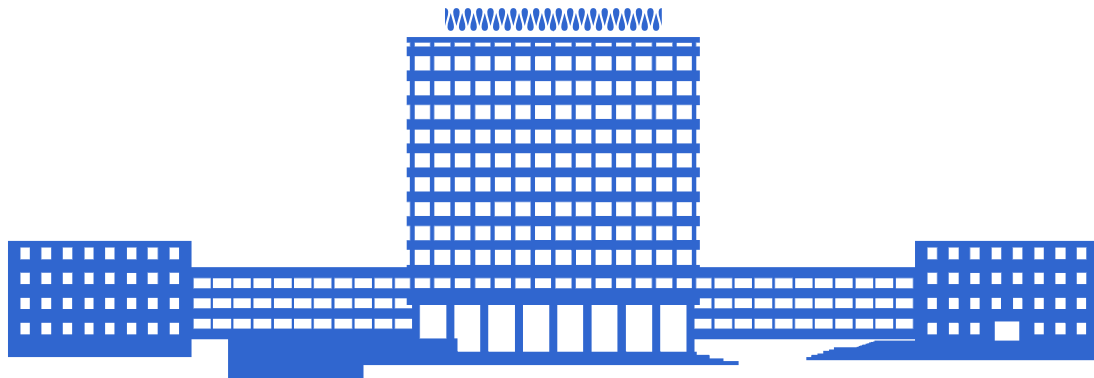
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 20 Выпуск 1 (63) 2024

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / гл. ред.
В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонГУ, 2024. – Т. 20. – Вып. 1 (63). – 127 с.

*Печатается по решению Учёного совета
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Донецкий государственный университет»
Протокол № 9 от 28 июня 2024 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет».

Адрес редколлегии: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +7 (856) 302 09 22

ISSN 2415-8720

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 20 Выпуск 1 (63) 2024

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (главный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. главного редактора);
к. филол. наук, доц. Э. Р. Брагина (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. А. В. Алфёров; д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров;
д. филол. наук, доц. Э. С. Ветрова; д. филол. наук, проф. Н. А. Ганина;
д. филол. наук, доц. А. Г. Голодов; д. филол. наук, проф. В. И. Карасик;
д. филол. наук, проф. С. М. Кравцов; д. филол. наук, доц. С. Е. Кремзикова;
д. филол. наук, проф. А. Э. Левицкий; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, доц. Т. Н. Никульшина;
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, доц. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонГУ 2024

**FEDERAL STATE EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION «DONETSK STATE UNIVERSITY»
FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 20 Issue 1 (63) 2024

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. E. R. Bragina (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. A. V. Alferov; Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov;

Doctor of Philology, Associate Prof. E. S. Vetrova; Doctor of Philology, Prof. N. A. Ganina;

Doctor of Philology, Associate Prof. A. G. Golodov; Doctor of Philology,

Prof. V. I. Karasik; Doctor of Philology, Prof. S. M. Kravtsov; Doctor of Philology,

Associate Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. E. Levitskiy;

Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets; Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev;

Doctor of Philology, Associate Prof. T. N. Nikulshina; Doctor of Philology,

Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov; Doctor of Philology,

Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Associate Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonSU 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 20, Вып. 1 (63), 2024

Германские языки

- Андреев С. Н.* Типы атрибутов в поэмах Джона Китса и закономерности их распределения..... 5
- Моргунова М. Н.* Проблема синонимии и вариативности в терминологии (на материале лексики бизнеса в современном английском языке)..... 15
- Федуленкова Т. Н.* Распространенные функции библейского фразеологизма ‘Good Samaritan’ в современном контексте..... 24
- Шидловская Д. Ю.* Роль семантики восходящего движения в наивном осмыслении мира (на материале английских фразеологических единиц с глаголами движения)..... 35

Теория языка

- Бессонов Н. Ю., Гордиенко Е. В., Слышкин Г. Г.* Урбанонимия Киева 2014-2024 гг.: от декоммунизации и дерусификации к нацификации..... 46

Типологические и сопоставительные исследования

- Басыров Ш. Р.* Оценочные значения наименований растений в разноструктурных языках..... 63
- Джигоева В. П.* Композитные наименования одежды в осетинском, русском, английском и немецком языках..... 78
- Чжан Мо* Каузативные глаголы в аналитических каузативах как особый подтип переходных глаголов в русском и китайском языках..... 92

Перевод

- Алимурадов О. А., Щербаков Д. Ф.* Понятие переводческой рецепции в отечественном и зарубежном переводоведении: плюрализм подходов..... 107

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 20, Issue 1 (63), 2024

Studies in Germanic Languages

<i>Andreev S. N.</i> Types of Attributes in the Poems of John Keats and the Regularities of their Distribution.....	5
<i>Morgunova M. N.</i> Problem of Synonymy and Variability in Terminology (Based on Modern Business English Vocabulary).....	15
<i>Fedulenkova T. N.</i> Common Functions of the Biblical Phraseologism ‘Good Samaritan’ in a Modern Context.....	24
<i>Shidlovskaya D. Yu.</i> Semantics of Upward Motion in Naive Perception of the World (Based on English Phraseological Units with Verbs of Motion).....	35

Theory of Language

<i>Bessonov N. Yu., Gordienko E. V., Slyshkin G. G.</i> Kiev Urbanonymy 2014 through 2024: from Decommunization and De-Russification to Nazification.....	46
---	----

Typological and Contrastive Studies

<i>Basyrov Sh. R.</i> Evaluative Meanings of Plant Names in Languages with Different Structures.....	63
<i>Dzhioeva V. P.</i> Composite Names of Articles of Clothing in Ossetian, Russian, English and German Languages.....	78
<i>Zhang Mo</i> Causative Verbs in Analytical Causatives as a Special Subtype of Transitive Verbs in Russian and Chinese.....	92

Translation

<i>Alimuradov O. A., Shcherbakov D. F.</i> The Notion of Translation Reception in Russian and Foreign Translation Studies: Pluralism of Approaches.....	107
---	-----

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81-32

© 2024 С. Н. Андреев

ТИПЫ АТРИБУТОВ В ПОЭМАХ ДЖОНА КИТСА И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИХ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

В статье изучается распределение атрибутов в известных поэмах Джона Китса «The Eve of St. Agnes» и «Lamia» с целью проверки гипотезы Скиннера, согласно которой идентичные языковые единицы имеют тенденцию располагаться в тексте на меньших расстояниях друг от друга, чем неидентичные.

Ключевые слова: *идентичные атрибуты, распределение, расстояния, теория Скиннера, Китс.*

© 2024 S. N. Andreev

TYPES OF ATTRIBUTES IN THE POEMS OF JOHN KEATS AND THE REGULARITIES OF THEIR DISTRIBUTION

The article studies the distribution of attributes in the famous poems by John Keats «The Eve of St. Agnes» and «Lamia» in order to test Skinner's hypothesis, according to which identical linguistic units tend to be located at smaller distances from each other in the text than non-identical ones.

Key words: *identical attributes, distribution, distances, Skinner's theory, Keats.*

Одним из выводов в рамках своей теории об оперантном поведении человека, сделанных Б.Ф. Скиннером в отношении языка [Skinner, 2014], является его положение о тенденции к интуитивной группировке языковых единиц в речи. Согласно его гипотезе в речи наблюдается определенная устойчивость в использовании сходных по каким-то параметрам языковых единиц на небольшом расстоянии друг от друга, образовании ими тесно связанных последовательностей, что объясняется активностью стимула у говорящего. Постепенное затухание стимула приводит к тому, что последовательность идентичных элементов завершается. Одним из результатов этого является превалирование малых расстояний между идентичными лингвистическими единицами над большими [Skinner, 1939, 1941].

Сам Скиннер проиллюстрировал данную тенденцию на фонетическом материале, взяв ряд поэтических текстов [Skinner, 1941] и проведя количественный анализ распределения фонем в стихах. В результате он пришел к выводу, что расстояния между одинаковыми фонемами были в основном незначительными, а сами последовательности длиннее статистически обоснованных размеров. Причем, по его мнению, это не следовало

из содержания стихов и, соответственно, не могло быть объяснено влиянием их содержания. Для дальнейшего уточнения и подтверждения своей гипотезы Скиннер считал необходимым развернутый квантитативный анализ цепочек идентичных единиц в речи.

Последовательности близко расположенных в тексте идентичных единиц могут наблюдаться не только в фонетике, но и у единиц других языковых уровней [Skinner, 2014: 387-391; Chen, Liu, 2017]. Так, как известно, в речи существуют явления тавтологии (в *рассказе рассказывается, бездоказательные доказательства, старый старик, чудо чудное, диво дивное*) и плеоназмов (в *месяце апреле, другая альтернатива, белым снегом запорошено*), которые в ряде случаев используются как стилистические приемы [Гаспаров 2012; Кораблева, Горелова, 2020], что хорошо иллюстрирует эту тенденцию на уровне лексических единиц.

Вопрос о характере распределения единиц различных языковых уровней в художественном тексте рассматривался как для фонетической системы, так и единиц более высоких языковых уровней на материале русского языка [Андреев 2022; Andreev, Popescu, Altmann, 2017].

Результаты исследования достаточно хорошо подтвердили указанную гипотезу Скиннера, однако при этом возникает вопрос о том, насколько она универсальна и устойчива. Для такого анализа необходимо привлечь достаточно большие объемы текста с привлечением материала разных языков. В этой статье ставится задача проверить данную гипотезу Скиннера на стихотворном английском материале, используя в качестве единиц атрибуты.

Атрибуты (определения) являются специфическим компонентом в структуре предложения. В формальном плане с точки зрения синтаксической организации атрибуты не входят в обязательное окружение глагола [Теньер, 1988; Холодович, 1970]. С другой стороны, играют крайне важную роль в описании художественного мира автора. В связи с тем, что эта позиция синтаксически факультативна, автор может использовать атрибуты исходя исключительно из своих художественных предпочтений.

Данное исследование проводится на материале двух поэм английского поэта-романтика Дж. Китса «*The Eve of St. Agnes*» (Т1) и «*Lamia*» (Т2). Первая из этих поэм совместно с его одами рассматривается критикой как вершина творчества поэта, вторая – является его лучшим произведением по мнению самого Китса [Витковский, 1998: 399, 402].

Типы атрибутов (АТ) в данной статье определяются на основании частеречной характеристики слов, замещающих синтаксическую позицию определения. Ниже приводится список атрибутов, которые были установлены в двух поэмах. Вначале даются сокращения АТ, после двоеточия приводятся примеры, в скобках указаны краткие

обозначения поэм, названия которых даны выше.

Плг – прилагательное: *He passeth by; and his weak spirit fails* (T1); ... *her maiden eyes divine* (T1); *From rushes green, and brakes, and cowslip'd lawns* (T2); *There as he stood, he heard a mournful voice* (T2).

Мест – местоимение-прилагательное: *The owl, for all his feathers* (T1); *Then takes his lamp, and riseth from his knees* (T1); *Whose heart had brooded, all that wintry day* (1); *Spoilt all her silver mail, and golden brede* (T2); *And then she whisper'd in such trembling tone* (T2).

Прич – причастие: *Stol'n to this paradise, and so entranced*, / *Porphyro gazed upon her empty dress* (T1); *And still she slept an azure-lidded sleep* (1); *The bloated wassaillers will never heed* (T1); *In blanched linen, smooth, and lavender'd* (T1); *So said, she rose / Tiptoe with white arms spread*. (T2); *Striped like a zebra, freckled like a pard* (T2).

Ген – генитив (существительное): *All garlanded with carven imag'ries / Of fruits, and flowers, and bunches of knot-grass* (T1); *Days happy as the gold coin could invent / Without the aid of love* (2).

Пред – именная предложная конструкция: *Amid the timbrels, and the throng'd resort / Of whisperers in anger, or in sport* (T1); ... and made retreat / *Into a forest* on the shores of Crete (T2).

Асс – атрибутивное субстантивное сочетание: *As spectacl'd she sits in chimney nook* (T1); *The hall door shuts again, and all the noise is gone* (T1); *Unveil'd the summer heaven, blue and clear* (T2); *Above the lintel of their chamber door* (2).

Пос – именная посессивная конструкция: *Or I will, even in a moment's space, / Awake, with horrid shout, my foemen's ears, / And beard them, though they be more fang'd than wolves and bears* (1); *More pleasantly by playing woman's part* (2).

Прид – придаточное предложение: ... *hot-blooded lords, / Whose very dogs would execrations howl* (T1); *Like puzzled urchin on an aged crone / Who keepeth clos'd a wond'rous riddle-book* (1); *The life she had so tangled in her mesh* (2); *To breed distrust and hate, that make the soft voice hiss* (T2).

Инф – инфинитив: *There are no ears to hear, or eyes to see* (T1); *It was the custom then to bring away / The bride from home at blushing shut of day* (T2).

Прил – приложение: *When Madeline, St. Agnes' charmed maid, / Rose, like a mission'd spirit* (T1); *In port Cenchreas, from Egina isle* (T2); *Soon was God Bacchus at meridian height* (T2).

Нрч – наречие: *And turn, sole-thoughted, to one Lady there* (N1).

Как указывалось выше, проверка в первую очередь должна определить, превышает ли количество малых расстояний между идентичными атрибутами большие расстояния, с другой стороны, желательно выявить, есть ли какая-либо упорядоченность в схеме расположения в тексте однотипных атрибутов. Определение расстояний между словами может проводиться различными способами [Kocher, Savoy, 2017; 2019]. В данном случае определение расстояний проводилось следующим образом.

На первом этапе исследования были определены все типы атрибутов и записаны в

той последовательности, в которой они встречаются в тексте поэм. Все остальные слова опускались. В результате были получены две последовательности атрибутов. Ниже приводится отрывок, отражающий атрибутивную схему в первых пяти строфах Т1.

Пос, ПЛГ, Мест, Мест, Прич, ПЛГ, Пред, Пос, Мест, Мест, Прич, ПЛГ, Пред, ПЛГ, Пред, ПЛГ, Пос, Мест, Мест, Мест, ПЛГ, ПЛГ, Прил, Мест, Мест, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, Ас, ПЛГ, Прич, Мест, Прич, ПЛГ, Прич, ПЛГ, Мест, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, Пос, ПЛГ, Мест, Прич, ПЛГ, Мест, Мест, Мест, Ген, ПЛГ, Пос, Мест, ПЛГ, Мест, Пос, Мест, Пос, Мест, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, Мест, Прич, Прич, Мест, Пред, Прич, Пред, Прич, Мест, ПЛГ, Пред, Пред, Мест, ПЛГ, Пред, ПЛГ, Прич, Прич, Пред, ПЛГ, ПЛГ, Прич, Нрч, Прид, Мест, Мест, ПЛГ, Прич, Пос, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ, ПЛГ.

Следует напомнить, что в исследовании для характеристики описания учитывается частеречная характеристика только тех слов, которые замещают позицию определения. Так в строке *The owl, for all his feathers, was a-cold* последнее прилагательное не является определением и, следовательно, не отражается в записи. На следующем этапе производится измерение расстояний между идентичными АТ. Эти расстояния определяются по количеству «шагов», необходимых для перехода от данного к следующему атрибуту того же типа. Так между атрибутом Пос, занимающим первую позицию, и следующим Пос находится еще 6 атрибутов другого типа. Следовательно, количество шагов равно 7. От ПЛГ (вторая позиция в цепочке атрибутов) до следующего использования ПЛГ – 4 шага, от Мест (третья позиция) до следующего Мест (четвертая позиция) – один шаг и т.д.

Подсчитав все расстояния между идентичными АТ в этом отрывке, охватывающем, как указывалось выше, пять строф Т1, можно получить следующие данные. ПЛГ используется 38 раз с расстояниями, равными 1 шагу в 16 случаях, 2 шагам в 7 случаях, 3 шага фиксируются 3 раза, 4 шага – 5 раз, 5 шагов – 2 раза, 6 шагов – 3 раза, и 10 шагов – 1 раз. Количество всех расстояний на 1 единицу меньше 38, поскольку последняя позиция уже не предполагает продолжения. МЕСТ в отрывке используется 25 раз с расстояниями 1 (16 раз), 2 (3), 3 (2), 4 (3), 5 (3), 7(2), 8 (2), 12 (1). ПРИЧ употреблено 14 раз: расстояние 1 (2), 2 (3), 3 (1), 4 (1), 6 (2), 9 (1), 10 (1), 20 (1), 23 (1). Аналогичным образом рассчитываются расстояния всех остальных АТ.

В соответствии с этим подходом были произведены подсчеты расстояний между идентичными АТ в двух поэмах. Вначале здесь будут проанализированы расстояния в поэме «*The Eve of St. Agnes*».

Исходя из того, что общее количество определений в этой поэме составило 686, а строк – 378, в одной строке в среднем содержится – 1,8 АТ. Тогда 10 строкам поэмы соответствует общее среднее значение в 18 атрибутов, а максимально возможное

расстояние между ними составляет 17 шагов. Таким образом, расстояние в 17 шагов заведомо «захватит» отрезок в 10 строк. Поскольку отрезки текста, превышающие 10 строк, вряд ли целесообразно системно использовать для изучения предполагаемого воздействия стимула на атрибутивную модель текста, при анализе данной поэмы расстояния превышающие 17 шагов не брались.

В таблице 1 представлены данные расстояний между идентичными атрибутами в T1.

Таблица 1. *Расстояния между идентичными атрибутивными типами в T1*

Шагов	Плг	Мест	Прич	Ген	Пред	Асс	Пос	Инф	Прид
1	90	58	20	15	4	0	3	1	1
2	66	45	15	4	3	0	3	0	0
3	39	23	10	3	1	0	2	0	0
4	29	10	6	2	2	1	1	0	0
5	17	8	6	0	0	1	3	0	1
6	5	10	6	1	1	0	0	0	2
7	3	7	3	0	0	0	3	0	0
8	3	6	4	0	0	0	0	0	0
9	2	2	4	0	0	0	1	0	1
10	4	6	7	0	0	0	2	0	0
11	1	0	4	0	1	0	1	0	0
12	0	2	2	1	0	0	0	0	0
13	0	1	1	0	0	0	0	0	0
14	0	3	2	0	1	0	0	0	0
15	0	2	0	2	0	0	0	0	0
16	0	0	0	1	0	0	0	0	0
17	0	0	1	0	0	0	1	0	1

Атрибуты Прил и Нрч в таблице не представлены, так как использовались по нашим данным только по 1 разу.

Если взять первые пять наиболее частотных АТ, то видно, что малые расстояния явно превышают большие. У остальных малочастотных АТ это менее выражено, однако тенденция к меньшим расстояниям между идентичными определениями сохраняется.

В рамках определений обычно выделяют две основные группы адъективных и субстантивных атрибутов. Репрезентантом первой группы является Плг, кроме того, в класс адъективных атрибутов входят местоимения-прилагательные Мест. Основным репрезентантом второй группы является Ген, кроме которого сюда также относятся Пред и Пос. В поэме Китса резко выражен крен в сторону адъективных АТ, которые соотносятся с субстантивными в пропорции 4,3 : 1. В случае добавления к первому классу атрибутов Прид, а ко второму – Асс пропорция мало меняется – 4,6 : 1.

Для того чтобы определить, влияет ли частота использования этих атрибутов на их расстояния, был проведен ранговый анализ между суммарными частотами АТ

двух классов (таблица 2). Для этого анализа взяты только первые десять расстояний (от 1 до 10 шагов), поскольку частота остальных расстояний крайне мала. В таблице в первом столбце указаны расстояния, во втором и третьем – ранги частот этих расстояний в классе адъективных атрибутов (Плг + Пред + Прич) и в классе субстантивных атрибутов (Ген + Пред + Пос + Асс).

Таблица 2. Ранги расстояний между идентичными типами атрибутов в классах адъективных и субстантивных АТ

Расстояния	Адъективные атрибуты	Именные атрибуты
	Ранг	Ранг
1	1	1
2	2	2
3	3	3
4	4	4
5	5	5
6	6	7
7	8	6
8	9	8
9	10	9
10	7	8

R = 0,954
статистически значим для $p < 0,05$

Таким образом, несмотря на морфологические различия и разницу в частоте употребления общая тенденция на превалирование малых расстояний сохраняется.

В таблице 3 приводятся расстояния между идентичными АТ в поэме *Lamia*.

Таблица 3. Расстояния между идентичными атрибутивными типами в T2

Шагов	Плг	Мест	Прич	Ген	Пред	Асс	Пос	Прил	Прид
1	165	82	44	17	5	4	3	1	0
2	114	71	23	7	1	0	0	0	1
3	63	46	23	5	0	1	4	0	3
4	39	24	12	3	0	0	2	0	1
5	27	15	18	3	1	5	0	0	0
6	13	14	14	5	0	1	0	0	0
7	7	13	8	1	0	0	1	0	1
8	7	7	11	2	0	0	2	0	2
9	6	6	8	2	0	0	1	0	1
10	3	4	2	6	0	0	1	0	3
11	0	7	5	3	0	0	1	0	2
12	1	4	0	2	0	0	0	0	0
13	2	1	3	1	0	0	3	0	4
14	0	1	3	3	0	0	1	0	1
15	0	0	1	2	0	0	3	0	0
16	0	2	2	2	0	0	1	0	0
17	0	2	1	1	1	1	3	0	1

Анализ количества атрибутов на одну строку дает приблизительно ту же картину, что и в поэме *St. Agnes The Eve of St. Agnes* – среднее количество составляет 1,66. Для 10 строк здесь можно ограничиться максимальным расстоянием в 16 шагов, однако для большей сопоставимости результатов у двух поэм здесь так же, как и в предыдущем случае, используется максимальное расстояние в 17 шагов. В таблице не представлен ИНФ, поскольку имеет расстояние 34 шага.

Как и в T1, небольшие расстояния значительно превышают расстояния большей величины. Здесь так же прослеживается общая тенденция на «стяжение» однотипных определений в рамках текста.

Как и в T1 наблюдается заметное превалирование адъективных атрибутов над субстантивными. Суммарное число адъективных атрибутов в этой поэме по нашим подсчетам равно 948, а субстантивных (Ген + Пред + Ас + Пос) – 180. Таким образом, соотношение адъективных и субстантивных атрибутов отражается пропорцией 5,3 : 1 в сторону адъективных АТ. Это даже больше, чем в T1. Используя одну из многих мер определения сходства [Zenkov, Místecký, 2019]:

$$K = A / (A + S),$$

где K – коэффициент, A – количество адъективных атрибутов, S – количество атрибутов субстантивных, получаем для T1 и T2 следующие значения: $K_{T1} = 0,82$ и $K_{T2} = 0,84$. Критерий хи-квадрат показывает, что оба значения статистически значимы для $p < 0,01$ (1 степень свободы). Поскольку этот коэффициент может иметь значения в диапазоне от 0 до 1 и при условии $0,60 \leq K \leq 1,0$ считается, что A превалирует над S, в этом случае можно говорить о выраженном тяготении автора к описанию с помощью именно адъективных атрибутов.

Сопоставление расстояний адъективных и субстантивных определений с использованием рангового коэффициента корреляции Спирмена дает статистически значимый для $p < 0,05$, но относительно невысокий по силе коэффициент $R = 0,68$ при сопоставлении по десяти первым расстояниям и еще несколько ниже, если добавить расстояние 11 $R = 0,61$.

Таким образом, здесь сходство между схемой расстояний двух классов атрибутов несколько меньше, чем в T1. И тем не менее, как и в T1, малая частота использования субстантивных атрибутов не меняет общей тенденции и соответствует гипотезе Скиннера.

На рисунке показаны распределения расстояний между идентичными АТ в T1 и T2. Для этого используются суммарные данные таблиц 1 и 3, ранжированные по убыванию.

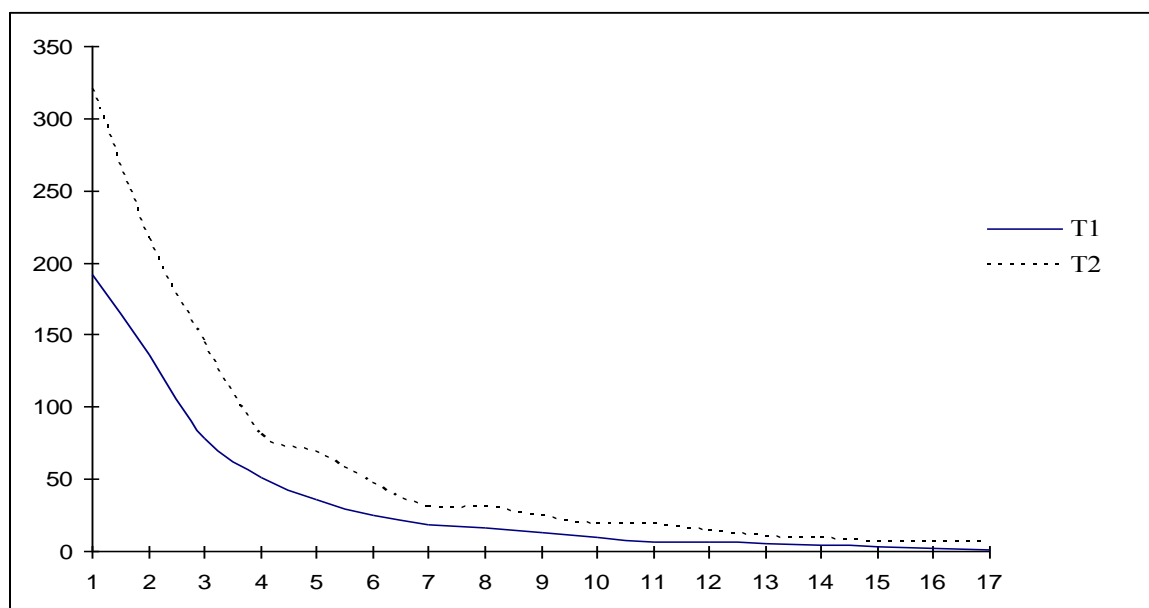

Рис. График ранжированных частот расстояний между идентичными AT в T1 и T2

Ось абсцисс отражает величину расстояний, ось ординат – количество таких расстояний между идентичными атрибутами в исследуемых текстах. Судя по графику заметно, что с увеличением длины расстояний падает их частота. Падение заканчивается между 6-8 шагами. По-видимому, здесь находится граница взаимодействия идентичных определений и происходит угасание стимула.

Форма графиков похожа на экспоненциальную кривую со спадом. Это особенно относится к графику T1. График T2 несколько отклоняется на рубеже 4-5 шагов дистанции, однако и он соответствует кривой экспоненциального распределения.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что на данном материале, как и на русском материале (поэмы Пушкина) [Андреев, 2023] снова подтверждается гипотеза Скиннера о наличии в речи формальной инерции, которая может быть объяснена продолжающимся некоторое время воздействием некоторого стимула с постепенным его затуханием. Кроме того, само соотношение расстояний между идентичными атрибутами отражает некую закономерность в ранговом распределении частот. Эта закономерность проявляется в том, что распределение различных расстояний между идентичными атрибутами имеет экспоненциальный характер.

Полученные результаты, несмотря на их достаточно эксплицитный характер, тем не менее, должны рассматриваться как предварительные и предполагают значительное расширение базы как путем привлечения новых текстов и новых авторов, так и использования единиц иных лингвистических уровней и аспектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев С. Н. Инерция слогового образа строки: проверка гипотезы Скиннера // Известия Смоленского государственного университета. 2022. № 3 (59). С. 107-117.
2. Андреев С. Н. Распределение атрибутов в поэмах А. С. Пушкина и гипотеза Скиннера // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 5-22.
3. Витковский Е. В. Вступительная статья, примечания // Джон Китс. Стихотворения. Поэмы. Москва: Рипол Классик, 1998. С. 3-30, 361-403.
4. Гаспаров М. Л. Тавтологические рифмы // М. Л. Гаспаров. Избранные труды: в 4-х т. Лингвистика стиха. Москва: Языки славянской культуры. 2012. Т. 4. С. 153-170.
5. Кorableва Г. Л., Горелова Л. П. Тавтология как стилистический прием (На материале произведений М. Зощенко) // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2020, № 3. С. 205-209.
6. Теньер Л. Основа структурного синтаксиса. Москва: Прогресс. 1988. 656 с.
7. Холодович А. А. Залог. Определение. Исчисление // Категория залога. Ленинград: Наука. 1970. С. 2-26.
8. Andreev S., Popescu I.-I., Altmann G. Some properties of adnominals in Russian texts // *Glottometrics*. 2017. Vol. 38. P. 77-106.
9. Chen R., Liu H. Thematic concentration as a discriminating feature of text types // *Journal of Quantitative Linguistics*. 2017. Vol. 25. № 1. P. 53-76.
10. Kocher M., Savoy J. Distance measures in author profiling // *Information Processing & Management*. 2017. Vol. 53. Issue 5. P. 1103-1119.
11. Kocher M., Savoy J. Evaluation of text representation schemes and distance measures for authorship linking // *Digital Scholarship in the Humanities*. 2019. Vol. 34. Issue 1. P. 189-207.
12. Skinner B. F. The alliteration in Shakespeare's sonnets: A study in literary behavior // *Psychological Record*. 1939. № 3. P. 186-192.
13. Skinner B. F. A quantitative estimate of certain types of sound-patterning in poetry // *The American Journal of Psychology*. 1941. Vol. 54. P. 64-79.
14. Skinner B. F. *Verbal Behavior*. B.F. Skinner Foundation Reprint Series. Cambridge: Massachusetts Prentice-Hall, Inc., 2014. 553 p.
15. Zenkov V., Místecký M. The Romantic Clash: Influence of Karel Sabina over Mácha's *Cikáni* from the perspective of the Numerals Usage Statistics // *Glottometrics* 46. 2019. P. 12-28.

REFERENCES

1. Andreev, S. N. (2022). Inertsiya slogovogo obraza stroki: proverka gipotezy Skinnera [Inertia of the syllabic image of a line: testing Skinner's hypothesis]. In *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 3 (59). Pp. 107-117. (In Russ.).
2. Andreev, S. N. (2023). Raspredelenie atributov v poemakh A. S. Pushkina i gipoteza Skinnera [Distribution of attributes in the poems of A. S. Pushkin, and Skinner's hypothesis]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No 82. Pp. 5-22. (In Russ.).
3. Vitkovskiy, E. V. (1998). Vstupitelnaya statya, primechaniya [Introductory article, notes]. In *Dzhon Kits. Stikhotvoreniya. Poemy*. Moskva: Ripol Klassik. Pp. 3-30, 361-403. (In Russ.).
4. Gasparov, M. L. (2012). Tautologicheskie rifmy [Tautological rhymes]. In *M. L. Gasparov. Izbrannye trudy. Lingvistika stikha*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. Vol. 4. Pp. 153-170. (In Russ.).
5. Korableva, G. L., Gorelova, L. P. (2020). Tavtologiya kak stilisticheskiy priem (Na materiale proizvedeniy M. Zoshchenko) [Tautology as a stylistic device (Based on the works of M. Zoshchenko)]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*. No 3. Pp. 205-209. (In Russ.).

6. Tenier, L. (1988). *Osnova strukturnogo sintaksisa* [The basis of structural syntax]. Moskva: Progress. (In Russ.).
7. Kholodovich, A. A. (1970). Zalog. Opredelenie. Ischislenie [Voice. Definition. Calculus]. In *Kategoriya zaloga*. Leningrad: Nauka. Pp. 2-26. (In Russ.).
8. Andreev, S., Popescu, I.-I., Altmann, G. (2017). Some properties of adnominals in Russian texts. In *Glottometrics*. Vol. 38. Pp. 77-106.
9. Chen, R., Liu, H. (2017). Thematic concentration as a discriminating feature of text types. In *Journal of Quantitative Linguistics*. Vol. 25. No 1. Pp. 53-76.
10. Kocher, M., Savoy, J. (2017). Distance measures in author profiling. In *Information Processing & Management*. Vol. 53. Iss. 5. Pp 1103-1119.
11. Kocher, M., Savoy, J. (2019). Evaluation of text representation schemes and distance measures for authorship linking. In *Digital Scholarship in the Humanities*, Vol. 34. Iss. 1. Pp. 189-207.
12. Skinner, B. F. (1939). The alliteration in Shakespeare's sonnets: A study in literary behavior. In *Psychological Record*. No 3. Pp. 186-192.
13. Skinner, B. F. (1941). A quantitative estimate of certain types of sound-patterning in poetry. In *The American Journal of Psychology*. Vol. 54. Pp. 64-79.
14. Skinner, B. F. (2014). *Verbal Behavior*. B. F. Skinner Foundation Reprint Series. Cambridge: Massachusetts Prentice-Hall, Inc.
15. Zenkov, V., Místecký, M. (2019). The Romantic Clash: Influence of Karel Sabina over Mácha's *Cikáni* from the perspective of the Numerals Usage Statistics. In *Glottometrics* 46. Pp. 12-28.

Андреев Сергей Николаевич – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры английского языка (e-mail: smol.an@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет»
214000, Смоленск, Пржевальского, 4

Andreev Sergey N. – Doctor of Philology, Professor, Honored Figure of Russian Federation Higher Education, Professor of English Language Department (e-mail: smol.an@mail.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Smolensk State University»
4 Przheval'skogo, Smolensk, 214000

Поступила в редакцию 22 марта 2024 г.

ПРОБЛЕМА СИНОНИМИИ И ВАРИАТИВНОСТИ В ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ БИЗНЕСА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

Статья посвящена изучению проблемы синонимии и вариативности в терминологической лексике на материале сферы бизнеса современного английского языка. Выявляется природа синонимических и вариантных рядов, анализируются семантические особенности лексических синонимов, определяется специфика рассматриваемых парадигматических отношений на основе выявленных номинативных характеристик.

Ключевые слова: синонимия, вариативность, план содержания, план выражения, семантическая тождественность, формальные модификации.

© 2024 M. N. Morgunova

PROBLEM OF SYNONYMY AND VARIABILITY IN TERMINOLOGY (BASED ON MODERN BUSINESS ENGLISH VOCABULARY)

The article is concerned with the problem of synonymy and variability in terminology based on sphere of Modern English. The study reveals the nature of synonymic and variant rows, analyses the semantic features of lexical synonyms and on the basis of the identified nominative characteristics highlights specific features of the considered paradigmatic relations.

Key words: synonymy, variability, content plan, expression plan, semantic identity, formal modifications.

Введение

Вопрос о допустимости синонимии в терминологии решается учеными-лингвистами неоднозначно: некоторые исследователи высказывают отрицательное отношение к данному явлению, утверждая, что наличие синонимов в научном дискурсе свидетельствует о недостаточной изученности какого-то процесса [Суперанская и др., 2012: 49]; о тенденции к усложнению профессиональной коммуникации [Лотте, 1961: 6; Horecky, 1968: 321; Федина, 2010: 188].

С другой стороны, синонимия в терминологии расширяет возможности языка специального общения при решении конкретных коммуникативных задач [Русинова, 1985: 25; Маринова, 1998: 18], а также является проявлением общезыковой парадигматики [Даниленко, 1977: 58] и закономерным результатом развития научного знания [Лейчик, 2006: 98].

Несмотря на существующие противоположные точки зрения, следует признать, что в практическом отношении синонимия является распространенным явлением во многих терминосистемах, о чем свидетельствуют многочисленные исследования [Таранова и др.,

2016; Фокина, 2020; Носович, Сорокина, 2020].

Признавая наличие синонимии в терминологии, лингвисты отмечают ряд специфических особенностей, отличающих ее от аналогичного общезыкового процесса. Так, например, замечено, что термины-синонимы стремятся к абсолютной тождественности семантической структуры, поэтому предлагается именовать их дублетами [Смирнова, 2011: 190; Плана, 2020: 117].

Отдельный интерес вызывают проблемы, связанные с разграничением смежного с синонимией понятия терминологической вариативности (вариантности), которая рассматривается как разновидность синонимии [Гринев, 1993; Карпинская, 2000]; как явление, равнозначное синонимии [Даниленко, 1977; Головин, Кобрин, 1987]; как отдельное явление [Шелов, 2014].

Цель настоящего исследования заключается в определении специфики терминологической синонимии и вариативности. **Объект** исследования – терминологическая лексика сферы бизнеса в современном английском языке; **предмет** исследования – явление синонимии и формальной вариативности.

Актуальность данной работы обусловлена недостаточной изученностью конкретных терминологий, что приводит к различной трактовке процессов синонимии и вариативности.

Заявленная цель предполагает реализацию следующих **задач**: 1) провести анализ семантических особенностей лексических синонимов; 2) выявить природу синонимических и вариантных рядов; 3) определить специфику синонимии и вариативности на основе выявленных номинативных особенностей.

Рамки данного исследования, его цель и основные задачи определили выбор эмпирического материала, источником которого послужило лексикографическое издание Longman Business English Dictionary (Pearson, 2008), откуда методом сплошной выборки было извлечено 2 630 терминов-синонимов.

В соответствии с целью, задачами и объектом исследования в работе используются общенаучные и собственно лингвистические **методы**: наблюдение, описание, компонентный анализ, которые позволяют системно представить изучаемый лексический материал.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые англоязычная терминология сферы бизнеса подвергается лингвистическому анализу на предмет выявления специфики парадигматических отношений синонимии и вариативности.

В современной лингвистической литературе под синонимией обычно понимается

«тип семантических отношений языковых единиц, заключающийся в полном или частичном совпадении их значений» [Новиков, 1990]. Вариантность (вариативность) представляет собой «соотношение ряда терминов, при котором все они имеют общность понятийного содержания, обусловленную определением (толкованием или объяснением) одного из них, а понятийное содержание остальных терминов может быть объяснено преобразованиями (трансформациями) языковой структуры этих терминов как производных от того, который имеет определение (толкование или объяснение), причем соответствующие преобразования имеют место и в общем языке» [Шелов, 2014: 12]. К таким преобразованиям относятся синонимичные аффиксы, синтаксические конструкции с добавлением служебных слов и т. п.

Результаты исследования

Проанализируем природу и источники появления синонимических и вариантных рядов в рассматриваемой терминологии. Собранный нами материал позволил выявить многочисленные ряды лексических синонимов, например:

- *working capital* – *operating capital*;
- *perfect competition* – *pure competition*;
- *compulsory purchase* – *compulsory acquisition*;
- *commercial bill* – *trade bill*;
- *share manipulation* – *stock manipulation*;
- *spot market* – *cash market*;
- *revenue anticipation notes* – *tax anticipation notes*;
- *Pareto's law* – *Pareto's principle* – *Pareto's rule*;
- *domestic consumption* – *home consumption* – *internal consumption*.

Рассмотрим подробно семантические особенности лексических синонимов на следующем примере: *time bill* – *term bill* – *usance bill*. Несмотря на различия в лексическом выражении, все словосочетания данного синонимического ряда имеют тождественную семантику, обозначая следующее: «*a bill of exchange that must be paid at a specified time after it is written*» [LBED, 2008: 41] ‘вексель, который должен быть оплачен в указанное время’ – здесь и далее перевод с английского наш. – М. М.). Сравним дефиниции входящих в состав данного терминологического словосочетания компонентов *time*, *term*, *usance*:

time bill – *time* ‘время’: *the part of existence that is measured in minutes, days, years, etc., or this process considered as a whole* [CD-online] ‘длительность какого-то процесса, измеряемая минутами, днями, годами и т. д., или процесс, рассматриваемый в целом’;

term bill – *term* ‘срок’: *the fixed period of time that something lasts for* [CD-online] ‘фиксированный временной период, в течение которого длится какой-то процесс’;

usance bill – *usance* ‘срок оплаты’: *the usual period of time allowed for payment of*

a bill of exchange, in international trade [CD-online] ‘определенный период времени, отведенный для оплаты векселя в международной торговле’.

Сравнительный анализ обнаруживает, что при тождестве семантики терминологического словосочетания в целом каждый отдельный компонент синонимического ряда демонстрирует определенное варьирование в плане содержания, акцентируя или уточняя различные свойства именуемого понятия (время, сроки, срок оплаты). Таким образом, в лексических синонимах проявляется стремление к комплексному и многогранному представлению денотата / сигнификата.

В семантико-номинативном отношении лексические синонимы отличаются от другого вида синонимов – структурных, которые представляют собой терминологические варианты, тождественные в плане содержания, но различные в плане выражения. Для модификации внешней формы используются разнообразные внутренние ресурсы языка, что можно продемонстрировать в следующей классификации терминологических вариантов:

- графические:

banknote – bank-note

swaps market – swops market

property register – Property Register

high-tech product – hi-tech product

kerb market – curb market

authorized fund – authorised fund

- деривационные:

non-insurable risk – uninsurable risk

preferential creditor – preferred creditor

supply price – supplier price

contingency fee – contingent fee

money damages – monetary damages

basic price – base price

inside information – insider information

finance lease – financial lease

- грамматические:

rating agency – ratings agency

purchase book – purchases book

private land – private lands

bank card – banker's card

employer liability – employer's liability

buyer risk – buyer's risk

sales expense – selling expense

debt service – debt servicing

market orientation – marketing orientation

- структурные:

money-market fund – money fund
cost-push inflation – cost inflation
parallel money market – parallel market
brokerage house – brokerage
company director – director
board of directors – board
decision-making unit – DMU
return on assets – ROA
recommended retail price – RRP
net asset value – NAV
retail price index – RPI
strengths, weaknesses, opportunities, threats – SWOT

- структурно-грамматические:

companies register – register of companies
comfort letter – letter of comfort
redemption yield – yield to redemption
fund of funds – fund fund
workplace democracy – democracy in the workplace
double option – put and call option.

Вариативность заключается в стремлении к различному материальному представлению какой-то смысловой сущности, которая остается неизменной в результате языковой трансформации. Необходимо признать, что если и возникают незначительные сопутствующие изменения в семантико-мотивационной базе наименований, то выявить и описать их представляется крайне проблематичной задачей. По нашим наблюдениям, терминологические варианты представляют собой семантически равноценные опции, у которых наблюдаются модификации исключительно в плане выражения.

Под терминологической синонимией понимаем семантическую тождественность лексических единиц с разной внутренней формой; вариативность рассматриваем как структурную синонимию, проявляющуюся в трансформациях внешней формы языковых единиц. В отличие от собственно лексических синонимов варианты сохраняют тождественность в плане содержания, варьируя только формальную структуру. В исследуемой терминологии фиксируем синхронное пересечение синонимии и формальной вариативности, что проявляется в существовании смешанных рядов, члены которых выделяются по различным основаниям (лексическим, графическим, деривационным, грамматическим, структурным):

- *shell company – off the shell company – off-the-shell company*
- *foreign exchange market – forex market*
- *container bill of lading – combined transport bill of lading*
- *indexed bond – stabilized bond – stabilised bond*

- *distribution chain – chain of distribution – supply chain*
- *cost, insurance, freight – CIF – cost, freight, insurance – CFI*
- *accrual basis – accruals basis – accrual method – accruals method*
- *Kondratiev cycle – Kondratiev wave – Kondratieff wave.*

Считаем, что такое многообразие лексических средств для выражения одного и того же научного понятия / объекта профессиональной деятельности свидетельствует о необходимости унификации анализируемой терминологии.

Еще одной отличительной особенностью синонимии в рассматриваемой профессиональной области является наличие равнозначных терминов вследствие существования национальных вариантов английского языка: британского (Br) и американского (Am). Такие синонимы появляются в результате различного осмысления профессиональной действительности, обусловленного спецификой этнического менталитета, поэтому предлагается именовать их «национально-когнитивными синонимами» [Бузинова, 2021]. По нашему мнению, данный термин корректен не только в отношении лексических синонимов, в которых можно выделить разные семантико-мотивационные признаки в основе номинации (*classification society* (Br) – *classification authority* (Am); *flexible trust* (Br) – *general management trust* (Am); *directory enquiries* (Br) – *directory assistance* (Am) и др.), но и для графических вариантов (*consumer behaviour* (Br) – *consumer behavior* (Am); *ante-dated cheque* (Br) – *ante-dated check* (Am); *debt counsellor* (Br) – *debt counselor* (Am) и др), поскольку в них проявляется национальное стремление к упрощению написания.

Как показало исследование, появление синонимии и структурной вариативности обусловлено факторами экстралингвистического и лингвистического характера в их тесной взаимосвязи. К ним относятся субъективные особенности осмысления и номинации профессиональных реалий; стремление к разнообразию средств выражения; наличие национальных вариантов английского языка; распространенность многокомпонентных наименований, что объективно порождает стремление к языковой экономии, к созданию сокращенных терминологических вариантов.

Выводы

В результате проведенного исследования установлено, что синонимия и вариативность являются распространенными явлениями в терминологии, требующими всестороннего изучения. Синонимия встречается на лексическом уровне и проявляется в наличии терминов с тождественной семантикой, но различной мотивационной базой в основе номинации. Вариативность является структурной разновидностью синонимии и заключается в равнозначности плана содержания терминологических единиц, имеющих модифицированные внешние формы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бузинова Л. М., Черникова Е. О. Особенности синонимии в англоязычной экологической терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 6. С. 1906-1910.
2. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. Москва: Высш. шк., 1987. 104 с.
3. Гринев С. В. Введение в терминоведение. Москва, 1993. 309 с.
4. Даниленко В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. Москва: Наука, 1977. 246 с.
5. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет. Методы. Структура. Москва, 2006. 256 с.
6. Карпинская Е. В. Норма в терминологии // Культура русской речи. Москва, 2000. С. 120-124.
7. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. Москва: АН СССР, 1961. 158 с.
8. Маринова Е. В. Синонимия и вариантность в лингвистической терминологии: На материале терминов морфемике и словообразования: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Нижний Новгород, 1998. 26 с.
9. Носович Я. Ф., Сорокина Э. А. Синонимия в отраслевых терминологиях: особенности проявления в языках медицины и лингвистики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 2. С. 22-33.
10. Русинова Л. Н. О некоторых вопросах упорядочения и стандартизации терминологии (терминологическая синонимия) // Термины в языке и речи. Горький: Изд-во ГГУ, 1985. С. 25-31.
11. Смирнова Е. В. Синонимия в современной медицинской терминологии и ее лексикографирование (на примере англо-русских словарей) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2011. Т. 17. № 2. С. 190-194.
12. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории / под ред. Т. Л. Канделаки. 6-е изд. Москва, 2012. 243 с.
13. Таранова Е. Н., Бубырева Ж. А., Таранов А. О. Проблема синонимии в специальной терминологии // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2016. 2 (167). С. 55-60.
14. Федина Е. А. Синонимические отношения в медицинской терминологии // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 3 (11). С. 188-194.
15. Фокина М. С. Синонимия в медицинской терминологии английского языка // Studia Linguistica. Стратегии развития современных лингвистических исследований. Традиции и поиск нового ХХІХ. Санкт-Петербург: Политехника-сервис, 2020. С. 59-64.
16. Шелов С. Д. О вариативности и синонимии в терминологии // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. № 5. С. 3-17.
17. Horecký J. Úloha synonym v terminológii // Kultúra slova. 1968. № 2. S. 321-323.
18. Pllana S., Pllana G., Pllana E., Pllana Z. Synonymy and Terminological doublet in Economic Terminology // Russian Linguistic Bulletin. 2020. № 3 (23). P. 117-120.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Новиков Л. А. Синонимия // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. 1990. Доступ: <https://tapemark.narod.ru/les/446c.html>. (дата обращения: 27.03.2024).
2. Cambridge Dictionary. Доступ: <https://dictionary.cambridge.org>. (дата обращения: 23.03.2024). [CD-online].
3. Longman Business English Dictionary. Pearson, 2008. 594 p. [LBED].

REFERENCES

1. Buzinova, L. M., Chernikova, E. O. (2021). Osobennosti sinonimii v angloyazychnoy ekologicheskoy terminologii [Features of synonymy in English environmental terminology]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 14. Iss. 6. Pp. 1906-1910. (In Russ.).
2. Golovin, B. N., Kobrin, R. Yu. (1987). *Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminakh* [Linguistic foundations of the terms doctrine]. Moskva: Vyssh. shk. (In Russ.).
3. Grinev, S. V. (1993). *Vvedenie v terminovedenie* [Introduction to terminology]. Moskva. (In Russ.).
4. Danilenko, V. P. (1977). *Russkaya terminologiya: opyt lingvisticheskogo opisaniya* [Russian terminology: experience of linguistic description]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
5. Leychik, V. M. (2006). *Terminovedenie: Predmet. Metody. Struktura* [Terminology: Subject. Methods. Structure]. Moskva. (In Russ.).
6. Karpinskaya, E. V. (2000). Norma v terminologii [Norm in terminology]. In *Kultura russkoy rechi*. Moskva. Pp. 120-124. (In Russ.).
7. Lotte, D. S. (1961). *Osnovy postroeniya nauchno-tekhnicheskoy terminologii. Voprosy teorii i metodiki* [Fundamentals of constructing scientific and technical terminology. Theory and methodology issues]. Moskva: AN SSSR. (In Russ.).
8. Marinova, E. V. (1998). *Sinonimiya i variantnost v lingvisticheskoy terminologii: Na materiale terminov morfemiki i slovoobrazovaniya* [Synonymy and variation in linguistic terminology: Based on the terms of morphemics and word formation]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Nizhniy Novgorod. (In Russ.).
9. Nosovich, Ya. F., Sorokina, E. A. (2020). Sinonimiya v otraslevykh terminologiyakh: osobennosti proyavleniya v yazykakh meditsiny i lingvistiki [Synonymy in industry terminologies: features of manifestation in the languages of medicine and linguistics]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. No 2. Pp. 22-33. (In Russ.).
10. Rusinova, L. N. (1985). O nekotorykh voprosakh uporyadocheniya i standartizatsii terminologii (terminologicheskaya sinonimiya) [On some issues of streamlining and standardization of terminology (terminological synonymy)]. In *Terminy v yazyke i rechi*. Gorkiy: Izd-vo GGU. Pp. 25-31. (In Russ.).
11. Smirnova, E. V. (2011). Sinonimiya v sovremennoy meditsinskoj terminologii i ee leksikografirovanie (na primere anglo-russkikh slovarej) [Synonymy in modern medical terminology and its lexicography (using the example of English-Russian dictionaries)]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*. Vol. 17. No 2. Pp. 190-194. (In Russ.).
12. Superanskaya, A. V., Podolskaya, N. V., Vasileva, N. V. (2012). *Obschaya terminologiya: voprosy teorii* [General terminology: theoretical issues]. In T. L. Kandelaki (ed.). 6th ed. Moskva. (In Russ.).
13. Taranova, E. N., Bubyreva, Zh. A., Taranov, A. O. (2016). Problema sinonimii v spetsialnoy terminologii [The problem of synonymy in special terminology]. In *Vestnik TGPU (TSPU Bulletin)*. 2 (167). Pp. 55-60. (In Russ.).
14. Fedina, E. A. (2010). Sinonimicheskie otnosheniya v meditsinskoj terminologii [Synonymous relations in medical terminology]. In *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universtiteta*. No 3 (11). Pp. 188-194. (In Russ.).
15. Fokina, M. S. (2020). Sinonimiya v meditsinskoj terminologii angliyskogo yazyka [Synonymy in English medical terminology]. In *Studia Linguistica. Strategii razvitiya sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy. Traditsii i poisk novogo XXIX*. Sankt-Peterburg: Politekhniko-servis. Pp. 59-64. (In Russ.).

16. Shelov, S. D. (2014). O variativnosti i sinonimii v terminologii [On variability and synonymy in terminology]. In *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. Vol. 73. No 5. Pp. 3-17. (In Russ.).
17. Horecký, J. 1968. Úloha synoným v terminológii. In *Kultúra slova*. No 2. Pp. 321-323.
18. Pllana, S., Pllana, G., Pllana, E., Pllana, Z. (2020). Synonymy and Terminological doublet in Economic Terminology. In *Russian Linguistic Bulletin*. No 3 (23). Pp. 117-120.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Novikov, L. A. (1990). Sinonimiya [Synonymy]. In *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar*. In V. N. Yartseva (ed.). Available at: <https://tapemark.narod.ru/les/446c.html>. (accessed: 27.03.2024).
2. *Cambridge Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org>. (accessed: 23.03.2024).
3. *Longman Business English Dictionary*. Pearson, 2008.

Моргунова Марина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии (e-mail: mnmorgunova@mail.ru), Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» 344006, Ростов-на-Дону, Университетский, 93

Morgunova Marina N. – Candidate of Philology, Associate Professor of English Philology Department (e-mail: mnmorgunova@mail.ru), Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education «Southern Federal University» 93, Universitetskiy, Rostov-on-Don, 344006

Поступила в редакцию 22 апреля 2024 г.

РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ФУНКЦИИ БИБЛЕЙСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА 'GOOD SAMARITAN' В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

*В статье представлены результаты исследования наиболее распространенных функций библейского фразеологизма *good Samaritan*, квантитативно-грамматический анализ которого позволяет выявить ряд наиболее распространенных его функций в современном контексте: функцию подлежащего, функцию предиката, функцию препозитивного определения, функцию постпозитивного определения с предлогом, функцию прямого дополнения, функцию постпозитивного предложного дополнения, процентное соотношение которых дается в работе.*

Ключевые слова: фразеологические единицы, библейский фразеологизм, компонент, перенос значения, функция.

© 2024 T. N. Fedulenkova

COMMON FUNCTIONS OF THE BIBLICAL PHRASEOLOGISM 'GOOD SAMARITAN' IN A MODERN CONTEXT

The article presents the results of a study of the most common functions of the biblical phraseologism 'Good Samaritan', the quantitative and grammatical analysis of which allows to identify a number of its most common functions in the modern context: the function of the subject, the function of the predicate, the function of the prepositive attribute, the function of the postpositive attribute with a preposition, the function of the direct object, the function of the postpositive prepositional object, the percentage of which is given in the work.

Key words: phraseological units, biblical phraseology, component, transfer of meaning, function.

Весьма актуальной проблемой современной лингвистики является проблема употребления библейской фразеологии и ее вариантов в современном английском языке [Fedulenkova, 2020].

Теоретической основой данного исследования послужили труды видных лингвистов в области английской фразеологии [Кунин, 1970], в области фразеологии библейского происхождения [Бакина, 2021, с. 54; 2022; 2023], в области общей и славянской фразеологии [Дубровина, 2012], а также новейшие работы по методологии лингвистических исследований [Комарова, 2018; Бакина, Федуленкова, 2022; Федуленкова, Бакина, 2022]. Для уточнения лингвистического статуса устойчивых выражений фразеологического характера мы опирались на новую работу А. Д. Бакиной, посвященную дифференциации важнейших понятий из сферы библейской фразеологии [Бакина, 2022: 35-43].

Фразеологически устойчивое сочетание слов *a good Samaritan*, произошло

от библейского выражения *a Good Samaritan* (русскоязычный эквивалент – добрый самаритянин, со значением «отзывчивый, добросердечный человек»), которое мы находим в библейском тексте Нового Завета, в Евангелии от Луки, части X, стих. 30-37 [Holy Bible, 2021: 49-50]. В тексте Библии данное сочетание слов не является фразеологической единицей, так как оно не обнаруживает признаков переосмысления, и каждое слово в нем употребляется в своем первоначальном значении: речь идет об одном добром страннике из самаритян, который, увидев по дороге больного, изможденного, всего в ранах и струпьях человека, незамедлительно поспешил ему на помощь.

Со временем это словосочетание применяется все чаще для обозначения и других добросердечных людей, готовых прийти на помощь бедствующим, страждущим или попавшим в неприятную ситуацию. Таким образом осуществляется перенос наименования от одного денотата к другому, что обеспечивает данному словосочетанию повышение уровня абстракции [Fedulenkova, 2019: 46], и частое использование ведет к его устойчивости и воспроизводимости в речи. Следовательно, это сочетание слов приобретает статус фразеологической единицы.

Наше внимание привлекает распространенность употребления данного выражения в современном английском языке именно в качестве фразеологической единицы. Посредством количественного анализа национальных корпусов английского языка и его вариантов обнаруживаем, что в Британском национальном корпусе [BNC] библейский фразеологизм (*a / the good Samaritan*) проиллюстрирован несколько десятков раз и в Корпусе современного американского английского [COCA] встречается более восьмисот раз.

Результаты исследования

В результате грамматического и количественного анализа рассматриваемой фразеологической единицы библейского происхождения получаем следующие данные.

1. В функции подлежащего БФЕ *Good Samaritan* выступает в 22% случаев, например:

<...> *but somehow ended up in a liquor store alone. My only information about what preceded the video comes from the description on YouTube. Apparently, I was buying a six-pack of an expensive microbrew, which I'd probably selected to seem more normal, although it just ended up making me look like a bigger asshole. I'm blacked out and staggering, my hair escaped from its topknot, but the cashier probably would have sold to me anyway if I'd had my wallet. I'm still not sure where I lost it that night and never got it back, which was unusual. Usually, I was able to track it down the next day or some **Good Samaritan** mailed it back to the address on my driver's license* [COCA] <...> но каким-то образом оказался в винном магазине один.

Единственная информация о том, что предшествовало этому видео, взята из описания на

YouTube. Очевидно, я покупал упаковку из шести бутылок дорогого пива, которое, вероятно, выбрал, чтобы казаться более нормальным, хотя в итоге я выглядел еще большим придурком. У меня потемнело в глазах, я пошатываюсь, волосы выбились из прически, но кассирша, вероятно, все равно продала бы мне, будь у меня при себе бумажник. Я до сих пор не уверен, где потерял его в ту ночь и так и не вернул, что было необычно. Обычно мне удавалось отследить его на следующий день, или какой-нибудь *добрый самаритянин* отправлял его обратно по адресу, указанному в моих водительских правах' (*Здесь и далее пер. мой – Т.Ф.*).

2. В функции предиката БФЕ *Good Samaritan* выступает в 8% случаев, например:

“<...> now I'm not sure who to help.” # *I put my hands on my hips.* “You saw someone with a knife and your bright idea was to run toward him?” # “Of course,” he said incredulously. “You were in danger. I couldn't just...” # “From this guy?” I jerked my thumb back. “Hardly. Not with that butter knife.” # *Tall, Dark, and Handsome shoved a hand through his shoulder-length hair, clearly frustrated. I felt a little bad that I was giving this guy such a hard time, but I was having too much fun.* # “I just didn't want to see anyone get hurt.” # “A little too late for that”. # *I smirked.* “Aren't you the perfect **Good Samaritan**, friend to all, or should I say comrade to all?” I'd placed the accent [COCA] ‘<...> теперь я не уверен, кому помогать». # Я уперла руки в бока. «Ты увидел кого-то с ножом, и твоей блестящей идеей было броситься к нему?» # «Конечно», – недоверчиво произнес он. «Ты была в опасности. Я не мог просто так ...» # «От этого парня?» Я отвела большой палец в сторону. «Вряд ли. Только не этим ножом для масла». # Высокий, темноволосый и красивый, он провел рукой по своим волосам длиной до плеч, явно расстроенный. Мне было немного не по себе от того, что я доставляю этому парню столько хлопот, но мне было слишком весело. # «Я просто не хотел, чтобы кто-нибудь пострадал». # «Немного поздно для этого». # Я ухмыльнулась. «Разве ты не идеальный *Добрый самаритянин*, друг для всех, или лучше сказать – товарищ для всех?» – Я сделала ударение на последней фразе’.

3. В функции препозитивного определения БФЕ *Good Samaritan* выступает в 41% случаев, например:

The condition of a fishing vessel abandoned is unknown days after the crew abandoned ship. # *The Alaska Department of Environmental Conservation says a salvage vessel is expected to arrive at the last known location of the Alaska Juris late Thursday. Officials said heavy fog has created low visibility concerns, and prevented any imagery of the Alaska Juris from aircraft.* # *A problem in the engine room on Tuesday led to flooding on board the Alaska Juris off*

Alaska's Aleutian Islands, forcing the crew to abandon ship. All 46 crew members were rescued by good Samaritan ships, and there were no injuries [COCA] ‘Состояние брошенного рыболовецкого судна неизвестно через несколько дней после того, как экипаж покинул судно. # Департамент охраны окружающей среды Аляски сообщает, что спасательное судно, как ожидается, прибудет к последнему известному месту нахождения Alaska Juris поздно вечером в четверг. Официальные лица заявили, что сильный туман привел к ухудшению видимости и не позволил получить какие-либо изображения судна Alaska Juris с борта самолета. # Во вторник неполадки в машинном отделении привели к затоплению судна Alaska Juris у Алеутских островов, что вынудило экипаж покинуть судно. Все 46 членов экипажа были спасены судами «**Добрый самаритянин**», никто не пострадал’.

В функции препозитивного определения БФЕ *Good Samaritan* может выступать в форме притяжательного падежа, например:

*Finally, Abrianna stood above a crumpled old man, in the middle of the road, and was at a loss as to what to do. # “I’m not drunk. I’m a diabetic. Can you help me up?” the man asked. # “Uh, sure.” She knelt, despite fear, <...>. It could be a trap, Abrianna reasoned even as she wrapped one of the guy’s arms around her neck. Then, using all of her strength, she tried to help him to his feet, but couldn’t. A Good Samaritan materialized out of nowhere to help her out. # “Whoa, man. Are you okay?” the stranger asked. # Abrianna caught glimpse of **the Good Samaritan’s** shoulder-length stringy blond hair as a passing cab’s headlights rolled by. He was ghost white with ugly pockmarks. # “Yes. Yes,” the fallen guy assured. “It’s my blood sugar. If you could just help me back over to the sidewalk that would be great.” “Sure. No problem,” the blond stranger said. Together, they helped the old black man back across the street [COCA]* ‘Наконец, Абрианна остановилась посреди дороги над скрюченным стариком и не знала, что делать. # «Я не пьян. Я диабетик. Вы можете помочь мне подняться? – спросил мужчина. # «О, конечно». Она опустилась на колени, несмотря на страх, <...>. «Это может быть ловушка», – подумала Абрианна, обнимая парня за шею. Затем, собрав все свои силы, она попыталась помочь ему подняться на ноги, но не смогла. Добрый самаритянин материализовался из ниоткуда, чтобы помочь ей. «Ого, чувак. Ты в порядке?» – спросил незнакомец. # В свете фар проезжающего такси Абрианна мельком увидела светлые волосы **Доброго самаритянина** до плеч. Он был бледен, как привидение, с уродливыми оспинами. «Да. Да», – заверил упавший. «Это из-за сахара в моей крови. Было бы здорово, если бы вы помогли мне вернуться на тротуар». «Конечно. Без проблем», – сказал светловолосый незнакомец. Вместе они помогли пожилому чернокожему перейти улицу’.

В функции препозитивного определения БФЕ *Good Samaritan* часто выступает перед такими существительными, как *policy, law, hospital*, например:

(1) *We then consider more refined measures including controlled substances and opioids specifically. <...>. We also conduct several specification and robustness tests to support our identification strategy and results. <...>. There is a large and growing literature on the effects of policies and programs designed to address substance misuse, dependence, and overdose. There is a much smaller population-based literature evaluating harm reduction policies and **Good Samaritan** policies in particular [COCA]* ‘Затем мы рассматриваем более совершенные меры, включая контролируемые вещества и, в частности, опиоиды. <...>. Мы также проводим несколько технических тестов и тестов на надежность, чтобы подтвердить нашу стратегию идентификации и полученные результаты. <...>. Существует обширная и постоянно растущая литература о влиянии политики и программ, направленных на борьбу со злоупотреблением психоактивными веществами, зависимостью и передозировкой. Существует гораздо меньше популяционной литературы, посвященной политике снижения вреда и политике **доброго самаритянина**, в частности’.

(2) *<...> callers can ask for amnesty on misdemeanor drug charges, such as drug possession, possession of drug-abuse instruments, permitting drug abuse and drug-paraphernalia charges. Drug traffickers will not be eligible for amnesty. “This is not for drug dealers,” Schmidt said. “You won’t be able to avoid charges. The amnesty program also will not let people avoid parole or probation violations, bond violations or Drug Court sanctions, Schmidt said. # Drug overdoses are the leading cause of accidental deaths in the state. Ross County is among the areas with the highest rates of drug overdose deaths when accounting for population and age. The program was established over the past few months by Schmidt’s office, the county sheriff’s office, the Chillicothe Police Department and other area law-enforcement agencies. So-called “**good Samaritan**” laws exist in 34 other states, including Kentucky, West Virginia, Pennsylvania and Illinois. Ohio legislators are considering a similar measure that is being heard in the House Judiciary Committee [COCA]* ‘<...> звонившие могут просить об амнистии по обвинению в мелком правонарушении, связанном с наркотиками, например, в хранении наркотиков, инструментов для злоупотребления наркотиками, разрешении злоупотреблять наркотиками и их атрибутике. Наркаторговцы не будут подпадать под амнистию. «Это не для наркаторговцев», – сказал Шмидт. «Вам не удастся избежать обвинений». Программа амнистии также не позволит людям избежать условно-досрочного освобождения или нарушений условий испытательного срока, залога или

санкций суда по борьбе с наркотиками, – сказал Шмидт. Передозировка наркотиков является основной причиной несчастных случаев в штате. Округ Росс входит в число районов с самыми высокими показателями смертности от передозировки наркотиков, если учитывать численность населения и возраст. Программа была создана за последние несколько месяцев офисом Шмидта, офисом окружного шерифа, полицейским управлением Чилликота и другими местными правоохранительными органами. Так называемые законы о «*добром самаритянине*» действуют в 34 других штатах, включая Кентукки, Западную Вирджинию, Пенсильванию и Иллинойс. Законодатели штата Огайо рассматривают возможность принятия аналогичной меры’.

(3) *He was just 23 years old. POGLIANO): And he'll sort of be forever young, right? KENNEDY): He started showing symptoms of the disease when he was 16. He became paranoid and started doing things like hiding kitchen implements, out of fear that someone was trying to kill his family. POGLIANO): His personality just drastically changed. He had a thousand rituals around things so that he wasn't harmed. KENNEDY): Then as part of his illness, Zac started to think he actually did have dramatic injuries, like a gunshot wound or a smashed ankle. He'd call 911. This happened repeatedly in 2013 and 2014. POGLIANO): He took probably 20-plus trips to the ER in about a year's time. KENNEDY): Often Zac was taken to **Good Samaritan Hospital**, where <...> [СОСА] ‘Ему было всего 23 года. ПОЛИАНО): И он, похоже, будет вечно молодым, верно? КЕННЕДИ): У него начали проявляться симптомы болезни, когда ему было 16. Он стал параноиком и начал, например, прятать кухонные принадлежности, опасаясь, что кто-то пытается убить его семью. ПОЛИАНО): Его личность просто кардинально изменилась. У него были тысячи ритуалов, связанных с вещами, чтобы ему не причинили вреда. КЕННЕДИ): Затем, когда Зак заболел, он начал думать, что у него действительно были серьезные травмы, например, огнестрельное ранение или раздробленная лодыжка. Он звонил в 911. Это повторялось неоднократно в 2013 и 14 годах. ПОЛИАНО): Примерно за год он совершил около 20 с лишним поездок в отделение неотложной помощи. КЕННЕДИ): Часто Зака отвозили в больницу *Доброго самаритянина*, где <...>’.*

4. В функции постпозитивного определения с предлогом БФЕ *Good Samaritan* выступает в 13% случаев, например:

And the niece who is Sheen's closest living relative has filed a lawsuit seeking to have his remains moved to a cathedral in Peoria. <...>. A lower court judge found in favor of the niece but the New York Supreme Court Appellate Division has reversed that decision. And the battle of the blessed bones will now return to the lower court. # Such doing would have been beyond all

imagining back in 1952, when Sheen, appeared on the cover of Time Magazine. He went on to beat out comedian Milton Berle for the 1953 Emmy for Most Outstanding Personality. # Sheen lightened the scripture with humor. In one episode about the Good Samaritan, he offered a possible reason why <...> [COCA] 'А племянница, которая является ближайшей родственницей Шина, подала иск, требуя, чтобы его останки перенесли в кафедральный собор в Пеории. <...> Судья суда низшей инстанции вынес решение в пользу племянницы, но апелляционный отдел Верховного суда Нью-Йорка отменил это решение. И теперь битва за благословенные кости будет передана на рассмотрение суда низшей инстанции. # В 1952 году, когда Шин появился на обложке журнала Time, такое невозможно было даже вообразить. В 1953 году он обошел комика Милтона Берла в номинации «Самая выдающаяся личность» на премию «Эмми». # Шин с юмором осветил Священное Писание. В одном из эпизодов о добром самаритянине он предложил возможную причину, по которой <...>'.

5. В функции прямого дополнения БФЕ *Good Samaritan* выступает в 7% случаев, например:

<...> family, and that was no way to handle him. "Did he locate your home by following the house number?" Mom asked Auntie. "Is he going to squat in front of our house?" Auntie told Mom she could rest assured that Changshou wouldn't be able to identify our house, although he located hers. Mom wasn't convinced though. "I know too well you've got some really gossipy neighbors – they would readily volunteer the information." # Auntie repeatedly denied such a possibility, but deep inside she wasn't so sure herself. She grabbed a towel to wipe the beads of sweat that were springing out on her forehead. Suddenly, resentment flashed in her eyes. "Gong Aihua, it was all her doing!" Auntie cried out. "She's playing good Samaritan while leaving all the dirty work to others [COCA] '<...> семья, и это был не лучший способ справиться с ним. «Он нашел ваш дом по номеру?» – спросила мама тетю. «Он собирается присесть на корточки перед нашим домом?» «Тетя сказала маме, что она может быть спокойна, что Чаншоу не сможет опознать наш дом, хотя он и нашел ее дом. Однако маму это не убедило. «Я слишком хорошо знаю, что у вас есть соседи, которые любят посплетничать – они с готовностью поделятся информацией». Тетушка неоднократно отрицала такую возможность, но в глубине души сама не была в этом уверена. Она схватила полотенце, чтобы вытереть капли пота, выступившие у нее на лбу. Внезапно в ее глазах вспыхнуло негодование. «Гун Айхуа, это все ее рук дело! – Воскликнула тетушка. – Она разыгрывает из себя добрую самаритянку, оставляя всю

грязную работу другим»’.

6. В функции постпозитивного предложного дополнения БФЕ *Good Samaritan* выступает в 9% случаев, например:

(e.g. 1) # *Ranger is active and will help to keep you moving. (Courtesy of Mission Viejo Animal Services) # Age: 1 year # Gender: Neutered male # Ranger’s story: Ever dreamed of running with the big dogs? Then young, exuberant Ranger is just the one for you. Ranger was brought to the Mission Viejo Animal Services Center by a good Samaritan who found him in the city. After being assessed by a dog trainer, staff designed an enrichment program to benefit Ranger during his stay at the shelter and to kick-start his success in a new home [COCA]* ‘# Рейнджер активен и поможет вам двигаться дальше. (Любезно предоставлено Службой поддержки животных Миссии Вьехо) # Возраст: 1 год # Пол: Кастрированный кобель # История рейнджера: Вы когда-нибудь мечтали побегать с большими собаками? Тогда молодой, энергичный Рейнджер – это то, что вам нужно. Рейнджера привел в Центр помощи животным Миссии Вьехо **добрый самаритянин**, который нашел его в городе. После оценки, проведенной кинологом, сотрудники разработали программу обогащения, которая должна была помочь Рейнджеру во время его пребывания в приюте и способствовать его успеху в новом доме’.

(e.g. 2) # *Eli’s backstory is a little convoluted, but it eventually leads to Robbie’s satisfyingly tragic transformation. In the tradition of such heroes as Iron Man and Doctor Strange, the young man was an arrogant, self-centered narcissist, one whose only concern was winning street races in his uncle’s Dodge Charger, before he and his brother Gabe ran afoul of the assassins targeting Eli. They crippled Gabe and murdered Robbie, but with his dying wish Eli made a literal deal with the devil and was paid a visit by Johnny Blaze. We don’t see his face, just his black leather jacket and a wheel of his motorcycle, but the flaming skull of his Ghost Rider is the last thing Robbie sees before he shares his gift/curse. # Since this sequence is by far the most interesting part of “The Good Samaritan,” it’s a shame we don’t get to see it unbroken by scenes of present-day <...> [COCA]* ‘# Предыстория Илая немного запутана, но в конечном итоге она приводит к трагическому преображению Робби. В традициях таких героев, как Железный человек и Доктор Стрэндж, молодой человек был высокомерным, эгоцентричным нарциссом, единственной заботой которого были победы в уличных гонках на «Додж Чарджере» своего дяди, пока он и его брат Гейб не столкнулись с убийцами, нацелившимися на Илая. Они искалечили Гейба и убили Робби, но, исполняя свое предсмертное желание, Илай в буквальном смысле заключил сделку с дьяволом, и его навестил Джонни Блейз. Мы не видим его лица, только черную кожаную куртку и

руль мотоцикла, но пылающий череп Призрачного гонщика – последнее, что видит Робби, прежде чем поделиться своим даром/проклятием. # Поскольку этот эпизод, безусловно, является самой интересной частью «Доброго самаритянина», жаль, что мы не увидим его без сцен современного бизнеса <...>.

В результате количественно-грамматического анализа выявляем ряд наиболее распространенных функций рассматриваемого библейского фразеологизма *good Samaritan*, процентное соотношение которых представляется в следующих цифрах: а) в функции подлежащего БФЕ *Good Samaritan* выступает в 22% случаев, б) в функции предиката БФЕ *Good Samaritan* выступает в 8% случаев, в) в функции препозитивного определения БФЕ *Good Samaritan* выступает в 41% случаев, г) в функции постпозитивного определения с предлогом БФЕ *Good Samaritan* выступает в 13% случаев, д) в функции прямого дополнения БФЕ *Good Samaritan* выступает в 7% случаев, е) в функции постпозитивного предложного дополнения БФЕ *Good Samaritan* выступает в 9% случаев.

Результаты данной работы будут использованы в построении типологических параллелей [Аракин, 2004; Fedulenkova, 2014] функционирования библейских фразеологизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аракин В. Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования. Москва: Высш. шк., 2004. 158 с.
2. Бакина А. Д. Библизмы VS библейские фразеологизмы: уточнение понятий // Вестник САФУ. № 6. 2021. С. 35-43.
3. Бакина А. Д. Библейская фразеология: вчера, сегодня, завтра: монография. Орел: Картуш, 2023. 452 с.
4. Бакина А. Д. Интертекстуальный потенциал библейских фразеологизмов // Вестник САФУ. 2022. № 5. С. 40-48.
5. Бакина А. Д. Прагматика перевода библейских фразеологических единиц (на примере медийных текстов) // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2021. Т. 17. Вып. 4 (54). С. 54-66.
6. Бакина А. Д., Федуленкова Т. Н. Методы лингвистического исследования в синхронии и диахронии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. № 8 (2). С. 190-196.
7. Дубровина К. Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культурах. Москва: Флинта: Наука, 2012. 264 с.
8. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. Москва: ФЛИНТА, Наука, 2018. 820 с.
9. Кунин А. В. Английская фразеология. Теоретический курс. Москва: Высшая школа, 1970. 344 с.
10. Федуленкова Т. Н., Бакина А. Д. Проблемы методологии лингвистических исследований // Вестник НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород: НГЛУ, 2022. Вып. 4 (60). С. 208-214.
11. Fedulenkova T. Phraseological Abstraction // *Cross-Linguistic and Cross-Cultural*

Approaches to Phraseology. Arkhangelsk; Aarhus, 2019. P. 42-54.

12. Fedulenkova T. Modern life of biblical phraseology and its variants in English // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS). 2020. Доступ: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.08.171>. (дата обращения: 27.04.2024).

13. Fedulenkova T. Typological Relevance of Phraseology: New Approach to the Study of Phraseological Units // Book of Abstracts of the 12th Conference of the European Society for the Study of English, 29 August – 2 September 2014. Košice: University in Košice, 2014. P. 91-92.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Corpus of Contemporary American English. Available at: <https://www.english-corpora.org/coca>. (accessed: 23.04.2024). [COCA].

2. Holy Bible. King James Version. Iowa, London: Her Majesty's Printers, 2021. 582 p. + 179 p.

REFERENCES

1. Arakin, V. D. (2004). *Tipologiya yazykov i problema metodicheskogo prognozirovaniya* [Typology of languages and the problem of methodological forecasting]. Moskva: Vyssh. shk. (In Russ.).

2. Bakina, A. D. (2021). Bibleizmy VS bibleyskie frazeologizmy: utochnenie ponyatiy [Biblical words VS biblical phraseological units: clarification of concepts]. In *Vestnik SAFU*. No 6. Pp. 35-43. (In Russ.).

3. Bakina, A. D. (2023). *Bibleyskaya frazeologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Biblical phraseology: yesterday, today, tomorrow]. Orel: Kartush. (In Russ.).

4. Bakina, A. D. (2022). Intertekstualnyy potentsial bibleyskikh frazeologizmov [Intertextual potential of biblical phraseological units]. In *Vestnik SAFU*. No 5. Pp. 40-48. (In Russ.).

5. Bakina, A. D. (2021). Pragmatika perevoda bibleyskikh frazeologicheskikh edinit (na primere mediynykh tekstov) [Pragmatics of translation of biblical phraseological units (using the example of media texts)]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. Vol. 17. Iss. 4 (54). Pp. 54-66. (In Russ.).

6. Bakina, A. D., Fedulenkova, T. N. (2022). Metody lingvisticheskogo issledovaniya v sinkhronii i diakhronii [Methods of linguistic research in synchrony and diachrony]. In *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. No 8 (2). Pp. 190-196.

7. Dubrovina, K. N. (2012). *Bibleyskie frazeologizmy v russkoy i evropeyskoy kulturakh* [Biblical phraseological units in Russian and European cultures]. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).

8. Komarova, Z. I. (2018). *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Methodology, method, technique and technology of scientific research in linguistics]. Moskva: FLINTA, Nauka. (In Russ.).

9. Kunin, A. V. (1970). *Angliyskaya frazeologiya. Teoreticheskiy kurs* [English phraseology. Theoretical course]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).

10. Fedulenkova, T. N., Bakina, A. D. (2022). Problemy metodologii lingvisticheskikh issledovaniy [Problems of linguistic research methodology]. In *Vestnik NGLU im. N. A. Dobrolyubova*. Nizhniy Novgorod: NGLU. Iss. 4 (60). Pp. 208-214.

11. Fedulenkova, T. (2019). Phraseological Abstraction. In *Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology*. Arkhangelsk; Aarhus. Pp. 42-54.

12. Fedulenkova, T. (2020). Modern life of biblical phraseology and its variants in English. In *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS)*. Available at: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.08.171>. (assecced: 27.04.2024).

13. Fedulenkova, T. (2014). Typological Relevance of Phraseology: New Approach to the Study of Phraseological Units. In *Book of Abstracts of the 12th Conference of the European Society for the Study of English, 29 August – 2 September 2014*. Košice: University in Košice. Pp. 91-92.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Corpus of Contemporary American English*. Available at: <https://www.english-corpora.org/coca>. (accessed: 23.04.2024).

2. *Holy Bible*. King James Version. Iowa, London: Her Majesty's Printers, 2021.

Федуленкова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации (e-mail: fedulenkova@list.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых» 600000, Владимир, Горького, 87

Fedulenkova Tatiana N. – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Foreign Languages Department (e-mail: fedulenkova@list.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vladimir State University named after the Stoletovs» 87 Gorkogo, Vladimir, 600000

Поступила в редакцию 30 апреля 2024 г.

УДК 811.111:81'271

© 2024 Д. Ю. Шидловская

РОЛЬ СЕМАНТИКИ ВОСХОДЯЩЕГО ДВИЖЕНИЯ В НАИВНОМ ОСМЫСЛЕНИИ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ)

Статья посвящена исследованию семантики фразеологических единиц, в основе которых лежат образы восходящего движения. В работе выявляются сферы жизни человека, в репрезентации которых участвуют рассматриваемые единицы, определяются механизмы порождения их значения, описывается роль концепта восходящего движения в образном осмыслении мира представителями англоязычной лингвокультуры.

Ключевые слова: фразеологическая единица, внутренняя форма, семантика, движение, метафора, метонимия, миф, модель.

© 2024 D. Yu. Shidlovskay

SEMANTICS OF UPWARD MOTION IN NAIVE PERCEPTION OF THE WORLD (BASED ON ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH VERBS OF MOTION)

The article presents the study of the phraseological units semantics with underlying images of upward motion. The author identifies the spheres of human life, which are characterised by these phrases, determines the mechanisms of their meaning construction, and describes the role of upward motion in the naïve conceptualization of the world within the frameworks of English-speaking culture.

Key words: phraseological unit, inner form, semantics, motion, metaphor, metonymy, myth, model.

Окружающая действительность в том виде, в котором она предстает в сознании человека, соткана из противоположностей [Гинзбург, 2004: 135]. Одной из центральных оппозиций в системе архаичных представлений является оппозиция *верха* и *низа*. В мифических картинах мир предстает преимущественно по вертикали и разделен на три части: верхний, земной и нижний миры [Токарев, 1980: 193]. Начиная с древних времен, движение по вертикали наделяется ценностно-нравственным смыслом, обретая конкретную семантическую характеристику. Идея вертикальности ассоциируется преимущественно с восходящим движением, которое ведет к нравственности, духовности и воспринимается как идеальное, правильное, нерушимое [Иоффе, 2010: 412]. В этом состоит его принципиальное отличие от нисходящего движения, которое в архаичных представлениях отождествлялось с брэнностью, гибелью, быстротечностью бытия. Несмотря на разложение архаичной пространственной системы и формирование картины мира под влиянием научных открытий, представления, свойственные наивному мировоззрению, продолжают сохраняться в языковых формах.

В настоящей статье рассматривается роль концепта восходящего движения в формировании знаний человека об окружающей действительности. Исследование проводится в рамках англоязычной лингвокультуры на материале фразеологических единиц (далее ФЕ) английского языка с компонентами-глаголами движения. Актуальность проводимого исследования определяется следующими аспектами:

- недостаточной изученностью роли концепта движения в описании различных фрагментов действительности;
- необходимостью выявления связей и отношений между различными концептами для реконструкции целостной картины мира;
- дальнейшим совершенствованием и углублением исследований семантического потенциала глагольной фразеологии.

Цель исследования заключается в комплексном изучении семантики ФЕ с глаголами движения и выявлении роли концепта восходящего движения в репрезентации знаний об окружающей действительности. Основным критерием для отбора фразеологического материала послужило наличие у рассматриваемых единиц глагольного компонента с архисемой «движение» и дифференциальной семой «направление вверх». В ходе компонентного и дефиниционного анализа было выявлено, что восходящее движение может быть вербализовано как сочетанием различных глаголов движения с лексемой *up*, так и рядом глаголов движения в их прямом значении «двигаться вверх»: *rise, raise, lift, climb, ascend*. В материал исследования также вошли ФЕ с глаголами движения *fly* и *jump*, ассоциативно связанными с идеей перемещения в верхней части пространства.

Поскольку настоящая работа опирается на результаты семантического анализа, представляется необходимым уточнить терминологический аппарат исследования и дать определения следующим понятиям: *фразеологическое значение, внутренняя форма ФЕ и коннотативный аспект значения ФЕ*.

Фразеологическое значение определяется нами как составная часть плана содержания ФЕ, образованная в результате переосмысления переменного сочетания слов и косвенно отражающая определенные знания об объектах или явлениях окружающей действительности. Под внутренней формой мы, вслед за А. В. Куниным, понимаем значение его прототипа, с которым значение ФЕ связано деривационными отношениями [Кунин, 1996: 27]. А. В. Кунин определяет прототип как мотивирующую базу, с которой ФЕ связана деривационными отношениями в синхронии или диахронии. Причем под прототипом понимаются не только переменные сочетания слов, но и различные

ассоциации: культурные, исторические и так далее [Там же]. По нашему мнению, это определение избыточно по ряду причин. Во-первых, оно неоправданно сближает форму и содержание языковой единицы. Несмотря на безусловную связь между данными категориями, они все же представляют собой разные стороны знака. Во-вторых, прототип отождествляется с ассоциативными знаниями, которые являются частью значения прототипа (частью его внутренней формы – см. выше), представляя его импликационал. Таким образом, предлагаемое А. В. Куниным определение прототипа ФЕ сближает его с семантической категорией. Это вызывает вопросы о статусе прототипа как составного компонента плана содержания ФЕ и о его соотношении с внутренней формой ФЕ, что чревато смешением данных понятий. Поэтому в рамках нашей работы мы трактуем прототип как переменные сочетания слов, на базе которых образуется ФЕ. На наш взгляд, такая трактовка соответствует двусторонней структуре знака и четко разграничивает план выражения и план содержания ФЕ.

Коннотативный аспект трактуется нами широко и рассматривается как семантический компонент, выражающий эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение говорящего к предметам или явлениям действительности [Телия, 1986: 5]. Мы считаем, что коннотативный аспект может выделяться как на уровне значения ФЕ, так и на уровне ее внутренней формы, где он входит в состав значения компонентов ФЕ либо связан с семантикой ситуации, вербализованной прототипом ФЕ.

Значение ФЕ образуется посредством переосмысления генетического прототипа ФЕ на основе метафоризации, метонимизации или синекдохи, сравнения. Переосмысление также может быть смешанным, метафоро-метонимическим [Кунин, 1996]. В зарубежной литературе интеракция между метафорой и метонимией обозначается термином «метафтонимия», введенным Л. Гуссенсом [Goossens, 1990]. Иной взгляд на проблему метафоро-метонимического взаимодействия предлагает Н. Ример, который формулирует понятия «пост-метафора» и «пост-метонимия». Данные модели образуются в результате конвенционализации и генерализации первичных метафор и метонимий, а не их смешения [Dirven, 2003: 381]. Мы согласны с мнением Н. Римера, однако в данной работе будем придерживаться понятия «метафоро-метонимическое переосмысление», используемого в отечественной фразеологии [Кунин, 1996: 77, 128].

Кроме этого, в формировании значения ФЕ также могут участвовать архаичные модели представления о мире, которые современным сознанием трактуются как метафорические конструкции [Лотман, 1992]. По нашему мнению, к ним относятся так называемые *структурные, онтологические* и *ориентационные* метафоры [Lakoff,

Johnson, 1980], используемые для концептуализации абстрактных понятий, эмоций, состояний, ощущений и других явлений, недоступных для непосредственного восприятия. Мы полагаем, что данные переносы целесообразно рассматривать не как *метафорические*, а как *мифические модели* представления знаний, поскольку они не основаны на сходстве между двумя сущностями, а представляют собой, скорее, трансформации одного и того же предмета или явления. Мифические модели по своей сути синкретичны и не дискретны, что противоречит сущности метафоры как механизма, основанного на сопоставлении двух различных друг от друга областей.

Определив тематические и теоретические рамки исследования, перейдем к результатам, полученным в ходе семантического анализа рассматриваемых единиц.

Фразеологические единицы, прототипы которых вербализуют образы восходящего движения, описывают следующие сферы: *деятельность и межличностные отношения, поведенческую, эмоционально-волевою, физиологическую сферы*. Остальные ФЕ характеризуют различные *жизненные ситуации*. Ниже представлено идеографическое описание каждой из выделенных сфер.

ФЕ *move / step up a gear, pull one's socks up, raise one's game, raise the bar* обозначают улучшение продуктивности работы по сравнению с предыдущим уровнем активности или другими участниками деятельности. ФЕ *raise the bar* также характеризует ситуацию, когда чей-то успех мотивирует других людей добиваться тех же высот. Повышение социального статуса номинирует ФЕ *climb the social ladder*.

ФЕ *go above and beyond the call of duty* характеризует ситуацию, когда человек делает больше, чем требуется или необходимо. Ситуация, когда кого-либо переводят на должность, которая кажется престижной, но на деле такой не является, описывается ФЕ *kick someone upstairs*. Преодоление трудностей вербализовано ФЕ *have a mountain to climb*, достижение трудной цели – ФЕ *reach for the moon / stars*. Конкретные виды трудовой деятельности представлены ФЕ *to be raised to the purple, to be raised to the bench*, обозначающими возведение в сан и назначение судьей соответственно. Наконец, ФЕ *ascend the throne* описывает принятие власти монархом.

Анализ семантики рассматриваемых единиц показывает, что идея восходящего движения служит для обозначения деятельности человека, а именно улучшения этого процесса. На наш взгляд, данный перенос основывается на метафоре, генетически восходящей к синекдохической модели части и целого. С одной стороны, перенос осуществляется на основе сходства между образом движения, содержащимся во внутренней

форме ФЕ, и действием, описываемым на уровне значения. К общим признакам можно отнести категориальный признак «процессуальность». Вместе с тем, движение является неотъемлемой частью деятельности человека по преобразованию окружающей действительности, что говорит о наличии между ними кореферентных отношений.

Во ФЕ *kick someone upstairs* метафора несамостоятельного восходящего движения описывает потенциально неблагоприятную ситуацию для человека, связанную с мнимым повышением. Вероятно, метафора несамостоятельного движения, вызванного внешними силами, может приносить в актуальное значение ФЕ негативные коннотации.

Кроме переносов «движение–деятельность», «восходящее движение–улучшение», в семантике рассматриваемых единиц обнаруживаются и другие метафорические, метонимические и мифические модели. Например, во ФЕ *climb the social ladder* лестница является метафорой социальной иерархии по принципу внешнего сходства. Метафора движения через горы (*have a mountain to climb*) или движения к луне / звездам (*reach for the moon / stars*), вероятно, мотивирована тем, что оба действия требуют огромных усилий для их реализации. Во ФЕ *go above and beyond the call of duty* фиксируется мифическая модель представления долга как пространственного объекта или локуса, над которым может передвигаться субъект. По нашему мнению, не имеет принципиального значения, рассматривается ли долг как вещь или как локус, поскольку пространство и населяющие его объекты не существуют сами по себе и представляют часть единого целого [Никитин, 2007: 667].

Метонимические модели фиксируются во ФЕ *to be raised to the purple*, *to be raised to the bench*. Например, во ФЕ *to be raised to the purple* сан связывается с цветом традиционного облачения духовного лица, тогда как во ФЕ *to be raised to the bench* компонент скамьи создает референцию к залу суда, скамье подсудимых.

Принцип смежности также заложен в основе ФЕ *ascend the throne*, внутренняя форма которой актуализирует образ восхождения на престол, атрибут торжественных королевских церемоний. Описываемая ситуация связана со сценарием коронации как «часть–целое» посредством синекдохи.

Межличностные отношения представлены небольшим количеством ФЕ. Приветствие или почтение объективируются ФЕ *raise one's hat*. Физическое насилие над кем-либо и оказание давления на человека вербализуются ФЕ *lift a hand against someone* и *turn up the heat on someone* соответственно. Перемирие номинировано ФЕ *raise the white flag*. Анализ показывает, что внутренняя форма рассматриваемых ФЕ, за исключением выражения *turn up the heat on someone*, описывает стереотипные (телесные) действия

человека, ассоциируемые с денотатами ФЕ посредством импликационных связей. По этой причине можем утверждать, что между исходным и результирующим образами устанавливаются метонимические отношения части и целого. Однако отметим, что такая интерпретация оправдана только в случае устойчивой конвенциональности и узнаваемости положенных в основу ФЕ ситуаций.

Внутренняя форма ФЕ *turn up the heat on someone* затемнена, однако, согласно словарю *The American Heritage dictionary of idioms*, данная языковая единица может быть связана с пытками. Следовательно, сфера физического действия моделирует представления о межличностных отношениях. Однако вопрос о том, является ли данный перенос метафорой или он имеет более архаичные, мифические корни, остается открытым.

Рассматриваемые ФЕ описывают девиантное и массовое поведение. ФЕ *lift one's elbow* обозначает потребление алкоголя. Высокомерное поведение описывается ФЕ *climb / get on one's high horse*. Неприемлемое поведение в обществе, а также шумные недовольные протесты по поводу чего-либо вербализованы ФЕ *raise hell* и *raise a hue and cry*. Схожей семантикой обладает ФЕ *kick up a stink / fuss / row* со значением «громко жаловаться».

По нашему мнению, внутренняя форма ФЕ *lift one's elbow* связана с ее значением при помощи синекдохи по принципу «части и целого», где внутренняя форма отражает фрагмент сценария потребления алкоголя.

ФЕ *climb / get on one's high horse* можно отнести к метафорическим единицам, так как сходство между исходным и результирующим образами проходит по линии общего импликационного признака «смотреть свысока»: человек, сидящий на лошади, смотрит на других сверху вниз.

Во ФЕ *raise hell* и *raise a hue and cry, kick up a stink / fuss / row* на уровне внутренней формы фиксируется мифическая модель представления крика и суеты как материальных объектов, которые можно перемещать в пространстве. Во ФЕ *raise hell* ад также предстает как мобильная часть пространства. Как нам кажется, ассоциации, связанные с адом, определяют коннотативный аспект актуального значения рассматриваемой ФЕ, привнося отрицательную оценочность.

Рассматриваемые в исследовании ФЕ описывают как положительные, так и отрицательные эмоции. Радость вербализуется следующими ФЕ: *be floating / be walking on air, jump for joy, lift someone's spirits, raise a smile, raise someone's hopes*. Раздражение, злость представлены ФЕ *raise someone's hackles, hit the ceiling, throw up one's hands*; страх или шок обозначает ФЕ *fling up one's hands*, удивление эксплицируется ФЕ *raise eyebrows*.

В концептуализации радости, по нашему мнению, участвует мифическая модель восходящего движения, так как за «верхом» традиционно закрепляются положительные эмоциональные состояния [Воркачев, 2001; Kovecses, 2000]. Можно предположить, что данный «перенос» мотивирован телесным опытом, когда в состоянии счастья и радости человек испытывает чувство окрыленности и как будто желает взлететь. Более того, на уровне внутренней формы ФЕ также выделяются мифические модели, представляющие надежды (*raise someone's hopes*), настроение (*lift someone's spirits*), улыбку (*raise a smile*) как материальные объекты, которые можно перемещать в пространстве.

Как показывает анализ ФЕ, репрезентирующих раздражение и злость, их семантика на уровне внутренней формы также связана с идеей верха, однако их мотивирующая база не совпадает с ФЕ, денотатами которых являются положительные эмоции. Так, в основе ФЕ *raise someone's hackles* лежит зооморфная мифическая модель, восходящая к архаичным мировоззренческим концепциям зооморфизма и тотемизма. Вместе с тем мы считаем, что на современном синхронном срезе зооморфные модели можно трактовать как метафору, поскольку между поведением животных и людей обнаруживается много общего, что позволяет выделить признаки сходства (= метафору).

Во ФЕ *hit the ceiling*, вероятно, заложена идея жара, теплоты, мотивирующая значение данной ФЕ. Поскольку мы не видим сходства между данными концептами и злостью, мы склонны предположить, что семантика этой языковой единицы строится на основе мифических представлений, эмпирическим основанием которых являются телесные ощущения.

Внутренняя форма ФЕ *throw up one's hands, fling up one's hands, raise eyebrows* отражает стереотипные телесно-экспрессивные движения, ассоциативно связанные с соответствующими эмоциональными проявлениями. Учитывая, что эмоции заведомо недоступны непосредственному восприятию, наивное сознание стремится объяснить их при помощи знакомых, более конкретных концептов и образов. Мы считаем, что значение рассматриваемых ФЕ формируется при помощи синекдохи, поскольку для метафоры необходимо сходство между сопоставляемыми сущностями, в то время как синекдоха позволяет объяснить эмоции через их «симптоматические» признаки.

Физиологическая сфера представлена следующими ФЕ: *make someone's gorge rise, rise from the ashes, raise someone from the dead, rise from the dead / grave*. ФЕ *make someone's gorge rise* относится к шекспиризмам и реализует значение «испытывать чувство тошноты». Внутренняя форма этой ФЕ, вероятно, мотивирована телесным опытом человека и может быть связана с актуальным значением как метафорически, так и

метонимически, в зависимости от интерпретации образа. С одной стороны, чувство «подъема» горла может быть связано с тошнотой на основе сходства ощущений. С другой стороны, при тошноте и рвоте горло человека совершает произвольные движения (сокращения), что, возможно, и описывается на уровне внутренней формы этой ФЕ. Если данная трактовка верна, то значение ФЕ *make someone's gorge rise* образуется в результате метонимического переосмысления «телесное движение—ощущение».

Остальные ФЕ *rise from the ashes*, *raise someone from the dead*, *rise from the dead/grave* описывают преодоление смерти. Внутренняя форма рассматриваемых единиц связана с мифами о фениксе, а также библейскими сюжетами о бессмертии души и воскресении Христа. Очевидно, что здесь образ восходящего движения связан с пространственной ориентацией, где вертикаль ассоциируется с жизнью, горизонталь – со смертью (человека хоронят в горизонтальном положении). Изменение положения из горизонтального на вертикальное указывает на изменение в физиологическом состоянии человека – преодоление смерти. Мы считаем, что в данных ФЕ реализуется мифическая модель представления знаний.

Ряд ФЕ описывает различные ситуации. Эти единицы рассматриваются отдельно ввиду трудностей с их категоризацией. Так, ФЕ *raise the tone* обозначает «сделать что-либо (место, мероприятие) более приемлемым, привлекательным». Внезапное возникновение неприятного положения передается ФЕ *raise / rear its (ugly) head*. Окончание или крах чего-либо описываются ФЕ *go up in flames / smoke*. Восхождение к славе, улучшение материального положения человека и достижение успеха номинированы ФЕ *rise to fame*, *come / go up in the world*, *be flying high* соответственно.

Во ФЕ *raise the tone* можно выделить метафоро-метонимическую модель «восходящее движение—улучшение». Кроме этого, на уровне внутренней формы также реализуется мифическая модель представления тона как материального объекта.

В формировании семантики ФЕ *raise / rear its (ugly) head* участвует антропоморфная мифическая модель, при помощи которой какое-либо явление или ситуация наделяются чертами, свойственными человеку, в данном случае – наличием головы.

В основе ФЕ *go up in flames / smoke* имплицитно заложена идея сгорания, служащая для описания нежелательного исхода в чем-либо, краха. Концепт огня, вербализованный субстантивным компонентом *flames / smoke*, ассоциируется с адом, болью и смертью и воспринимается как опасная стихия, источник разрушения [Кирло, 2010: 298]. Данные ассоциации, вероятно, определяют семантику рассматриваемой единицы. Мы склонны

предполагать, что концепт физического разрушения огнем связан с концептом неудачи и / или провала при помощи метафоры, так как между исходной и результирующей ситуациями можно обнаружить общие импликациональные признаки: «утрата чего-либо», «уничтожение чего-либо». Помимо этого, сходство наблюдается и в их коннотативном аспекте: обе ситуации имеют отрицательную оценочность. В то же время мы не исключаем, что данная метафора генетически восходит к мифической модели, так как именно архаичному мышлению свойственны переносы из области конкретного в область абстрактного.

В остальных ФЕ *rise to fame, come/go up in the world, be flying high* восходящее движение концептуализирует процесс улучшения, успех в чем-либо. Кроме этого, во ФЕ *rise to fame* на уровне внутренней формы выделяется мифическая модель, посредством которой слава представляется как локус, к которому движется субъект.

В настоящей статье рассмотрены ФЕ, в основе которых лежат образы восходящего движения. Анализ показал, что данные языковые единицы описывают различные процессы жизнедеятельности человека, связанные как с внешним миром, так и внутренним. В ходе семантического анализа было выявлено, что актуальное значение большинства ФЕ строится посредством метафоры, опосредованной метонимическими связями между объектами или ситуациями действительности. В их семантике также обнаруживаются мифические модели представления абстрактных понятий как пространственных категорий – локуса и вещи; фиксируются зооморфная и антропоморфная модели. Метонимия в ее «чистом» виде чуть менее продуктивна и детерминирует актуальное значение ФЕ следующими способами: когда компонент ФЕ создает референцию к значению ФЕ (*to be raised to the purple, to be raised to the bench*); когда внутренняя форма ФЕ отражает образ, являющийся частью конкретного сценария или описывающий признак какого-либо явления, как в случае с репрезентацией эмоций через связанные с ними телесно-экспрессивные движения.

Исследование также позволяет заключить, что положительные коннотации, закрепленные за концептом восходящего движения со временем архаики, сохраняются в основе многих из рассмотренных единиц. Тем не менее в некоторых ФЕ образы восходящего движения наделяются отрицательными свойствами (*climb / get on one's high horse, kick someone upstairs*), что определяется оценочной характеристикой ситуаций, отраженных на уровне их внутренней формы, а также компонентами ФЕ, которые имеют ярко выраженную негативную коннотацию (*raise hell*).

Дальнейшие перспективы исследования заключаются в изучении ФЕ, прототипы

которых вербализуют нисходящее движение. Планируется исследовать сферы жизнедеятельности человека, описываемые данными языковыми единицами, механизмы формирования их значения, а также роль концепта нисходящего движения в образной репрезентации окружающей действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. № 6. С. 47-58.
2. Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. Москва: Новое издательство, 2004. 348 с.
3. Иоффе И. И. Избранное. Культура и стиль. Мцсква: ООО «РАО Говорящая Книга», 2010. 927 с.
4. Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории / пер с англ. Ф. С. Капицына, Т. Н. Колядича. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2010. 525 с.
5. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Москва: Высшая школа; Дубна: Издательский центр «Феникс», 1996. 381 с.
6. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. 479 с
7. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 819 с.
8. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва: Наука, 1986. 141 с.
9. Токарев С. А. Мифы народов мира: энциклопедия. Москва: Советская энциклопедия, 1980. 1147 с.
10. Goossens L. *Metaphonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action* // *Cognitive Linguistics*. 1990. Vol. 1. P. 323-342.
11. Dirven R. *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003. 621 p.
12. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 256 p.
13. Kovecses Z. *Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling*. Paris: Cambridge University Press, 2000. 223 p.

REFERENCES

1. Vorkachev, S. G. (2001). *Kontsept schastya: ponyatiynyy i obraznyy komponenty* [Concept of happiness: conceptual and figurative component]. In *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. No 6. Pp. 47-58. (In Russ.).
2. Ginzburg, K. (2004). *Mify-emblyemy-primety: Morfologiya i istoriya* [Myths-emblems-signs: Morphology and history]. Moskva: Novoe izdatelstvo. (In Russ.).
3. Ioffe, I. I. (2010). *Izbrannoe. Kultura i stil* [Selected Works. Culture and Style]. Moskva: ООО «РАО Govoryashchaya Kniga». (In Russ.).
4. Kirlo, Kh. (2010). *Slovar simvolov. 1000 statey o vazhneyshikh ponyatiyakh religii, literatury, arkhitektury, istorii* [Dictionary of Symbols. 1000 articles on the most important concepts of religion, literature, architecture, history]. Moskva: ZAO Tsentrpoligraf. (In Russ.).
5. Kunin, A. V. (1996). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [The course of phraseology of modern English]. Moskva: Vysshaya shkola; Dubna: Izdatelskiy tsentr «Feniks». (In Russ.).

6. Lotman, Yu. M. (1992) *Izbrannye stati* [Selected articles]. Tallinn: Aleksandra. Vol. 1. (In Russ.).
7. Nikitin, M. V. (2007). *Kurs lingvisticheskoy semantiki* [A course in linguistic semantics]. Sankt-Peterburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena. (In Russ.).
8. Teliya, V. N. (1986). *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [The connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
9. Tokarev, S. A. (1980). *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).
10. Goossens, L. (1990). Metaphonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action. In *Cognitive Linguistics*. Vol. 1. Pp. 323-342.
11. Dirven, R. (2003). *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
12. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press.
13. Kovecses, Z. (2000). *Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling*. Paris: Cambridge University Press.

Шидловская Диана Юрьевна – кандидат филологических наук, преподаватель английского языка, преподаватель центра изучения иностранных языков (e-mail: shidlovska.diana@gmail.com), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет ИТМО» 197101, Санкт-Петербург, Кронверкский проспект, 49

Shidlovskaya Diana Yu. – Candidate of Philology, English language teacher, Lecturer of Foreign Language Training Center (e-mail: shidlovska.diana@gmail.com), Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education «National Research ITMO University» 49 Kronverksky Prospekt, St. Petersburg, 197101

Поступила в редакцию 03 апреля 2024 г.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'272

© 2024 Н. Ю. Бессонов, Е. В. Гордиенко, Г. Г. Слышкин

УРБАНОНИМИЯ КИЕВА 2014-2024 ГГ.: ОТ ДЕКОММУНИЗАЦИИ И ДЕРУСИФИКАЦИИ К НАЦИФИКАЦИИ

В статье анализируются микротопонимические изменения (переименования урбанонимов – элементов городской инфраструктуры: улиц, переулков, площадей и т. п.) в городе Киеве, произошедшие в период с 2014 по 2024 гг. В ходе рассмотрения эмпирического материала исследования проиллюстрирована закономерность, при которой ликвидируются названия, связанные с русским и советским прошлым города, а на их место все чаще приходят топонимы националистического и нацистского происхождения.

Ключевые слова: урбаноним, топоним, переименования, государственная политика, декоммунизация, дерусификация, нацификация.

© 2024 N. Yu. Bessonov, E. V. Gordienko, G. G. Slyshkin

KIEV URBANONYMY 2014 THROUGH 2024: FROM DECOMMUNIZATION AND DE-RUSSIFICATION TO NAZIFICATION

The article addresses microtoponymic changes (renaming of urbanonyms – the elements of the city infrastructure: streets, alleys, squares, etc.) in the city of Kiev in the period from 2014 to 2024. The analysis of the research material illustrates a pattern in which names associated with the Russian and Soviet past of the city are eliminated, and their place is increasingly replaced by placenames of nationalist and Nazi origin.

Key words: urbanonym, toponym, renaming, state policy, decommunization, de-Russification, nazification.

Введение. Активно меняющаяся топонимика на территории современной Украины обусловлена процессами так называемой «декоммунизации» и «дерусификации». С 2022 г. украинскими властями активно начал использоваться термин «деколонизация», относящийся как к декоммунизации – избавлению от символов коммунистической идеологии, так и к дерусификации – отказу от символики Российской империи и России. Подобная практика связана с политикой украинских властей, направленной на безоговорочный отказ и избавление от всего русского. Подобные тенденции проявляются не только в переименовании населенных пунктов и внутригородских объектов, но и в так называемых «ленинопадах», «пушкинопадах», «суворовопадах» – демонтаже памятников советским и русским политическим, военным деятелям и деятелям культуры и искусства. Наиболее ярко подобная политика отражена в законах Украины

«Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов на Украине и запрет пропаганды их символики» [Закон₃, 2015] и «Об осуждении и запрете пропаганды российской имперской политики на Украине и деколонизации топонимии» [Закон₂, 2023].

Стоит отметить, что политика декоммунизации, ярко реализуемая как раз в изменении топонимики, прослеживается во всех бывших республиках СССР (см., напр., [Алейников, 2014; Уличная русофобия: в Риге рубят корни...]), однако наиболее активные процессы переименований и всяческого избавления от общего прошлого происходят в данный момент как раз на территории современной Украины.

Общественно политическая сфера в мире и на Украине часто привлекают внимание исследователей [см. Бессонова, Михачева, 2023] наравне с таким ее аспектом, как топонимия [см. Масальская, 2020; Мезенко, 2023]. Новый топонимикон на территории современной Украины уже находился в фокусе внимания исследователей. Так, рассматривались общие тенденции к политике переименования и сравнение с подобной политикой на постсоветском пространстве [Горицкая, 2016; Гридина, Коновалова, 2019; Питина, 2018], отражение топонимических изменений в средствах массовой информации [Сорокин, Слышкин, Малыгина, 2023], аксиогенная наполняемость проводимых переименований [Сорокин, Малыгина, 2022], концепт украинской «топонимической революции» [Косован, 2019] и т. д. В настоящем исследовании предпринимается попытка анализа изменений в урбанонимии (совокупности урбанонимов) города Киева, направленных на стирание исторической памяти путём подмены устоявшихся ценностей. Отметим, что под «урбанонимом» в работе понимается «имя любого внутригородского топографического объекта» [Подольская, 1978: 154], в том числе названия улиц, площадей и др. Наряду с термином «урбанонимия» нами используется термин «микротопонимикон», т. е. совокупность «индивидуальных названий небольших природных и искусственно созданных объектов» [Суперанская, 1967: 38], «собственное имя ... объекта, созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления...» [Подольская, 1978: 86].

Представляется справедливым отметить, что политика, направленная на избавление от советского наследия, затронула городскую топонимику украинской столицы еще начиная с начала 1990-х годов, что активно продолжалось и в 2000-х. Так, первые переименования, связанные с декоммунизацией киевского городского пространства, произошли в 1990 году, когда, например, Красную площадь переименовали в Контрактную площадь. Этим ознаменовался процесс начала повальной украинизации и вестернизации украинской топонимики, продолжающийся и углубляющийся и в

настоящее время. С 1990 по 2013 активно переименовывались сотни внутригородских объектов украинской столицы, включая районы, улицы, станции метро и т. д. Так, например, еще в 2001 году Московский, Ватутинский и Минский районы стали Голосеевским (в честь местности Голосеево), Деснянским (в честь реки Десенка, которая течёт по территории района) и Оболонским (в честь территории Оболонь) районами, соответственно. По состоянию на 2023 год в Киеве переименовано 16 станций метро, при этом большая часть переименований пришлась на 1990-1993 гг., когда, например, станции «Дзержинская» и «Площадь Октябрьской революции» стали «Лыбедьской» и «Майданом Незалежности» соответственно.

Несмотря на то, что переименования активно происходили на протяжении более 20 лет до событий, начавшихся в 2013-2014 гг., и их количество характеризуется множеством примеров, основная волна ухода от советского и русского прошлого началась как раз в 2014. Именно поэтому **целью настоящего исследования** является анализ переименований городских объектов Киева в период с 2014 по 2024 гг. **Объектом** исследования выступили переименования таких внутригородских объектов украинской столицы, как топонимы (т. е. названия улиц, проспектов, бульваров, аллей, набережных, проездов, переулков, шоссе (в черте города), тупиков) и агоронимы (названия площадей). **Предметом** является историко-социальное и лингвокультурное основание произошедших микротопонимических изменений.

Основная часть. В столице Украины насчитывается всего 2 845 улиц, переулков, проспектов, бульваров, площадей и т. д. **Эмпирическим материалом исследования** послужили 555 переименований, произошедших с 2014 по 2024 гг., при этом стоит отметить, что только на 2022-2024 гг. приходится 321 изменение (58%). Источником отобранного для анализа материала послужила уникальная база данных «Топонимическая база данных «Динамические изменения городской микротопонимики Киева: дерусификация, вестернизация, нацификация» [Свидетельство о государственной регистрации базы данных... 2024], в которой собраны данные, являющиеся основой научно-исследовательского проекта по изучению противодействия нацизму и экстремизму, реализуемого в рамках деятельности научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия».

Как уже было отмечено ранее, так называемые процессы «декоммунизации» и «дерусификации» подпадают под законы Украины «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов на Украине и запрет

пропаганды их символики» от 21.05.2015 г. и «Об осуждении и запрете пропаганды российской имперской политики на Украине и деколонизации топонимии» от 27.07.2023 г. Кроме того, на Украине действует Закон Украины «Про географические названия» от 31.05.2005 г. (с изменениями от 21.03.2023 г.) [Закон₁, 2005], в соответствии со статьей 5 которого запрещено присваивать географическим объектам названия, являющиеся именами лиц, которые:

- занимали руководящие должности в органах власти и управления, политических организациях, партиях, вооруженных формированиях РФ и бывших государственных образованиях (Московского царства, Российской империи, РСФСР, СССР, РФ) и участвовали или способствовали осуществлению российской имперской политики;

- публично, включая в СМИ, литературных и других художественных произведениях, поддерживали, глорифицировали или оправдывали российскую имперскую политику, призывали к русификации или украинофобии;

- являлись работниками советских органов государственной безопасности всех уровней.

Закон «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов на Украине и запрет пропаганды их символики» обязует переименовывать объекты топонимики населенных пунктов и географические объекты, названия которых содержат символику «коммунистического тоталитарного» режима [Закон₃, 2015]. Речь идет, в частности, о названиях: районов в городах; скверов, бульваров, улиц, переулков, подъездов, проспектов, площадей, площадей, майданов, набережных, мостов и других объектов топонимики населенных пунктов. В соответствии с законом, в названиях объектов топонимики и географических названиях нельзя использовать:

- имена или псевдонимы лиц, занимавших руководящие должности в коммунистической партии (должность секретаря районного комитета и выше), высших органах власти и управления СССР, УССР, других союзных или автономных советских республик;

- имена лиц, работавших в советских органах государственной безопасности;

- названия СССР, УССР, других союзных советских республик и их производные;

- названия, связанные с деятельностью коммунистической партии (включая партийные съезды), годовщинами Октябрьского переворота 25 октября (7 ноября) 1917 года, установлением советской власти на территории Украины или в отдельных административно-территориальных единицах, преследованием участников борьбы за независимость Украины в XX веке [Закон₃, 2015].

Принятие Закона Украины «Об осуждении и запрете пропаганды российской имперской политики на Украине и деколонизации топонимии» [Закон₂, 2023] ознаменовал собой новый этап – «дерусификацию». Данный процесс предполагает отказ от присвоения географическим объектам, юридическим лицам и объектам права собственности названий, которые прославляют, увековечивают, пропагандируют или содержат символику Российской имперской политики, а также «государства-агрессора», его выдающиеся, памятные, исторические и культурные места, населенные пункты, даты, события [Закон₂, 2023]. В частности, закон запрещает почитать следующую символику:

- изображения флага, герба, гимна и других символов московского царства, российской империи, российской республики, российского государства, СССР, РСФСР, РФ и т. д.;

- оскорбления, памятники, памятные знаки, надписи, посвященные лицам, занимавшим руководящие должности в органах власти и управления, политических организациях, партиях, вооруженных формированиях московского царства, российской империи, российской республики, российского государства, СССР, РСФСР, РФ и т. д., которые участвовали или способствовали осуществлению российской имперской политики, их лозунги, цитаты;

- изображения, памятники, памятные знаки, надписи, посвященные лицам, которые публично – в том числе в СМИ, в литературных и других художественных произведениях – поддерживали или оправдывали российскую имперскую политику, призывали к русификации или украинофобии;

- изображения, памятники, памятные знаки, надписи, посвященные событиям, связанным с осуществлением российской имперской политики;

- названия российских городов и других географических, исторических и культурных объектов РФ, не связанные прямо с защитой политических, экономических, культурных прав украинского народа [Закон₂, 2023].

Несмотря на то, что приведенные законы были приняты в 2015 и 2023 гг. соответственно, первые переименования, ознаменовавшие новую веху российско-украинских отношений, начались уже в ноябре 2014 года, задолго до принятия закона об осуждении коммунистического режима. Как отмечают депутаты киевского городского совета, в Киеве осталось менее 60 единиц, называющих внутригородские объекты и подлежащие переименованиям в рамках указанных законов, по некоторым из которых уже проводятся голосования [У столиці упорядковують процеси, пов'язані з перейменуваннями міських

об'єктів]. Кроме того, поступают предложения по изменению названий ранее переименованных объектов, которые также не подпадают под требования законов.

Кроме того, считаем необходимым отметить, что Закон Украины «О присвоении юридическим лицам и объектам права собственности имен (псевдонимов) физических лиц, юбилейных и праздничных дат, названий и дат исторических событий» от 24.05.2012 г. (с изменениями от 09.04.2015 г. и 21.03.2023 г.) регламентирует основания и порядок присвоения географическим названиям имён физических лиц которые «внесли весомый вклад в борьбу за независимость, развитие Украинского государства, ... укрепление международного авторитета Украины; совершили героический поступок ... во имя Родины»; праздничных дат, исторических событий, способствующих «популяризации выдающихся фактов истории Украины, отражающих свершение и достояние во имя Украины; формированию исторического сознания Украинского народа» [Закон₄, 2012] и т. д.

Отобранный в рамках настоящего исследования материал позволил провести двухвекторный анализ микротопонимических изменений в городском пространстве Киева. Был проведен анализ измененных советских / русских названий киевских топонимов и агоронимов. Параллельно с этим проводился анализ целевых (нововведённых) наименований.

Так, в рамках ликвидированных названий урбанонимов был подтверждён тезис о существовании двух тенденций в проводимой Украиной политике – это декоммунизация и дерусификация.

Анализ целевых названий топонимов и агоронимов Киева позволил разделить их на пять основных групп: те в которых наблюдается 1) нацификация; 2) украинизация; 3) вестернизация; 4) радикализация; 5) нейтрализация.

В ходе проведенного анализа отмечено, что среди ликвидированных названий преобладают те, в рамках которых произошла «**декоммунизация**» (337 ед., 61%). Данная категория включает в себя события и деятелей, ассоциирующихся с коммунизмом в целом, и с советским периодом, в частности. Следует пояснить, что часто возможность отнесения примера к данной категории затруднялась тем, что рассматриваемого деятеля / событие можно было бы также отнести к категории дерусификации по причине того, что человек или событие, память о которых пытаются стереть, во многих случаях имели отношение и к коммунизму, и к России. В таких случаях для определения, иллюстрирует ли пример декоммунизацию или дерусификацию мы опирались на хронологические рамки события, феномена или активности исторического деятеля, в зависимости от того, оставлен ли след в дореволюционные времена или при советской власти.

Так, например, название **улицы Генерала Доватора**, переименованной в 2022 г., образовано от фамилии советского военного деятеля, Героя Советского Союза Льва Михайловича Доватора, известного успешными операциями по уничтожению войск противника в начальный период ВОВ.

Следующий пример: **улица Пролетарская**, названная в честь одного из символов советской эпохи – рабочего класса, т. е. пролетариата (переименована в 2023 г.).

Еще одним примером может служить переименование в 2015 г. **площади Ленинградской**, название которой соотносится с астионимом (собственным именем города [Подольская, 1978]) «Ленинград».

Таблица 1. *Переименования, иллюстрирующие политику декоммунизации*

Исходное название	Происхождение исходного названия	Таргетное название	Происхождение таргетного названия
ул. Генерала Доватора	В честь советского военного деятеля, Героя Советского Союза	ул. Екатерины Грушевской	В честь дочери Михаила Грушевского (деятель УНР), которую в 1939 военный трибунал признал виновной в содействии антисоветской деятельности украинской националистической организации с целью установления фашистской диктатуры
ул. Пролетарская	В честь рабочего класса (пролетариат)	ул. Натальи Лотоцкой	В честь украинской советской актрисы театра и кино, Народной артистки УССР
пл. Ленинградская	В честь г. Ленинграда	пл. Дарницкая	От исторической местности Дарница

Вторую по численности группу представляет тенденция к «**дерусификации**» (216 ед., 39%). К данной категории были отнесены события и деятели, которые прежде всего ассоциируются с Российским государством времен до Октябрьской революции и после развала СССР.

Можем выделить следующие примеры: **переулок Таганрогский**, название которого указывает на русский город Таганрог (переименован в 2022); **улица Валентина Серова**, что является мемориальным наименованием в честь русского живописца, представителя русского модерна рубежа XIX-XX вв. Валентина Александровича Серова (2022); **улица Декабристов** – в честь участников российского политического движения начала XIX в. (2022).

Таблица 2. *Переименования, иллюстрирующие политику дерусификации*

Исходное название	Происхождение исходного названия	Таргетное название	Происхождение таргетного названия
пер. Таганрогский	В честь г. Таганрога в РФ	пер. Скадовский	В честь г. Скадовска в Херсонской обл., на момент переименования входящего в состав РФ
ул. Валентина Серова	В честь русского художника	ул. Серожупанников	В честь серожупанников – воинского формирования вооружённых сил УНР, в 1919 г. принимавшего участие в боях против Красной армии на правомбережной Украине
ул. Декабристов	В честь участников российского политического движения	ул. Братства тарасовцев	В честь организации представителей украинского политического движения, выступавших с национально-освободительных позиций

В ходе анализа таргетных наименований отмечена значительно преобладающая группа – **украинизация** (396 ед., 71%). В данной категории отмечено множество случаев присваивания украинскими властями памяти и достижений периода СССР, либо переписывание истории путем мифологизации ничтожных достижений / деятелей. Стоит отметить, что микротопонимические изменения в рамках данной группы представляется возможным разделить на 2 подгруппы: 1) **национализация** (129 ед., 23%) (здесь отмечены события и деятели, ассоциирующиеся с радикальными или националистическими методами продвижения украинской культуры, пропагандой национализма, сепаратизма) и 2) **нейтрализация** (267 ед., 48%) К данной категории отнесены события и деятели, продвигавшие украинскую национальную культуру без использования разрушительных / антигосударственных методов.

К первой подгруппе относятся такие примеры, как переименование в 2019 г. **улицы Горького в улицу Антоновича** в честь деятеля культуры XIX в. Владимира Антоновича, продвигавшего идеи обособления территории Малороссии от остальной территории Российской империи, или изменение названия **улицы Карла Маркса** (до 2022) на **улицу Алексея Куринного** – в честь украинского политолога, развивавшего украинскую националистическую повестку и принимавшего активное участие в процессе переименования киевской топонимики (1986-2017 г.ж.).

К нейтральным переименованиям, связанным с продвижением украинской культуры, можно отнести **переулок Владислава Зарембы** (до 2015 – переулок Советский), название

которого образовано от имени украинского композитора, музыкального педагога Владислава Зарембы, составлявшим сборники музыкальной литературы для детей.

Таблица 3. *Переименования, иллюстрирующие тенденцию к украинизации*

Исходное название	Происхождение исходного названия	Таргетное название	Происхождение таргетного названия
ул. Горького	В честь писателя А. М. Горького	ул. Антоновича	В честь деятеля культуры времен Российской империи, продвигал идеи обособления территории Малороссии от остальной России
ул. Карла Маркса	В честь немецкого философа, революционера, основателя научного коммунизма	ул. Алексея Куринного	В честь украинского политолога, эксперта по развитию украинского языка, продвигавшего украинскую националистическую повестку
пер. Советский	В честь советской власти	пер. Владислава Зарембы	В честь украинского композитора, пианиста и музыкального педагога

К группе, обозначающей **нейтральные** микротопонимические изменения, можно отнести названия внутригородских объектов, отражающих фитоморфный, зооморфный, темпоральный, поведенческий, ландшафтный коды культуры. Такие переименования составили значительную таргетную группу (57 ед., 10%). Можно привести следующие примеры: переулок Осенний (до 2015 года – переулок Владимира Ульянова), переулок Дубовый (до 2022 – переулок Генерала Доватора), улица Видовая (до 2022 – улица Агитаторская) и др.

Таблица 4. *Переименования, иллюстрирующие тенденцию к нейтрализации*

Исходное название	Происхождение исходного названия	Таргетное название
пер. Владимира Ульянова	В честь российского революционера, советского политического и государственного деятеля Владимира Ильича Ленина	пер. Осенний
пер. Генерала Доватора	В честь советского военного деятеля	пер. Дубовый
ул. Агитаторская	В честь Отдела пропаганды и агитации	ул. Видовая

Группу «нацификация» (54 ед., 10%) составили названия, указывающие на деятелей и организации, которые вели вооруженную борьбу против законных властей соответствующего исторического периода с использованием террористических методов,

а также военные преступники и участники запрещенных националистических формирований, имеющих целью уничтожение всего русского, советского, неукраинского. Данную группу репрезентируют следующие переименования:

Проспект Степана Бандеры, названный в честь идеолога насилия, этнических чисток и жестокости XX века, открыто призывавшего убивать русских, члена Украинской войсковой организации (с 1928 года) и Организации украинских националистов (ОУН) (с 2004 по 2016 – проспект Московский).

Проспект Романа Шухевича, названный в честь гауптштурмфюрера СС, главнокомандующего запрещенной в РФ Украинской повстанческой армии (УПА), на счету которой сотни тысяч убитых поляков, евреев, русских (до 2016 проспект – Генерала Ватутина)

Улица Карпатской Сечи (до 2023 – улица Гвардейская), в названии которой эксплицируется наименование националистической военизированной организации в Закарпатье в 1938-1939 гг., боевым ядром которой были члены Организации украинских националистов (ОУН). В 2015 г. бойцы «Карпатской Сечи» признаны борцами за независимость Украины в XX веке. С 2019 г. они признаются на Украине ветеранами войны – участниками боевых действий.

Таблица 5. *Переименования, иллюстрирующие тенденцию к нацификации*

Исходное название	Происхождение исходного названия	Таргетное название	Происхождение таргетного названия
пр. Московский	В честь города Москвы	пр. Степана Бандеры	В честь идеолога насилия, этнических чисток и жестокости XX века, открыто призывавшего убивать русских. Член Украинской войсковой организации (с 1928 года) и Организации украинских националистов (ОУН)
пр. Генерала Ватутина	В честь советского военачальника, генерала армии, Героя Советского Союза	пр. Романа Шухевича	В честь гауптштурмфюрера (капитан) СС, главнокомандующего запрещенной в РФ Украинской повстанческой армии (УПА), на счету которой сотни тысяч убитых поляков, евреев, русских.
ул. Гвардейская	В честь гвардейских частей Советской Армии	ул. Карпатской Сечи	В честь националистической военизированной организации в Закарпатье в 1938-1939 гг., боевым ядром которой члены Организации украинских националистов (ОУН). В 2015 г. бойцы «Карпатской Сечи» признаны борцами за независимость Украины в XX веке.

Группу «вестернизация» (44 ед., 8%) составляют переименования, в которых отражены события и деятели, имеющие опосредованное отношение к историческому развитию Украины, но являющиеся политическими союзниками действующего на Украине режима, либо придерживающиеся русофобских взглядов, а также малочисленная группа нейтральных представителей западной культуры.

Улица Джеймса Мейса, названная в 2016 г. (до этого – улица Коллективизации) в честь американского историка, политолога, сторонника признания Голодомора геноцидом украинцев. Примечательно, что на Украине его считают украинским политологом в силу того, что последние годы жизни он провёл именно на Украине, хотя гражданином так и не стал.

Улица Джона Маккейна, получившая своё название в 2019 от имени известного русофоба, американского политика и государственного деятеля, в 2015 г призывавшего президента Обаму предоставить Украине летальное оружие.

Улица Павла Иоанна II (2016 г.), названная в честь Папы Римского, посетившего с визитом Украину в 2001 г. Здесь тоже не обходится без знаменитых украинских мифологизаций – на Украине принято считать, что Папа Иоанн Павел II имеет украинское происхождение.

Таблица 6. *Переименования, иллюстрирующие тенденцию к вестернизации*

Исходное название	Происхождение исходного названия	Таргетное название	Происхождение таргетного названия
ул. Коллективизации	В честь коллективизации	ул. Джеймса Мейса	В честь американского и украинского историка, политолога, сторонника признания Голодомора геноцидом украинцев
ул. Ивана Кудри	В честь руководителя киевской подпольной группы чекистов	ул. Джона Маккейна	В честь американского политика и государственного деятеля, призывавшего президента Обаму предоставить Украине летальное оружие
ул. Патриса Лумумбы	В честь первого премьер-министра Демократической Республики Конго	ул. Иоанна Павла II	В честь Папы Римского, посетившего с визитом Украину в 2001

Кроме того, представляется возможным выделить группу таргетных названий, представляющих собой «радикализацию» (4 ед., 1%). Названия в данной категории мотивированы посвящениями в честь представителей татарского, чеченского и других народов, проявившими себя в качестве радикальных политических, военных

и религиозных деятелей в борьбе против России на территории Чечни и других территорий русского государства. На слайде мы можем видеть следующие примеры:

Улица Джохара Дудаева, переименование произошло в 2022 г. в честь сторонника жестокого радикализма, лидера чеченских сепаратистов, главы непризнанной республики Ичкерия Джохара Дудаева.

Улица Ичкерийская (2022), название которой соотносится с названием непризнанной республики Ичкерия – самопровозглашённого государственного образования, существовавшего после распада СССР.

Улица Ижкарская (2022), наименование которой мотивировано астионимом Ижкарь, т. е. названием города Ижевска на удмуртском языке, якобы в знак поддержки «порабощенного» Российской империей удмуртского народа.

Таблица 7. Переименования, иллюстрирующие тенденцию к радикализации

Исходное название	Происхождение исходного названия	Таргетное название	Происхождение таргетного названия
ул. Искровская	В честь газеты «Искра», революционной русскоязычной газеты, основанной В. И. Лениным	ул. Джохара Дудаева	В честь сторонника жестокого радикализма, лидера чеченских сепаратистов, главы непризнанной республики Ичкерия
ул. Грозненская	В честь города Грозного в РФ	ул. Ичкерийская	В честь непризнанной республики Ичкерия – самопровозглашённого государственного образования, существовавшего после распада СССР
ул. Ижевская	В честь г. Ижевска в РФ	ул. Ижкарская	В знак поддержки «порабощенного» Российской империей удмуртского народа путем использования названия города на удмуртском языке – Ижкарь

Выводы. Как показал проведённый анализ, политика современной Украины в целом, и политика в отношении топонимических изменений различных административных единиц, в частности, имеет тенденции националистической и прозападной направленности. Отмечается чёткая попытка не только отказа от исторической памяти и традиционных ценностей братских народов, но и стремление выдать общее прошлое и общее наследие за сугубо украинское достояние, тем самым перечёркивая вклад русского народа и русского государства в создание, становление и само существование украинского государства. В целом, основной идеей политики

переименования украинского топонимикона представляется не только выполнение требований законов, сколько наполнение городского пространства украинских городов новыми – «правильными» с их точки зрения – ценностями. Иными словами, декоммунизация, дерусификация и украинизация являются эксплицитными мотивами переименований, реализовываемыми в юридическом дискурсе, а нацификация и вестернизация – скрытыми мотивами, которые проявляются в фактических переименованиях, не подкреплённых законами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алейников М. В. Ономастические и топонимические изменения в современном Казахстане как проявление политики казахизации // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 2(45). С. 369-372.
2. Бессонова О. Л., Михачева С. П. Особенности перевода английских неологизмов общественно-политической сферы на русский язык // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2023. Т. 19. № 1 (59). С. 94-105.
3. Горицкая О. С. Переименования на постсоветском пространстве: корпусное исследование вариативности // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2016. № 6 (85). С. 101-110.
4. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Стратегии переименования городских объектов на постсоветском пространстве // Политическая лингвистика. 2019. № 1 (73). С. 34-41.
5. Косован Е. А. Коминтерн в топонимии современной Украины в контексте процессов декоммунизации // Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Москва: Издательство «Политическая энциклопедия», 2019. С. 238-240.
6. Масальская М. М. Переименования городских объектов как часть языковой политики государства (на примере Москвы, Софии и Варшавы) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2020. № 2 (107). С. 58-64. DOI: 10.37972/chgpu.2020.107.2.008.
7. Мезенко А. М. Урбанонимный континуум – географические термины: роль, устойчивость, историческая изменчивость // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2023. Т. 19. № 3 (61). С. 82-94.
8. Питина С. А. Особенности переименования топонимов в России, Казахстане и на Украине в контексте языковой политики // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 4 (30). С. 74-82.
9. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024621580 Российская Федерация. Топонимическая база данных «Динамические изменения городской микротопонимики Киева: дерусификация, вестернизация, нацификация»: № 2024621184: заявл. 26.03.2024: опубл. 10.04.2024 / Г. Г. Слышкин, И. В. Смирнова, Е. В. Гордиенко, Н. Ю. Бессонов.
10. Сорокин А. А., Малыгина Л. Е. Медиадискурс украино-российской неотопонимики в ситуации аксиогенного воздействия // Журналистика в эпоху цифровых трансформаций: ценности и практики. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022. С. 82-88.
11. Сорокин А. А., Слышкин Г. Г., Малыгина Л. Е. Репрезентация топонимических изменений в российско-украинском медиадискурсе: проблемы национальной безопасности

и защиты исторической памяти // Медиалингвистика. 2023. 10 (2). С. 223-234. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.205>.

12. Суперанская А. В. Микротопонимия, макротопонимия и их отличие от собственно топонимии // Микротопонимия. Москва, 1967. С. 31-39.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. Институт языкознания АН СССР. Москва: Наука, 1978. 200 с.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Закон України «Про географічні назви» від 31.05.2005 № 2604-IV. Доступ: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2604-15>. (дата обращения: 04.04.2024). [Закон₁].

2. Закон України «Про засудження та заборону пропаганди російської імперської політики в Україні і деколонізацію топонімії» від 21 березня 2023 № 3005-IX. Доступ: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3005-20%23Text>. (дата обращения: 04.04.2024). [Закон₂].

3. Закон України «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки» від 9 квітня 2015 № 317-VIII. Доступ: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/317-19#Text>. (дата обращения: 04.04.2024). [Закон₃].

4. Закон України «Про присвоєння юридичним особам та об'єктам права власності імен (псевдонімів) фізичних осіб, ювілейних та святкових дат, назв і дат історичних подій» від 24 травня 2012 № 4865-VI. Доступ: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4865-17#Text> (дата обращения: 04.04.2024). [Закон₄].

5. У столиці упорядковують процеси, пов'язані з перейменуваннями міських об'єктів. Доступ: https://kyivcity.gov.ua/news/u_stolitsi_uporyadkovuyut_protsezi_povyazani_z_pereymenuvannuami_miskikh_obyektiv. (дата обращения: 04.04.2024).

6. Уличная русофобия: в Риге рубят корни «идеологии империалистической России». Доступ: <https://eadaily.com/ru/news/2024/02/22/ulichnaya-rusofobiya-v-rige-rubyat-korni-ideologii-imperialisticheskoy-rossii>. (дата обращения: 04.04.2024).

REFERENCES

1. Aleynikov, M. V. (2014). Onomasticheskie i toponimicheskie izmeneniya v sovremenном Kazakhstane kak proyavlenie politiki kazakhizatsii [Onomastic and toponymic changes in modern Kazakhstan as manifestation of Kazakh-oriented policy]. In *Mir nauki, kulury, obrazovaniya*. No 2 (45). Pp. 369-372. (In Russ.).

2. Bessonova, O. L., Mikhacheva, S. P. (2023). Osobennosti perevoda angliyskikh neologizmov obshchestvenno-politicheskoy sfery na russkiy yazyk [Features of the English socio-political neologisms translation into Russian]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Vol. 19. No 1(59). Pp. 94-105. (In Russ.).

3. Goritskaya, O. S., (2016). Pereimenovaniya na postsovetskom prostranstve: korpusnoe issledovanie variativnosti [Renaming in the post-Soviet space: a corpus study of variability]. In *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 1: Filologiya*. No 6 (85). Pp. 101-110. (In Russ.).

4. Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2019). Strategii pereimenovaniya gorodskikh obektov na postsovetskom prostranstve [Strategies of renaming urban spaces and places in the Post-Soviet states]. In *Politicheskaya lingvistika*. No 1 (73). Pp. 34-41. (In Russ.).

5. Kosovan, E. A. (2019). Komintern v toponimii sovremennoy Ukrainy v kontekste protsessov dekomunizatsii [Comintern in modern Ukraine toponymy in the context of decommunization processes]. In *Levye ideologii, dvizheniya i organizatsii v istorii. Istoricheskie dokumenty i aktualnye problemy arkhografii, istochnikovedeniya, rossiyskoy i vseobshchey*

istorii novogo i noveyshego vremeni. Moskva: Izdatelstvo «Politicheskaya entsiklopediya». Pp. 238-240. (In Russ.).

6. Masalskaya, M. M. (2020). Pereimenovaniya gorodskikh obektov kak chast yazykovoy politiki gosudarstva (na primere Moskvy, Sofii i Varshavy) [Renaming urban objects as language policy (based on Moscow, Sofia and Warsaw)]. In *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*. No 2 (107). Pp. 58-64. DOI: 10.37972/chgpu.2020.107.2.008 (In Russ.).

7. Mezenko, A. M. (2023). Urbanonimnyy kontinuum – geograficheskie terminy: rol, ustoychivost, istoricheskaya izmenchivost [Urbanonymic continuum – geographical terms: role, stability and historical variability]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Vol. 19. No 3 (61). Pp. 82-94.

8. Pitina, S. A. (2018). Osobennosti pereimenovaniya toponimov v Rossii, Kazakhstane i na Ukraine v kontekste yazykovoy politiki [Peculiarities of place names renaming in Russia, Kazakhstan and Ukraine in the context of language policy]. In *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. No 4 (30). Pp. 74-82. (In Russ.).

9. Slyshkin, G. G., Smirnova, I. V., Gordienko, E. V., Bessonov, N. Yu. (2024). *Svidetelstvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № 2024621580 Rossiyskaya Federatsiya. Toponimicheskaya baza dannykh «Dinamicheskie izmeneniya gorodskoy mikrotoponimiki Kiev: derusifikatsiya, vesternizatsiya, natsifikatsiya»: № 2024621184: zayavl. 26.03.2024: opubl. 10.04.2024* [Certificate of state registration of the database No 2024621580 Russian Federation. Toponymic database ‘Dynamic changes in urban microtoponymy of Kiev: derusification, westernization, nazification’: No 2024621184: applied: 26.03.2024: publ. 10.04.2024]. (In Russ.).

10. Sorokin, A. A., Malygina, L. E. (2022). Mediadiskurs ukraino-rossiyskoy neotoponimiki v situatsii aksiogennoy vozdeystviya [Discourse of media of Ukrainian-Russian neotoponymy in the situation of axiogenic impact]. In *Zhurnalistika v epokhu tsifrovyykh transformatsiy: tsennosti i praktiki*. Tambov: Izdatelskiy dom «Derzhavinskiy». Pp. 82-88. (In Russ.).

11. Sorokin, A. A., Slyshkin, G. G., Malygina, L. E. (2023). Rerezentatsiya toponimicheskikh izmeneniy v rossiysko-ukrainskom mediadiskurse: problemy natsionalnoy bezopasnosti i zashchity istoricheskoy pamyati [Representation of toponymic changes in the Russian-Ukrainian media discourse: Problems of national security and protection of historical memory]. In *Medialingvistika*. No 10 (2). Pp. 223-234. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.205>. (In Russ.).

12. Superanskaya, A. V. (1967). Mikrotoponimiya, makrotoponimiya i ikh otlichie ot sobstvenno toponimii [Microtoponymy, macrotoponymy and their difference from toponymy proper]. In *Mikrotoponimiya*. Moskva. Pp. 31-39. (In Russ.).

LEXICOGRAPHIC SOURCE

Podolskaya, N. V. (1978). *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. In A. V. Superanskaya (ed). Institut yazykoznaneya AN SSSR. Moskva: Nauka. (In Russ.).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Zakon Ukrayiny «Pro geografichni nazvy»* [Law of Ukraine ‘On Geographical Names’] vid 31.05.2005 № 2604-IV. Available at: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2604-15>. (accessed: 04.04.2024). (In Ukr.).

2. *Zakon Ukrayini «Pro zasudzhennya ta zaboronu propagandi rosiyskoiy imperskoiy polityky v Ukrayini i dekolonizatsiyu toponimiyi»* [Law of Ukraine ‘On condemnation and prohibition of propaganda of Russian imperial policy in Ukraine and decolonization of

toponymy'] vid 21 bereznya 2023 № 3005-IX. Available at: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3005-20%23Text>. (accessed: 04.04.2024). (In Ukr.).

3. *Zakon Ukrayini «Pro zasudzhennya komunistychnogo ta natsional-sotsialistychnogo (natsistskogo) totalitarnykh rezhymiv v Ukrayini ta zaboronu propagandy yikhnoyi simvoliky»* [Law of Ukraine ‘On condemnation of communist and national socialist (nazi) totalitarian regimes in Ukraine and prohibition of propaganda of their symbols’] vid 9 kvitnya 2015 № 317-VIII. Available at: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/317-19#Text>. (accessed: 04.04.2024). (In Ukr.).

4. *Zakon Ukrayini «Pro prisvoyennya yurydychnym osobam ta obyektam prava vlasnosti imen (psevdonimiv) fizychnykh osib, yuvileynykh ta svyatkovykh dat, nazv i dat istorychnykh podiy»* [On Naming Legal Entities and Property by Names (Aliases) of Natural Persons, Dates of Anniversaries and Holidays, and Names and Dates of Historical Events] vid 24 travnya 2012 № 4865-VI. Available at: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4865-17#Text>. (accessed: 04.04.2024). (In Ukr.).

5. *U stolitsi uporyadkovuyut protsesy, povyazani z pereymenuvannyamy miskykh obyektiv* [In the capital, he processes associated with renaming urban objects will be normalised]. Available at: https://kyivcity.gov.ua/news/u_stolitsi_uporyadkovuyut_protsesi_povyazani_z_pereymenuvannyami_miskikh_obyektiv. (accessed: 04.04.2024). (In Ukr.).

6. *Ulichnaya rusofobiya: v Rige rubyat korni «ideologii imperialisticheskoy Rossii»* [Street Russophobia: in Riga the roots of «ideology of imperialist Russia» are cut down]. Available at: <https://eadaaily.com/ru/news/2024/02/22/ulichnaya-rusofobiya-v-rige-rubyat-korni-ideologii-imperialisticheskoy-rossii>. (accessed: 04.04.2024). (In Ukr.).

Бессонов Никита Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент Центра лингвистики и профессиональной коммуникации, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности (e-mail: bessonov-ny@ranepa.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» 119571, Москва, пр. Вернадского, 82-1

Bessonov Nikita Yu. – Candidate of Philology, Associate Professor of Linguistics and Professional Communication Centre, Senior Researcher of Research Laboratory «Linguistic Security and Psychology of Information Impact», Institute of Law and National Security (e-mail: bessonov-ny@ranepa.ru), State Federal-Funded Educational Institution of Higher Professional Training “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration” 82-1 Vernadsky Av., Moscow, 119571

Гордиенко Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент Центра лингвистики и профессиональной коммуникации, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности (e-mail: gordienko-ev@ranepa.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» 119571, Москва, пр. Вернадского, 82-1

Gordienko Elena V. – Candidate of Philology, Associate Professor of Linguistics and Professional Communication Centre, Senior Researcher of Research Laboratory «Linguistic Security and Psychology of Information Impact», Institute of Law and National Security (e-mail: gordienko-ev@ranepa.ru), State Federal-Funded Educational Institution of Higher Professional Training “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration” 82-1 Vernadsky Av., Moscow, 119571

Слышкин Геннадий Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор, директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности (e-mail: slyshkin@ranepa.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» 119571, Москва, пр. Вернадского, 82-1

Главный научный сотрудник Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко 105064, Москва, ул. Воронцово поле, 12-1

Slyshkin Gennady G. – Doctor of Philology, Professor, Director of Linguistics and Professional Communication Centre, Head of Research Laboratory «Linguistic Security and Psychology of Information Impact», Institute of Law and National Security (e-mail: slyshkin@ranepa.ru), State Federal-Funded Educational Institution of Higher Professional Training «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration» 1-82 Vernadsky Av., Moscow, 119571

Chief Researcher, N. A. Semashko National Research Institute of Public Health 1-12 Vorontsovo Pole St., 105064 Moscow

Поступила в редакцию 13 апреля 2024 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.111:81'373.6

© 2024 Ш. Р. Басыров

ОЦЕНОЧНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ РАСТЕНИЙ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ*

В статье исследуются оценочные значения наименований растений на словарном материале разноструктурных языков (германских, романских, славянских, тюркских). В работе устанавливаются типовые модели оценочных значений наименований растений (растение – человек; растение – артефакт), выявляются типы оценки данных наименований (положительный, отрицательный, нейтральный) и определяется их продуктивность.

Ключевые слова: наименование растения, оценка, тип оценки, вторичное значение, продуктивность.

© 2024 Sh. R. Basyrov

EVALUATIVE MEANINGS OF PLANT NAMES IN LANGUAGES WITH DIFFERENT STRUCTURES

This article deals with evaluative meanings of plant names based on vocabulary of languages with different structures (Germanic, Romanic, Slavic, Turkic). The standard models of evaluative meanings of plant names (plant – person; plant – artifact) have been established in the article. The criteria for evaluating the names under study (positive, negative and neutral evaluations) and their productivity have been determined.

Key words: plant name, evaluation, evaluation type, secondary meaning, productivity.

1. Вступление

Наименования растений являются чрезвычайно интересным и информативно богатым разрядом лексики, отражающим «результаты познавательной деятельности человека, устанавливающего связи между различными сущностями в окружающем его мире и выражающего эту связь в создаваемом им наименовании» [Раевская, 1981: 82]. Не менее интересным представляется процесс их вторичной номинации, в ходе которого человек соотносит новый опыт со старым, т. е. происходит как бы процесс обоснования рациональной связи между обозначаемым и обозначающим в структуре слова [Сердюк, 2002: 11].

В сфере номинации растений существуют два разноплановых процесса. С одной стороны, номинация растения происходит через сравнение предметов окружающего мира с данным растением, его морфологией, свойствами [Барабуля, 2007; Гарбуйо, 2017; Лукьянова, 2018; Панасенко, 2010; Юрченкова, 2018]. При этом устанавливается сходство

* Статья выполнена в рамках госбюджетной темы (№ госрегистрации 124012400351-9).

по форме, цвету, аромату, размеру между растением и предметом и т. п., а также выделяются оценочные и эмоционально-экспрессивные признаки [Панасенко, 2010: 96, 97, 98, 100-102; Провоторова 2009: 6-8]. В результате такого процесса переосмысления у слова могут появляться новые (часто специальные) значения, т. е. происходит развитие полисемии слова [ЛЭС, 1990: 382]. Так, немецкий флороним *Akanthus* (m) в ботанической лексике обозначает вид растения, а в архитектуре – растительный скульптурный арнамент [БНРС, 1980: 76]. Аналогично развивается семантика украинского флоронима *тархун*. Этот номен используется в ботанике для идентификации определенного ботанического вида, а также служит наименованием для напитка, специально приготовленного с добавлением этого растения в качестве пряности [ВТССУМ, 2005: 1232].

Формирование растительной лексики, в том числе и флористической, может происходить в языке также путем переосмысления объектов окружающей действительности. Иными словами, существующие в языке наименования растений используются для номинации одушевленных и неодушевленных предметов окружающего мира на основе определенных ассоциативных связей. Так у флоронима появляются вторичные, часто переносные значения типа русск. *мимоза* ‘цветок’, перен. ‘изнеженный человек’, нем. *Rose* (f) ‘роза’ / *Röschen* (n) ‘розочка’; разг. ласковое обращение к девушке [Kürper, 1987: 672].

Часто флороним *роза* встречается и в структуре фразеологических единиц для номинации красивой девушки, ср. в английском языке следующие компаративные фразеологизмы: *as fair as a rose, blossom out like a rose, as fresh as rose, as pretty as the last rose of summer* [Мізін, 2010: 96].

Богатством символических оттенков отмечены в немецком, английском и украинском языках названия *фиалки* (англ. *violet*; нем. *Veilchen* (n), укр. *фіалка*). Среди художественных образов встречаются такие, которые основываются на стереотипном сопоставлении цветка со скромной, целомудренной и застенчивой девушкой. Ср. употребление этого цветка в структуре компаративных фразеологизмов: укр. *скромна як фіалка* / англ. *as modest/shy as a violet* / нем. *so bescheiden wie ein Veilchen* [Мізін, 2010: 113].

Материалом данной работы послужили оценочные значения растений (ОЗР) в разноструктурных языках, извлеченные из словарей различного типа (толковых, переводных, этимологических, сленговых, разговорных), специальных исследований и Интернет-ресурсов.

Целью исследования является изучение процессов развития ОЗР, преимущественно флоронимов (цветов), в разноструктурных языках и установление типов оценки.

2. Типовые модели ОЗР

По направлению переноса наименования растений распадаются на две основные группы: 1) перенос «растение → человек»; 2) перенос «растение → артефакт».

2.1. Тип переноса «растение → человек»

На базе антропоцентрических коннотаций в ономаσιологической структуре растений и цветов появляются оценочные ЛСВ, которые характеризуют определенным образом человека [Мельничук, 2018; Солодилова, 2014]. Данное явление, именуемое далее *планто-* и *флороморфизмом* (по аналогии с терминами «зооморфизм», «фитоморфизм») [Пуцилева, 2009: 12], носит ярко выраженный метафорический характер и включает две лексико-семантические группы:

1) ЛСГ «Внешний вид человека» образно оценивает физические, физиологические и функциональные свойства человека;

2) ЛСГ «Свойства характера, поведение человека» метафорически оценивает поведенческие, морально-этические и социально-коммуникативные качества личности.

Перенос свойств растений, его частей на человека, его внешние и внутренние свойства основывается на конкретном опыте и чувственном восприятии человеком окружающего мира. Среди лексем данного типа переноса встречаются слова с положительной коннотацией, ср.:

(1) нем. *Blümchen*, *n* (букв. 'цветочек') разг. (ласковое обращение к девушке); *Tausendschönchen*, *n* (народное название цветка) разг. 'привлекательная, стройная девушка';

(2) нем. *Tulpe*, *f* / *Tülpchen*, *n* / *Bettblümchen*, *n* (разг.) (букв. 'тюльпан / тюльпанчик / постельный цветочек') – намек на сексуальные способности женщины).

В процессе произрастания растение / цветок проходит несколько стадий, в том числе, и процесс цветения. Этим обусловлено появление в английской лексеме (3) *flower* 'цветок' переносного значения 'расцвет', а также наличие во многих языках семантически близких фразеологизмов с аналогичным значением, ср.:

(4) русск. *человек в расцвете сил*; нем. *in der Blüte des Lebens (seiner Jahre) stehen*; польск. *kwiat* 'цветок'; перен. 'цвет' → *kwiat młodości* 'цвет молодежи', англ. *as fresh as flowers in May* 'очень свежий, энергичный'.

Добавим, что в английском языке под влиянием молодежного пацифистского движения хиппи (60-ые годы XX века) в семантическом поле лексемы *flower* появилось коннотативное значение 'тот, кто, принадлежит к хиппи', что, в свою очередь, породило ряд переносных выражений типа *flower children* (букв. 'дети цветов'), т. е. хиппи вообще; *flower child* (букв. 'дитя цветов'), т. е. член группы хиппи и др. [Барабуля, 2007: 7].

Положительной коннотацией во многих языках обладает также флороним *роза*. Так, в русском (*роза*), английском (*rose*), немецком (*Rose / Röschen*) и турецком (*gül*) языках данный флороним употребляется как поэтический символ красивой девушки или женщины, т. е. красота цветка, его бутончик ассоциируются с молодостью и красотой девушки.

Вторичные значения растений с *негативной коннотацией* заметно преобладают над положительным оценочным значением. Так, в немецком разговорном языке флороним (5) *Nelke* (f) получает негативную коннотацию и употребляется для наименования женщины легкого поведения, которая для привлечения лиц мужского пола использует чрезмерно резкие и неприятные по запаху духи [Küpper, 1999: 569]. Заметим, что в американском сленге аналогичный флороним обозначает разновидность наркотиков: (6) *pink* <a type of L.S.D. (Drugs)> [Спиерс, 1991: 282].

Приведем другие примеры языковых единиц с пейоративной оценкой:

(7) нем. *Pflanze*, f / *Pflänzchen*, n разг. фам. ‘странная особа, штучка’, ‘фрукт’ (Peter ist aber eine *Pflanze*! Du weißt nicht, wie du am besten mit ihm umgehen sollst [Девкин, 1996: 552]). В английском языке лексема *plant* ‘растение’ в переносном значении означает ‘подсадная утка; тайный осведомитель, агент, внедренный в преступную организацию’ [Панасенко, 2010: 264], а в американском сленге данный флороним в форме множественного числа обозначает наркотики (Do you know where I can get some *plants*? [Спиерс, 1991: 284]);

(8) нем. *Mauerblümchen*, n (букв. ‘цветочек у стены’) разг. шутл. ‘невзрачная, незаметной внешности девушка’ (Sie ist beim Tanz immer *Mauerblümchen*, weil sie unscheinbar und sehr bescheiden ist [Девкин, 1996: 491]); ср. другой аналогичный коллоквиальный композит (9) *Partyblümchen*, n разг. ‘участница вечеринки без партнера’ [Küpper, 1987: 595].

В английском языке отмечен флороним со сходной внутренней формой (9) *wallflower* (букв. цветок, растущий у стены), первичным значением которого был ЛСВ ‘садовый цветок, растущий у стены’. На базе данного локативного признака у флоронима появились следующие негативно оценочные значения: 1) ‘человек, бывший на встрече и оставшийся незамеченным’; 2) ‘женщина без партнера; девушка, которая не пользуется успехом у мужчин и стоит на танцах у стены, наблюдая за танцующими’; 3) амер. сленг ‘робкий человек’ [CED, 2007].

Приведем другие примеры флоронимов с негативной оценкой человека:

(10) нем. *Blauveilchen*, n разг. ‘подвыпивший мужчина с красно-синим цветом лица’ (букв. ‘голубая фиалка’ – намек на изменившийся цвет лица у подвыпившего человека);

польск. *fiolatek* бот. ‘фиалка’; перен. ‘чудак’; словц. *nočna pani* букв. ‘ночная леди’;

(11) нем. *Rosenknospe*, *f* разг. ‘недотрога’ (букв. ‘почка на розе’: ее нельзя трогать, так как она еще не распустилась);

(12) русск. *мимоза* разг. ‘недотрога’ (листья этого цветка сворачиваются при легком прикосновении к ним), аналогично: нем. *Mimose f* разг. ‘очень обидчивый человек’; ‘недотрога’; польск. *mimoza* перен. ‘недотрога, неженка’; укр. *мимоза* разг. ‘обидчивый человек’; чеш. *mimóza* перен. (о сверхчувствительном человеке); исп. *sensitiva* ‘недотрога’.

Сходное значение с флоронимами (11), (12) имеет также немецкий композит императивного типа (13) *Rührmichnichtan* (букв. ‘не прикасайся ко мне!’) разг. ‘очень обидчивая девушка, недотрога’.

Негативная оценка наблюдается также у русского флоронима (14) *одуванчик* разг. ‘божья кульбаба’ (о человеке преклонного возраста). Особенностью данного растения является появление у него в определенный час цветения пушистых волосков, которые легко разносятся ветром, напоминая седого, физически слабого человека преклонного возраста. Но если в русском языке слово *одуванчик* восходит к глаголам *одуть / обдуть* (ср. его народные названия: *одуван*, *пустодуй*, *ветродуйка*), то в немецком языке аналогичное растение именуется словом (15) *Löwenzahn* (букв. ‘львиный зуб’). Такое название данное растение получило из-за зубчатых (острых) краев своих прямостоячих листьев, расположенных в прикорневой розетке, похожих на зубья льва [Kluge, 1999: 526]. Это свойство растения в немецком разговорном языке послужило мотивирующей базой для появления у него переносных оценочных значений: 1) ‘женщина, которая любит клеветать на других’, т. е. она подобно льву набрасывается на свою жертву и словно «раздирает» ее; 2) ‘девушка (разг. *Zahn* от евр. *sona* ‘проститутка’), которая ищет общения с юношами’ (Löwen) [Küpper, 1987: 505].

Следующая лексема (16) *Blatt*, *n* бот. ‘лист’ развивает в немецком разговорном языке переносное значение с негативной оценкой ‘необразованный человек’; ее вторичная номинация связана с признаком «цвет», т. е. зеленый цвет листьев символизирует незрелого, неопытного человека, например: нем. *Der neue Mitarbeiter war uns anfangs ein unbeschriebenes Blatt. Nun hat er Erfahrungen gesammelt und kann was* [Девкин, 1999: 125]). Добавим, что незрелость и неопытность человека ассоциируется также в немецком и английском языках с зеленой травой, ср.: нем. разг. *grasgrün*, англ. *as green as gras*. Заметим, что в американском сленге слово (17) *leaf* (лист) означает ‘кокаин’ (наркотик), так как его делают из листьев растения коки (*coca*) [Спиерс 1991: 222].

У флоронима (18) *çiçek* ‘цветок’ в турецком разговорном языке отмечено значение

с негативной оценкой ('хитрец, тип, фрукт') [РТС 1972: 22].

Добавим, что отрицательная коннотация актуализируется часто через наименования плодов растений, как, например, в английском языке: *lemon* ('лимон') 'неприятный человек'; *pumpkin* ('арбуз')/ *turnip* ('репа') 'глупый человек'.

Лексема (19) *перець* (укр.) в переносном значении обозначает то, что волнует человека. Как известно, перец – это пряное растение, длительный контакт с которым вызывает у человека неприятные ощущения. Данное свойство растения положено в основу метафорического значения названной лексемы. Аналогичное развитие вторичного значения флоронима наблюдается и в польском языке: *pieprz* 'перец'; перен. 'о язвительном человеке'. Напротив, в немецком языке коллоквиализмы *Paprika, m / Pfeffer m* называют темпераментную женщину [Kürper, 1987 : 592, 603].

В восточно-славянских языках выявлены структурно схожие лексемы (20) *перекати-поле* (бот. русск.) / *перекоти-поле* (бот. укр.) с одинаковым метафорическим значением: 'человек, который постоянно переезжает с одного места на другое или который не нашел своего места в жизни'. Анализируемое растение произрастает в степи, ее сухая верхушка легко ломается от ветра и катится в виде большого клубка по полям. Эта особенность растения послужила основой метафорического переноса на человека, который постоянно кочует с одного на другое место.

Отмечены также флоронимы соматического типа, обозначающие часть человеческого тела, с различной оценкой:

(21) нем. *Tulpe, f* бот. 'тюльпан' → *Tulpe, f* разг. 'красный нос'; 'вздернутый нос';

(22) нем. *Veilchenaugen* (Pl.) разг. 'синяки' (букв. 'фиалковые глаза') (синие тени под глазами как следствие боксерских ударов и т. п.), аналогично: *Veilchen, n; blaues Veilchen*;

(23) нем. *Blume, f* бот. 'цветок' → *Blume f* разг. 'женские половые органы'; 'девственная плевна', аналогично: укр. *квітка* эвфем. народн. 'женский половой орган' [Ставицька, 2008: 207];

(24) укр. *білозір* бот. 'белозор' → *білозір* разг. 'человек, имеющий очень светлые глаза' (одиночные белого цвета цветки растения ассоциируются с цветом глаз человека);

(24) нем. *Knospenmund, m o. Pl.* шутл. 'губы бантиком (поцелуйчиком)'.

2.2. Второй тип переноса «растение → артефакт» включает наименования растений, которые чаще являются *нейтральными* словами (без оценки), реже – с позитивной и негативной оценками.

2.2.1. Вторичные наименования растений с *нейтральной оценкой* образуются на базе сходства объектов номинации, т. е. растения / цветка или их части и предметов окружающего

мира, по их внешним и / или идентифицирующим признакам (свойствам), ср.:

(25) нем. *Tulpe, f* бот. ‘тюльпан’ → *Tulpe, f* разг. ‘бокал для пива на длинной ножке’ (напоминает форму тюльпана); разг. ‘зонт, который от порыва ветра выворачивается, напоминая по форме тюльпан’;

(26) азерб. *tülpan* бот. ‘тюльпан’ → *tülpan* ‘тюльпан, глубокий стеклянный абажур, по форме напоминающий цветок тюльпана’; строит. ‘название раковины (под краном для стока воды), по форме напоминающей цветок тюльпана’ [АРУС 2009: 221];

(27) укр. *зонтики* бот. диал. ‘борщевик сибирский (*Heracleumsibiricum* L.)’ → *зонтики* ‘устройство, предназначенное для защиты человека от дождя или от солнечных лучей’; польск. *baldach* бот. ‘зонтик’ → *baldach* ‘парча’ (ткань), устар. ‘балдахин’; русск. *качалка* диал. ‘камыш лесной (*Scirpusstyl vaticus* L.)’ → *качалка* разг. ‘кресло для отдыха, снабженное изогнутыми полозьями, на которых оно качается’;

(28) англ. *rose* бот. ‘роза’ → *rose* ‘насадка-разбрызгиватель’; *plant* бот ‘растение’ → *plant* ‘банка для устриц; садок для рыбы’.

Отдельные ОЗР допускают проведение аналогий между функциями, действиями предметов номинации:

(29) нем. *Mitternachtsveilchen, n* (букв. ‘фиалка, расцветающая в полночь’) разг. ‘ночной горшок’ (мотивируется фразой *Veilchen, das im Verborgenen blüht* ‘тайно (скрытно) цветущая фиалка’);

(30) нем. *Tulpe, f* бот. ‘тюльпан’ → *Tulpe, f* мед. ‘уриновая ваза для больных людей’.

Направление переноса у соотносительных лексем разных языков может как совпадать, так и не совпадать, ср.:

(31) польск. *nasienie* ‘семя’; физиол. ‘сперма’; устар. ‘отродье’ [Гессен, Стыпула 1979: 203]; словц. *semeno* ‘семя’; физиол. ‘сперма’; *semená sváru* перен. ‘семена раздора’ [РСС 1989: 198]; болг. *семе* ‘семя, семечко’; разг. ‘сперма’ [Бернштейн 1975: 231]; итал. *séme* ‘семя, семечко’; разг. ‘сперма’ [Скворцова, Майзель 1977: 152].

Лексемы (31) развивают также сходное метафорическое значение, а именно: ‘потомство, род, наследник’. Вместе с тем, в испанском, итальянском, турецком, словацком и чешском языках у лексем *semilla* (исп.), *seme* (итал.), *tohum* (тур.), *semeno* (словц., чеш.) с общим значением бот. ‘семя, семена’ развилось иное переносное значение, а именно: ‘семя / семена (раздора, ссоры, недовольства)’. В русском же языке лексема *семя* (бот.) аккумулирует в себя выше названные переносные значения, т. е. ‘источник / причина чего-л., какого-л. явления’ и ‘потомство; наследники’, ср., однако, наличие в украинском и словацком языках у лексем *насінина* и *semeno* отличительного

переносного значения: ‘зародыш’.

В немецком языке лексема (32) *Winde, f* бот. ‘вьюн, вьюнок, повийка’ имеет специальное значение: техн. ‘домкрат’. Это растение способно обвиваться вокруг других растений, напоминая, таким образом, основную деталь домкрата – винт, который приводится в действие посредством рукоятки. Данная функциональная особенность растения и технического приспособления послужили основой метафорического переноса.

2.2.2. В отдельных случаях ОЗР обладают *мелиоративной* (положительной) оценкой. Так, аромат цветка, первый вдох его запаха воспринимается человеком как наиболее насыщенный и чудесный. Аналогичные чувства испытывает человек, утоляющий жажду, делающий первый глоток напитка:

(33) нем. *Blume, f* бот. ‘цветок’ → *Blume, f* разг. ‘букет вина’; ‘первый глоток из бокала пива’.

Добавим, что в немецком молодежном сленге данным словом называют наркотики (*Blumen* (мн.) мол. жарг. ‘наркотики’), так как многие виды наркотиков представляют собой высушенные цветы, стебли и т. п. (например, конопли). Аналогично и в американском сленге: *flower tops / flowers* <the resinous buds of marijuana plants> [Спиерс, 1991: 129].

В итальянском языке у рассматриваемого флоронима отмечено иное вторичное (обобщенно-абстрактное) значение: итал. *fióre* бот. ‘цветок’ → *fióre* перен. ‘лучшая часть чего-л.’ (например, общества).

2.2.3. Отмечены случаи вторичного значения растений с *негативной оценкой*. Так, у флоронимов (34) нем. *Blümchen, n; Blümchenkaffee, m* разг. ‘очень слабый кофе’ диминутивный суффикс *-chen* маркирует низкое качество напитка.

В русском, польском, итальянском и испанском языках флороним (35) *полынь* (русск.) / *piołun* (польск.) / *ajenjo* (m) (исп.) / *assenzio* (итал.) развил сходное переносное значение: ‘кто-то или что-то, наносящие кому-либо боль и / или вызывающее чувство горечи’. Растение *полынь* из-за своего сильного и горького вкуса негативно влияет на человека, вызывая у него неприятное состояние. Добавим, что этимологически данный флороним связан с глаголом *poleti*, обозначающим процесс горения, запах которого также вызывает у человека неприятные ощущения [Фасмер, 1986: 320]. Таким образом, в лексемах (35) мотивирующей базой для метафорического переноса является устойчивый, неприятный и пряный запах растения.

3. Растительные метонимии и их типы

В сфере номинации цветов в сопоставляемых языках зафиксированы также *метонимические переносы*. Метонимия как разновидность вторичной номинации

представляет собой процесс переноса наименования, основой которого является вхождение объема одного понятия в объем другого на основе психологических ассоциаций, отражающих различные отношения между предметами объективной действительности [Скорофатова, 2009: 98]. Базой метонимического переноса служит наличие связей между категориями и понятиями в мышлении человека. По сравнению с метафорой, которая всегда выбирает знаки другой предметной области, когнитивная природа метонимии строится на использовании знака одного понятия для наименования другого в пределах одной ситуации или предметной сферы.

Растительные метонимии связаны с ассоциациями понятий признака и объекта, который владеет этим признаком.

3.1. Исследование семантики растений, в первую очередь, флоронимов, позволило установить в разноструктурных языках метонимию типа **«Признак растения → человек-носитель этого признака»**. В английском разговорном языке лексема (36) *blue bottle* бот. 'василек' имеет два метонимических ЛСВ: 'полицейский' и 'синий мундир'. Василек и униформа полицейского имеют одинаковый цвет – синий, что обусловило появление данных метонимических значений.

Английский флороним (37) *pink* бот. 'гвоздика' имеет значение 'красная охотничья куртка'. В основу метонимического переноса положена модель «цвет растения – цвет одежды человека»: большинство видов гвоздики имеют красный цвет, охотники для безопасности одевают куртку красного цвета.

3.2. Узкоспециальные (терминологические) значения растений и флоронимов. Вторичные наименования растений и цветков часто возникают метонимическим образом в различных сферах человеческой деятельности (промышленность, медицина, наука и др.) и служат для обозначения артефактов, натурпродуктов и др. Среди них встречаются узкоспециальные (терминологические) значения наименований растений, иногда «стертые» метафоры. Здесь можно выделить следующие основные сферы их метонимического употребления.

3.2.1. *Фармацевтика*. К этой группе отнесены наименования растений и цветов, обозначающих продукцию, связанную со сбором, обработкой и изготовлением лекарственных средств. Так, в украинском языке наименование *digitalis*, кроме лекарственного растения с цветками, похожими на наперсток, используется также для обозначения лекарственного препарата от заболеваний сердца в форме настойки с листьев этого растения [ВТССУМ, 2005: 220]. Аналогично обстоит дело и с испанским флоронимом *manzanilla* (f), который используется для номинации настойки с ромашки,

приготавливаемой в лечебных целях.

3.2.2. *Пищевая промышленность.* Данная группа представлена флоронимами, используемыми в производстве продуктов питания и напитков. Русский флороним *шафран* имеет также значение «высушенные рыльца цветков этого растения, которые используются для окрашивания продуктов питания в оранжево-желтый цвет, а также в парфюмерии» [Ефремова, 2001: 1004]. Из растения *тархун* изготавливают одноименный напиток с добавками этой пряности [ВТССУМ, 2005:1232].

3.2.3. *Геология.* Иногда названия цветов употребляются для номинации естественных веществ, являющихся составной частью горных пород и входящих в состав земной коры. Так, испанский флороним *heliotropo* (m), кроме элемента флоры, номинирует также полудрагоценный кварцевый камень агат, который имеет темно-зеленый цвет с красными пятнами. Аналогично, англ. *hyacinth*, исп. *jacinto* (m), фр. *jacinthe* (f), рус. *гיאцинт* и укр. *гіацинт*, которые употребляются для обозначения драгоценных камней (граната, аметиста и др.) красного, буро-желтого и зеленоватого цветов [ВТССУМ, 2005: 180; Ефремова, 2001: 305; DEHF, 2007: 435; Küpper, 1987: 580].

3.2.4. *Медицина.* Иногда форма цветка метафорически связывается с формой человеческого тела. Так, у английского флоронима *gladiolus* отмечено следующее переносное значение: <the large central part of the breastbone> [CED, 2007: 688] (букв. 'большая центральная часть груди').

3.2.5. *Техника.* Во французском языке флороним *marguerite* (f) во вторичном значении означает «часть приспособления печати с головкой типа *ромашка*» [DEHF, 2007: 452], т. е. форма комплектующего элемента технического приспособления напоминает форму цветка растения.

3.2.6. *Архитектура.* Сопоставляя значения названия цветка, которые происходят от гр. *ἄκανθος* (ср.: англ. *acanthus*, нем. *Akanthus* (m), исп. *acanto* (m), фр. *acanthé* (f), рус. *акант*, укр. *акант*), обнаруживаем, что во всех сравниваемых языках данный флороним обозначает также скульптурное украшение капителей, карнизов, которые напоминают листья этого растения.

Таким образом, мотивирующим признаком для номинации рассматриваемого флоронима во всех шести названных языках выступает форма листа у цветка [ВТССУМ, 2005: 10; Ефремова, 2001:17; Gómez de Silva, 1998: 24; CED, 2007: 8; DEHF, 2007: 5; Küpper, 1987: 6].

4. Выводы

4.1. Растительный мир активно участвует в процессах вторичной номинации слов, охватывая, с одной стороны, одушевленные предметы (человека, животных), а, с другой стороны – неодушевленные предметы окружающего мира.

4.2. Познание и номинация растительного мира осуществляется человеком с опорой на прямое чувственное восприятие (зрительное, слуховое, вкусовое, обонятельное, осязательное) и опосредованное – рациональный опыт, основанный на накоплении практических результатов повседневной деятельности и логических умозаключений.

4.4. Ономаσιологическая структура многих растений и цветов в разноструктурных языках наряду с прямым значением содержит лексико-семантические варианты антропоцентрического характера (т. н. явление *плантоморфизма* и *флороморфизма*), которые употребляется для метафорической и метонимической характеристики человека, его внешних (анатомических, физических, физиологических, функциональных и др.) и внутренних (эмоционально-психических, морально-этических, поведенческих, социально-коммуникативных и др.) свойств и качеств.

4.5. В номинативном процессе «Человек / Животное ↔ Растение / Флороним ↔ Предмет / Вещество / Артефакт» связь ее элементов носит взаимообратимый (реверсивный) характер, т. е. вторичные переносы могут быть направлены как на флористические (растительные) номены, так и детерминированы ими.

4.6. Высокую продуктивность в сфере растений и флоронимов обнаруживает метафоризация, которая происходит по двум типовым моделям (Растение → Человек; Растение → Артефакт). Наиболее активно метафорическое переосмысление осуществляется по модели «Растение → человек».

4.7. Широким метафорическим потенциалом и лингвокультурной значимостью в разноструктурных языках обладают слова *роза*, *цветок*, *растение*, которые часто ассоциируются в сознании человека с *красотой*, *жизнью*, *радостью*.

4.8. Метонимизация в сфере растений и флоронимов протекает с использованием моделей «Признак растения → Человек-носитель этого признака» и «Свойства растения → Продукты, обладающие данными свойствами».

4.9. По аксиологическому признаку наименования растений и флоронимов в разноструктурных языках распадаются на три группы: с мелиоративной, пейоративной и нейтральной оценками. Мелиоративная и пейоративная оценки (с преобладанием негативной над позитивной) связаны с характеристикой внешних и внутренних свойств человека, а нейтральная – с номинацией артефактов, предметов окружающего мира и абстрактных явлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабуля А. М. Конотативні компоненти лексичної семантики як параметр міжмовного зіставлення (на матеріалі української та англійської мов): автореф. дисс. ... канд. філол. наук: 10.02.17. Київ, 2007. 19 с.
2. Гарбуйо И. Семантический и лингвокультурологический аспекты изучения фитонимических метафор в русском языке (на фоне итальянского): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Новосибирск, 2017. 23 с.
3. Лукьянова И. В. Диалектная фитонимика в когнитивно-ономазиологическом аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 2018. 24 с.
4. Мельничук В. А. Аксиологическая динамика русской лексики (конец XVIII – начало XXI в.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Санкт-Петербург, 2018. 23 с.
5. Панасенко Н. И. Фитонимическая лексика в системе романских, германских и славянских языков (опыт ономазиологического и когнитивного анализа). Черкассы: Брама-Украина, 2010. 452 с.
6. Провоторова М. А. Языковые механизмы порождения оценочных смыслов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2009. 19 с.
7. Пуцилева Л. Ф. Культурно детерминированные коннотации русских зоонимов и фитонимов (на фоне итальянского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Санкт-Петербург, 2009. 18 с.
8. Раевская О. В. Сложные слова современного французского языка (именное сложение): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.05. Москва, 1981. 170с.
9. Сердюк А. М. Мотиваційна основа назв рослин у первинному і вторинному семіозисі: на матеріалі української, російської, німецької та французької мов: автореф. дисс. ... канд. філол. наук: 10.02.15. Київ, 2002. 20 с.
10. Скорофатова А. О. Ономазиологія та лінгвогеографія фітономенів в українських східнослов'янських говірках. Луганськ: Елтон-2, 2009. 369 с.
11. Солодилова И. А. Способы концептуализации оценки в немецком языке (на материале немецкоязычной художественной прозы): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Уфа, 2014. 45 с.
12. Юрченкова Е. Ю. Сопоставительный анализ когнитивных стратегий номинации растений в немецком языке (на материале отзоонимных фитонимов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Томск, 2018. 28 с.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Азербайджанско-русский универсальный словарь / авт.-сост.: П. Ф. Казыми, Р. А. Насретдинов. Москва: Толмач СТ, 2009. 536 с. [АРУС].
2. Бернштейн С. Болгарско-русский словарь. Москва: Русский язык, 1975. 768 с.
3. Большой немецко-русский словарь: в 2-х т. / сост. Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова, Н. И. Филичева и др. Москва: Рус. яз., 1980. Т. 1: 760 с.; Т. 2: 656 с. [БНРС].
4. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. Київ: Ірпінь : ВТФ «Перун», 2005. 1728 с. [ВТССУМ].
5. Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь: в 2-х т. Москва: Русский язык, 1979. 1440 с.
6. Девкин В. Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики: свыше 12 000 слов. 2-е изд., стереотип. Москва: РУССО, 1996. 768 с.
7. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2-х т. 2-е изд., стереотип. Москва: Русский язык, 2001. Т. 2: П-Я. 1084 с.
8. Испанско-русский словарь / под общей ред. В. Ф. Кельина. Москва: ГИС, 1966. 944 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

10. Мізін К. Англо-український словник компаративної фразеології. Кременчук: Щербатих О. В., 2010. 120 с.
11. Русско-болгарский словарь / сост. С. К. Чукалов. Москва: Изд-во «Советская энциклопедия», 1972. 912 с.
12. Русско-словацкий словарь / сост. В. Доротьякова, М. Филкусова, Д. Коллар и др. Москва: Русск. яз., Братислава: Словацкое пед. изд-во, 1989. 752 с. [PCC].
13. Русско-турецкий словарь / сост. Э.М.-Э. Мустафаев, В. Г. Щербинин. Москва: Советская энциклопедия, 1972. 1028 с. [PTC].
14. Русско-чешский словарь – Rusko-českýslovník: в 2-х т. / сост. С. Бенешова, Е. Дворжакова, М. Длоуги и др. Москва: Русский язык; Прага: Пед. изд-во, 1978. 215 с.
15. Скворцова Н. А., Майзель Б. Н. Итальянско-русский словарь. Москва: Русский язык, 1977. 944 с.
16. Спирер Р. А. Словарь американского сленга. Москва: Рус. яз., 1991. 528 с.
17. Ставицька Л. Українська мова без табу. Словник нецензурної лексики та її відповідників. Київ: Критика, 2008. 454 с.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Москва: Прогресс, 1986-1987. Т. 1: А-Д. 573 с.; Т. 2: Е-Муж). 671 с.; Т. 3: Муза-Сят. 830 с.; Т. 4: Т-Ящур. 860 с.
19. Чешско-русский словарь: в 2-х т. / под ред Л. Копецкого, Й. Филиппа и О. Лешки. Москва: Советская энциклопедия, Прага: Гос. пед. изд-во, 1973. 1444 с.
20. Collins English Dictionary: 175 years of dictionary publishing / ed. S. Anderson, D. Black, J. Butterfield [a.o]. 9th ed. Glasgow: HarperCollins Publishers, 2007. 314 p. [CED].
21. Dictionnaire étymologique et historique du français / J. Dubois, H. Mitterand, A. Dauzat. Paris: Larousse, 2007. 912 p. [DEHF].
22. Gómez de Silva G. Breve diccionario etimológico de la lengua española: 10 000 artículos, 1 300 familias de palabras. 2 ed. México: FCE, COLMEX, 1998. 736 p.
23. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 23., erweiterte Auflage. Berlin; New York: de Gruyter, 1999. 480 S.
24. Küpper Dr. Heinz. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart : Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung GmbH., 1987. 959 S.
25. El pequeño larousse ilustrado / D. Aguilar, F. Bajo. Barcelona: Larousse Editorial; México: Ediciones Larousse, 2008. 1894 p. [PLI].

REFERENCES

1. Barabulya, A. M. (2007). *Konotativni komponenti leksichnoyi semantiki yak parametr mizhmovnogo zistavlennya (na materialy ukrayinskoyi ta angliyskoyi mov)* [Connotative components of lexical semantics as a parameter of cross-linguistic matching (based on Ukrainian and English)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.17. Kiyiv. (In Ukr.).
2. Garbuyo, I. (2017). *Semanticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty izucheniya fitonimicheskikh metafor v russkom yazyke (na fone italyanskogo)* [Semantic and linguocultural aspects of the study of phytonymic metaphors in the Russian language (against the background of Italian)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Novosibirsk. (In Russ.).
3. Lukyanova, I. V. (2018). *Dialektnaya fitonimika v kognitivno-onomasiologicheskoye aspekte* [Dialectal phytonymy in the cognitive-onomasiological aspect]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Tomsk. (In Russ.).
4. Melnichuk, V. A. (2018). *Aksiologicheskaya dinamika russkoy leksiki (konets XVIII – nachalo XXI v.)* [Axiological dynamics of Russian vocabulary (late 18th – early 21st centuries)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
5. Panasenko, N. I. (2010). *Fitonimicheskaya leksika v sisteme romanskikh, germanskikh i slavyanskikh yazykov (opyt onomasiologicheskogo i kognitivnogo analiza)* [Phytonymic

vocabulary in the system of Romance, Germanic and Slavic languages (experience of onomasiological and cognitive analysis)]. Cherkassy: Brama-Ukraina. (In Russ.).

6. Provotorova, M. A. (2009). *Yazykovyye mekhanizmy porozhdeniya otsenochnykh smyslov* [Linguistic mechanisms for generating evaluative meanings]: avtoref. diss. ...kand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).

7. Putsileva, L. F. (2009). *Kulturno determinirovannyye konnotatsii russkikh zoonimov i fitonimov (na fone italyanskogo yazyka)* [Culturally determined connotations of Russian zoonyms and phytonyms (against the background of the Italian language)]: avtoref. diss. ...kand. filol. nauk: 10.02.01. Sankt-Peterburg. (In Russ.).

8. Raevskaya, O. V. (1981). *Slozhnyye slova sovremennogo frantsuzskogo yazyka (imennoe slozhenie)* [Compound words in modern French (noun addition)]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.05. Moskva. (In Russ.).

9. Serdyuk, A. M. (2002). *Motyvatsiyna osnova nazv roslyn u pervinnomu i vtorinnomu semiozisi: na materialy ukrayinskoyi, rosiyskoyi, nimetskoyi ta frantsuzkoyi mov* [The motivational basis of plant names in primary and secondary semiosis: on the material of Ukrainian, Russian, German and French languages]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.15. Kiyiv. (In Ukr.).

10. Skorofatova, A. O. (2009). *Onomasiologiya ta lingvogeografiya fitonomeniv v ukrayinskikh skhidnoslobozhanskikh govirkakh* [Onomasiology and linguogeography of phytomenes in Ukrainian East Slobodan colloquialisms]. Lugansk: Elton-2. (In Ukr.).

11. Solodilova, I. A. (2014). *Sposoby kontseptualizatsii otsenki v nemetskom yazyke (na materiale nemetskoyazychnoy khudozhestvennoy prozy)* [Ways of conceptualizing evaluation in the German language (based on German-language fiction)]: avtoref. diss. ...d-ra filol. nauk: 10.02.04. Ufa. (In Russ.).

12. Yurchenkova, E. Yu. (2018). *Sopostavitelnyy analiz kognitivnykh strategiy nominatsii rasteniy v nemetskom yazyke (na materiale otzoonimnykh fitonimov)* [Comparative analysis of cognitive strategies for naming plants in the German language (based on ozoonymic phytonyms)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Tomsk. (In Russ.).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Azerbaydzhansko-russkiy universalnyy slovar* [Azerbaijani-Russian universal dictionary]. Compiled by P. F. Kazymi, R. A. Nasretdinov. Moskva: Tolmach ST, 2009. (In Russ.).

2. Bernshteyn, S. (1975). *Bolgarsko-russkiy slovar* [Bulgarian-Russian dictionary]. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

3. *Bolshoy nemetsko-russkiy slovar* [Large German-Russian dictionary]. Compiled by E. I. Leping, N. P. Strakhova, N. I. Filicheva et. al. Moskva: Rus. yaz., 1980. (In Russ.).

4. *Velykyy tlumachnyy slovnyk suchasnoyi ukrayinskoyi movy* [A large explanatory dictionary of the modern Ukrainian language]. In V. T. Busel (ed.). Kyyiv: Irpin : VTF «Perun», 2005. (In Ukr.).

5. Gessen, D., Stypula, R. (1979). *Bolshoy polsko-russkiy slovar* [Large Polish-Russian dictionary]. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

6. Devkin, V. D. (1996). *Nemetsko-russkiy slovar razgovornoy leksiki* [German-Russian colloquial dictionary]. 2nd ed., stereotyp. Moskva: RUSSO. (In Russ.).

7. Efremova, T. F. (2001). *Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovno-slovoobrazovatelnyy* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formative]. 2nd ed., stereotyp. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

8. *Ispansko-russkiy slovar* [Spanish-Russian Dictionary]. In V. F. Kelina (ed.). Moskva: GIS, 1966. (In Russ.).

9. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary].

In V. N. Yartseva (ed.). Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. (In Russ.).

10. Mizin, K. (2010). *Anglo-ukrayinskyi slovnyk komparativnoyi frazeologiyi* [English-Ukrainian dictionary of comparative phraseology]. Kremenchuk: Shcherbatikh O. V. (In Ukr.).

11. *Russko-bolgarskiy slovar* [Russian-Bulgarian Dictionary]. Compiled by S. K. Chukalov. Moskva: Izd-vo «Sovetskaya entsiklopediya», 1972. (In Russ.).

12. *Russko-slovatskiy slovar* [Russian-Slovak dictionary]. Compiled by V. Dorotyakova, M. Filkusova, D. Kollar et. al. Moskva: Russk. yaz., Bratislava: Slovatskoe ped. izd-vo, 1989. (In Russ.).

13. *Russko-turetskiy slovar* [Russian-Turkish Dictionary]. Compiled by E.M.-E. Mustafaev, V. G. Shcherbinin. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1972. (In Russ.).

14. *Russko-cheshskiy slovar – Rusko-českyslovník* [Russian-Czech dictionary – Rusko-českyslovník]. Compiled by S. Beneshova, E. Dvorzhakova, M. Dlougi et. al. Moskva: Russkiy yazyk; Praga: Ped. izd-vo, 1978. (In Russ.).

15. Skvortsova, N. A., Mayzel, B. N. (1977). *Italyansko-russkiy slovar* [Italian-Russian Dictionary]. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

16. Spiers, R. A. (1991). *Slovar amerikanskogo slenga* [Dictionary of American Slang]. Moskva: Rus. yaz. (In Russ.).

17. Stavitska L. (2008). *Ukrayinska mova bez tabu. Slovnyk netsenzurnoyi leksiki ta yiyi vidpovidnikiv* [Ukrainian language without taboos. A dictionary of profanity and its equivalents]. Kiyiv: Kritika. (In Ukr.).

18. Fasmer M. (1986-1987). *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka* [Etymology Dictionary of the Russian Language]. Moskva: Progress. (In Russ.).

19. *Cheshsko-russkiy slovar* [Czech-Russian dictionary]. In L. Kopetskogo, Y. Filiptsa and O. Leshki (eds.). Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, Praga: Gos. ped. izd-vo, 1973. (In Russ.).

20. *Collins English Dictionary: 175 years of dictionary publishing*. In S. Anderson, D. Black, J. Butterfield [a.o] (eds.). 9th ed. Glasgow: HarperCollins Publishers, 2007.

21. *Dictionnaire étymologique et historique du français*. In J. Dubois, H. Mitterand, A. Dauzat (eds). Paris: Larousse, 2007.

22. Gómez de Silva G. (1998). *Breve diccionario etimológico de la lengua española: 10 000 artículos, 1 300 familias de palabras*. 2 ed. México: FCE, COLMEX.

23. Kluge, F. (1999). *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 23., erweiterte Auflage. Berlin; New York: de Gruyter.

24. Küpper, Dr. Heinz. (1987). *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache*. Stuttgart : Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung GmbH.

25. *El pequeño larousse ilustrado*. In D. Aguilar, F. Bajo (eds.). Barcelona: Larousse Editorial; México: Ediciones Larousse, 2008.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 04 марта 2024 г.

УДК 81.373.4

© 2024 В. П. Джиоева

КОМПОЗИТНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ В ОСЕТИНСКОМ, РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Исследование посвящено анализу композитных наименований одежды как элементов лингвокультуры носителей осетинского, русского, английского и немецкого языков. Предметом исследования выступают изоморфные и алломорфные характеристики многоосновных наименований предметов одежды в выбранных языках. Критериями распределения исследуемых единиц выступают: способы образования, происхождение, структура, семантика и мотивационные признаки. В работе выявлены наиболее рекуррентные мотивационные признаки.

Ключевые слова: наименования одежды-компози́ты, мотивационные признаки, структурно-семантические характеристики, структурные модели, лексико-семантическая группа, семантический ряд.

© 2024 V. P. Dzhioeva

COMPOSITE NAMES OF ARTICLES OF CLOTHING IN OSSETIAN, RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN LANGUAGES

The paper dwells on the study of composite names of articles of clothing as an element of lingua-culture of Ossetian, Russian, English and German language speakers. The subject is presented by isomorphic and allomorphic characteristics of composite names of articles of clothing in the languages under study. The criteria of analysis are: ways of formation, origin, structure, semantics, and motivation peculiarities. The most recurrent motivation peculiarities are defined in the paper.

Key words: composite names of articles of clothing, motivation peculiarities, structural-semantic characteristics, structural models, lexical-semantic group, semantic line.

Введение. Особым пластом лексики, требующим изучения, является предметно-бытовая лексика, репрезентирующая особенности материальной культуры народа [Абаева, 2018]. В работе рассматриваются наименования предметов одежды-компози́ты, их этимологические, семантико-прагматические и некоторые структурные характеристики. Для анализа эмпирического материала рассмотрим семантическое наполнение самого термина «компози́т». В рамках настоящего исследования компози́тами считаются многоосновные лексические единицы, характеризующиеся тремя способами написания: слитно, через дефис и раздельно.

Одним из наиболее продуктивных способов словообразования считается словосложение [Виноградов, 1975: 168]. Словосложение считается вторым по продуктивности способом словообразования после аффиксации [Амосова, 1956: 70]. Собственно словосложением принято считать морфологическое соединение двух или

более основ. Вследствие такого сложения образуется сложное слово или композит. Словосложение является способом словообразования, занимающим промежуточное положение между морфологическим и синтаксическим способами производства лексических единиц. Существует ряд композитов, имеющих структурные характеристики словосочетаний и состоящие из сочетания целых слов [БЭС, 1998: 469].

Объектом исследования выступают сложные существительные, входящие в лексико-семантическую группу «наименования предметов одежды» на осетинском, русском, английском и немецком языках.

Согласно исследованиям, среди предметно-бытовой лексики русского языка, включающей как исконно русскую, так и заимствованную лексику, в том числе устаревшую, исконно русская лексика в количественном отношении преобладает над словами заимствованными [Гауч, 2014]. Изучение особенностей наименования предметов быта, в частности наименований одежды и домашней утвари, на осетинском языке является одним из наиболее значимых направлений современного осетиноведения с точки зрения социальной значимости [Дзлиева, Абаева, 2017].

Одежда является своего рода маркером половой, возрастной, социальной, этнической принадлежности человека. В Англии до гражданской войны одежда считалась значимым элементом культуры, и притязания на нее приравнивались к серьезным преступлениям [Барт, 1997]. Наименования предметов одежды и аксессуаров являются маркером этнокультурных особенностей жизни, народных традиций, обычаев и быта народа [Саттарова, 2004].

Словообразование как один из важных феноменов русского, английского и немецкого языков исследуют представители Донецкой научной школы Ш. Р. Басыров, В. Д. Калиущенко, Л. Н. Ягупова и др. Вопросами словообразования в осетинском языке занимались такие ученые, как В. И. Абаев, А. Дз. Цагаева, Н. К. Багаев, Н. Я. Габараев, К. Е. Гагкаев, М. И. Исаев, А. А. Цомартова, Л. Л. Зеленская, М. Б. Кульчиева и др.

Цель исследования – изучить этимологические, семантико-прагматические и некоторые структурные характеристики наименований одежды-композитов в осетинском, русском, английском и немецком языках.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **задач**:

– обозначить критерии для определения сложных слов, распространяющиеся на все четыре рассматриваемых языка;

– составить структурно-семантическую характеристику лексических единиц (ЛЕ) в каждом отдельном языке;

– установить мотивационные признаки изученных лексических единиц;
– выявить сходства и различия структурно-семантических характеристик ЛЕ в рассматриваемых языках.

Работа представляется актуальной в силу того, что сопоставительные исследования лексико-семантической группы «наименования предметов одежды» на материале осетинского, русского, английского и немецкого языков не проводились. Полученные результаты позволят расширить представление о природе композитов и особенностях их функционирования в рассматриваемых языках, в частности в рамках отдельных лексико-семантических групп.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней рассматривается композитная лексика искомой лексико-семантической группы в рассматриваемых языках, определены этнолингвокультурные особенности их употребления и раскрыты наиболее рекуррентные мотивационные признаки.

Материалом для исследования послужили композитные наименования одежды общим объемом 332 единицы в осетинском (77 единиц), русском (86 единиц), английском (82 единицы) и немецком (87 единиц) языках, взятые из словарей новых слов, толковых и этимологических словарей, а также из справочной и научной литературы.

1. Композиты как лингвистическая проблема. Для рассматриваемых языков характерны разные типы сложных слов и в традициях описания этих языков используются различные термины для их обозначения (в русском языке – сложения и сращения [Русская грамматика, 1980, I: 139], в английском языке – синтаксические композиты [Жлуктенко, 1983: 67] и др.) [Спицына, 2002]. В немецком языке принято рассматривать слова, состоящие из двух или нескольких корней или из корней со словообразовательными аффиксами [Степанова, 1953: 59], в осетинском языке – сложные слова с «первой» и «второй» частью [Абаев, 1959: 124]. Согласно точке зрения Н. Я. Габараева, цельнооформленность слова выполняет одну из самых значимых функций в речи, и изменение формы слова является важным элементом процесса словообразования [Габараев, 1963: 111].

От свободных словосочетаний композиты отличаются тем, что их значение отличается от суммы значений составляющих, а от фразеологических выражений – тем, что их составляющие активны в деривации и могут заменяться (см. *Nehru suit* – *Мао suit* и т. д.). Согласно точке зрения некоторых исследователей, есть сложные слова, занимающие промежуточное положение между единицами языка и речи, их можно как

воспроизводить, так и создавать в процессе коммуникации [Архипов, 1983: 146].

В данном исследовании термин «композит» применяется применительно к сложным словам с широкой семантикой. По мнению лингвистов, невозможно выделить универсальные признаки сложного слова. Основным признаком сложных слов являются две или более составляющие, представляющие собой корни самостоятельных полнозначных слов в составе одного цельноформленного образования [Кубрякова, 1978: 65].

Образование сложных слов – чрезвычайно распространенный способ номинации новых видов одежды в английском и немецком языках. В русском языке помимо образования новых наименований одежды посредством словосложения с использованием исконно русских единиц широко применяются заимствованные основы (элементы) или готовые иноязычные термины. Особенностью наполнения рассматриваемой лексико-семантической группы в осетинском языке является преобладание заимствованной лексики и терминологии для номинации предметов одежды в повседневной коммуникации как в бытовом, так и в институциональном типах дискурсов. Исконно осетинская (с заимствованными элементами) лексика, в том числе композитная, в рамках рассматриваемой семантической группы находит применение в этнокультурном и историческом контекстах. Наименования одежды, представленные в исследовании, служат маркером статуса, социального положения, праздничности, повседневности и относятся к корпусу ритуальной и обрядовой лексики. Осетинский национальный костюм с элементами аланской и древней скифо-сарматской культур является атрибутом национальных праздников, в частности, осетинской свадьбы.

Сложные лексические единицы или композиты имеют преимущественно слитное написание, часто дефисное и довольно редко раздельное. Семантически главный компонент указывает на тип одежды, другой же компонент описывает особенности данной разновидности одежды. Главным принципом отбора материала является наличие общего, связывающего компоненты значения, отличного от значений отдельно взятых компонентов.

Наиболее значимым источником определения происхождения основных элементов национального осетинского костюма являются материалы этнографических и археологических изысканий, выделяющих элементы общекавказского костюма той эпохи [Уварова, 1887: 85].

Эмпирический материал представлен 332 лексическими единицами лексико-семантической группы «наименования предметов одежды» в выбранных языках. Материал собран на основе онлайн словарей новых слов, толковых и этимологических словарей. Осетиноязычный материал частично базируется на данных исторических и

этнографических источников. В работе осуществлен количественный анализ структурных типов композитной лексики выбранного лексико-семантического ряда. В материале примечательно наличие определенного количества заимствованной лексики, функционирующей в языке для детерминации отдельных видов одежды, являющихся универсальным элементом гардероба современного человека и воспринимающихся носителями того или иного языка как необходимый атрибут повседневной жизни. Ряд композитной лексики встречается в нескольких языках сразу, являясь фактом языковой действительности на современном этапе развития общества. Предметно-бытовая лексика имеет тенденцию охватывать широкий круг носителей различных лингвокультур и удовлетворять языковым потребностям, соответствующим веянию времени. Предметы одежды помогают создать четкое представление о жизни, быте, обычаях и нравах представителей ушедших эпох [Baumgarten, 2002].

2. Структурно-семантическая характеристика композитных наименований предметов одежды в осетинском, русском, английском и немецком языках. В эмпирическом материале выделены структурные модели, количественные данные которых представлены в таблице 1.

Таблица 1. *Продуктивность структурных моделей композитных наименований предметов одежды в осетинском, русском, английском и немецком языках*

Структурная модель	Осетинский (%)	Русский (%)	Английский (%)	Немецкий (%)
1. сущ + сущ	24 (31,2)	71 (82,5)	50 (61)	73 (83,9)
2. прил + сущ	41 (53,2)	7 (8,1)	31 (37,8)	4 (4,7)
3. сущ + глаг	7 (9,1)	–	–	–
4. сущ + сущ + сущ	–	–	–	5 (5,7)
5. Другие модели	5 (6,5)	8 (9,4)	1 (1,2)	5 (5,7)
Всего	77 (100)	86 (100)	82 (100)	87 (100)

В таблице 1 приведены количественные данные структурных моделей лексики выбранного семантического ряда. Структурные модели, представленные в количестве менее двух, объединены в единую группу. В осетинском языке выявлено 5 моделей (предл + мест, нар + глаг, нар + прил + сущ, прич + сущ, прил + сущ + сущ); в русском языке – 8 моделей (предл + мест, глаг + сущ, глаг + нареч, сущ + глаг, предл + сущ, сущ + прил, предл + нареч, сущ + прил + сущ); в английском языке – одна модель (глаг + нареч); в немецком языке – 5 моделей (сущ + прил, глаг + сущ, предл + сущ, преф + сущ, сущ + сущ + сущ).

В зависимости от структурно-семантических характеристик лексических единиц

исследователи выделяют следующие группы сложных слов: оба компонента могут употребляться самостоятельно для обозначения типов одежды и один из компонентов уточняет другой компонент с более широкой семантикой [Спицына, 2002]. Как правило, один компонент композита имеет более конкретную семантику по сравнению с более обобщенным другим компонентом. Отсюда следует, что один элемент комплекса имеет родовое значение, а второй – видовое. В рамках данной работы эмпирический материал распределен на группы следующим образом:

1. Оба компонента могут употребляться самостоятельно для обозначения видов одежды, семантика сложного слова включает характерные черты обоих компонентов (мотивация по сходству с предметом одежды), причем главным считается в русском языке преимущественно первый компонент (исключение составляют композиты, в составе которых один из элементов или оба / все являются заимствованными единицами), в осетинском, английском и немецком языках – второй; например, **осет.** *галифе халаф* (гибридный композит: заимствованная единица *галифе* и исконно осетинская *халаф* от древнеиндийского *kalapa* ‘колчан, пояс, украшение, павлиний хвост’ [Абаев, 1989, Т.4: 165]) ‘брюки, облегаяющие голени и сильно расширяющиеся на бедрах’ (название брюкам дано по имени французского генерала Гастона Галифе; мотивация по смежности: имя человека, который ввёл их в употребление для кавалеристов, главным считается второй компонент); *джинс халаф* (главным считается второй компонент), **русск.** *платье-халат, пэчворк* ‘одежда, сшитая путем соединения между собой лоскутов различного цвета, фактуры’ [DRESS, 2020-2024], *пальто-накидка, кроп-топ, юбка-штаны, брюки-палаццо* и др., **англ.** *slipdress* ‘платье комбинация’, *frockcoat* ‘сюртук’, *polo shirt* ‘рубашка поло’, *vest top* ‘топ-маечка’, *tunic vest* ‘майка-туника’, **нем.** *Blusen-Jacke* ‘блуза-жакет’, *Shirtbody* ‘боди с верхней частью в виде рубашки’, *Krawattenschal* ‘кашне наподобие галстука’, *Cardiganjacke* ‘длинный жакет-кардиган’, *Westen-Jacke* ‘куртка-жилет, куртка со съемными рукавами’, *Dirndlbluse* ‘блузка с буфами, часть народного костюма юга Германии’ [БНРС] и др.

2. Один из компонентов уточняет другой компонент с более широкой семантикой. Уточняющий компонент может употребляться самостоятельно в значении целого, например: **осет.** *адгуыр къаба* (досл. ‘платье с туловищем’, главным считается второй компонент) используется в значении ‘цельное платье’ от *гуыр* ‘туловище, талия’ [Бигулаев, Гагкаев, Туаева, 2011: 161] с мотивацией ‘крой, форма, функциональность’), *разгом къаба* ‘распашное платье с вырезом на груди’ от *раз* ‘передняя часть чего-то’ и *гом* ‘открытый’ (мотивация – дизайн и форма) (*разгом*, чаще форма мн. ч. *разгæмттæ*

используется самостоятельно в качестве наименования женского национального праздничного, свадебного наряда), **русск.** юбка-блейзер, майка-футболка, брюки-кюлоты, шорты-бермуды, юбка-брюки, куртка-пиджак, мини-юбка (частное свойство – длина), костюм-двойка (частное свойство – количество предметов), шляпка-клош (*cloche* ‘колокол’) – дамская шляпка, напоминающая колокол, *танкини* – купальник, состоящий из длинного топа и плавок и т. д., **англ.:** *baggys / baggies (baggy shorts)* ‘мешковатые шорты для занятий серфингом, плавки в виде свободных шорт’, *casuals (casual slacks)* ‘брюки, носимые в неформальной обстановке’ (назначение), *bells (bell-bottom trousers)* ‘брюки-колокола’, *kipper (tie)* ‘галстук в виде рыбины’ (мотивация по сходству с предметом), *блузка бардотка* ‘блузка, уменьшенная до размеров бюстгалтера’, (названа в честь Брижитт Бардо, которая появилась в такой блузке на экране), **нем.** *Bermuda shorts (Bermudas)* ‘шорты-бермуды’, *Bomberjacke* ‘куртка-бомбер’, *Hemdbluse* ‘блузка-рубашка’, *Jackenkleid* ‘платье-куртка’ [БНPHС].

3. В эту группу входят композиты, в составе которых только главный компонент может употребляться самостоятельно для номинации предметов одежды, а второстепенный – только в составе композита, например, **осет.** *æддаг дарæс* ‘верхняя одежда’ от др. иран. *antaka* ‘вне, снаружи’ [Абаев, 1973, Т. 1: 104] (главным считается в осетинском языке второй компонент, назначение, функция – предмет одежды для ношения на улице), *пæр-пæр къаба* ‘платье с оборками’ (покрой, от *пæр-пæр* ‘порхание, взмах крыльев, колыхание’), *уат-дзабыртæ* ‘шлёпанцы’ (мотивация – назначение, от *уат* ‘комната, спальня’), *хъуыр бæттæн* ‘шарф’ (досл. ‘повязка для шеи’, мотивация – предназначение предмета одежды для определенной части тела), **русск.** водолазка, полушубок, косоворотка, жакет-мандарин, юбка-тюльпан, брюки сигареты, лонгслив [relook], кроп-топ [relook], боло галстук ‘два плетеных шнура, скрепленных и затянутых до воротника пряжкой’, галстук *регат* ‘галстук с готовым фабричным узлом на тесьме, застёгивающейся под воротником’ (мотивация по сходству с предметом из другой ЛСГ), *кепка Гэтсби / кепка восьмиклинка* или *кепка мальчика-разносчика газет* ‘кепка с загнутым козырьком округлого фасона’ (мотивация – сходство с фасоном головного убора, который носил главный герой романа Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «Великий Гэтсби») и т. д., **англ.** *shirt waister* ‘платье-рубашка; рубашка, доходящая не ниже талии’ [OED], *windbreaker* ‘ветровка’, *sweatpants* ‘спортивные штаны’, *greatcoat* ‘шинель’, *letterjacket, college jacket* ‘куртка латтерман’ [Дзен Платформа, 2015-2024], *sack dress* ‘платье шемиз, из легкой ткани прямого покроя, слегка расширяющееся книзу’, *Capri*

pants ‘плотно облегающие брюки, носимые в неформальной обстановке’, *Capri* – остров в Италии, *cargo pants* ‘брюки карго’ (мотивация – *cargo* переводится как ‘груз’, таким образом, это штаны свободного кроя с несколькими дополнительными карманами, по которым этот груз можно разложить), нем. *Bomberjacket* ‘куртка-бомбер’ «пилотная» куртка (спортивная куртка, по виду напоминающая куртку военных пилотов) (мотивация – по сходству) [БНPHC]; *Rauberzivil* ‘разг, шутл. небрежная, непринужденная одежда; одежда похуже (попроще)’; *Tarnkappe* ‘шапка-невидимка’. Та же история у *Tarnmantel* (от глаг. *tarnen* ‘маскировать’) ‘камуфляжная куртка’ [БНPHC]; *Freizeitanzug* ‘домашняя одежда’ и многих других.

В осетинском языке выявлен такой подвид композитов, элементы которых не используются по отдельности для обозначения одежды, например: *æрм-къух* ‘рукавица, перчатка’ от *арм* ‘рука, кисть руки’ [Гуриев, Гутиева, 2013: 58] (мотивация по сходству с частью тела), *дæллаг-гуыр* ‘юбка’ от *дæллаг* ‘нижний’ и *гуыр* ‘туловище’, *досл.* ‘нижнее туловище’ (мотивация ‘одежда для нижней части туловища’).

3. Мотивационные признаки наименований предметов одежды-композигов в осетинском, русском, английском и немецком языках. Посредством изучения рекуррентности семантических признаков, которые выделяются в дефинициях рассматриваемых композитных единиц, можно определить их базовые мотивационные признаки [Матюхевич, 2016]. Исследуемые композиты были условно поделены на группы по следующим мотивационным признакам (МП).

Мотивационные признаки (далее МП):

1. Внешнее сходство с объектом / явлением из другой лексико-семантической группы (ЛСГ) или отсылка к прецедентному феномену / имени.
2. Материал, из которого изготавливается предмет одежды, способ изготовления.
3. Ситуация ношения. Особенности предназначения: для определенного сезона, погоды, рода деятельности и т. д.
4. Особенности дизайна, покроя, фасона.
5. Функциональные характеристики.

Таблица 2. Количественные характеристики распределения лексических единиц (ЛЕ) по мотивационным признакам

Мотивационный признак	Осетинский	Русский	Английский	Немецкий
МП 1	4	20	7	4
МП 2	18	1	6	10
МП 3	24	13	25	47
МП 4	8	39	26	9
МП 5	23	13	18	17

Наиболее рекуррентными МП, которые выделяются в дефинициях анализируемых слов в осетинском языке, являются следующие:

1) ситуация ношения (особенности предназначения: для определенного сезона, погоды, рода деятельности) (24 единицы): *цыбыр-куырæт* ‘богато орнаментированный бархатный передник, кафтанчик как элемент свадебного наряда’ от *куырæт* ‘бешмет’ [Габараев, 2010, Т. 2: 448];

2) функциональные характеристики (23 единицы): *æфцæг-гот-бæттæн* ‘галстук’ от *æфцæг-гот* ‘воротник’ (*æфцæг+уат* ‘вместилище шеи’ [Абаев, 1958, Т. 1: 105]) и *бæттын* ‘завязывать, связывать’ (мотивация – ‘одежда для определенной части тела с указанием действия, совершаемого для ее надевания’);

3) материал, из которого изготавливается предмет одежды, способ изготовления (18 единиц): *хæрдгæхуыд худ* ‘украшенная золотым шитьем шапочка как элемент свадебного наряда’ (мотивация – название по способу изготовления).

Русский язык представлен преимущественно следующими МП:

1) особенности дизайна, покроя (39 единиц): *бойфренды* ‘комфортные женские брюки с заниженной талией, достаточно широким шагом и прямыми штанинами, часто укороченные и подвернутые снизу’, *кепка Гэтсби* ‘с загнутым козырьком округлого фасона’, *жакет-тренкот* ‘из плотной ткани, обычно имеет отлетную кокетку, накладные карманы, погоны – все со строчкой, жакет носят с поясом;

2) внешнее сходство с объектом / явлением из другой лексико-семантической группы (ЛСГ) или отсылка к прецедентному феномену / имени (20 единиц): *джинсы-бананы*, *брюки-сигареты*, *куртка норфолк* ‘куртка длиной до бедер, названа именем ее создателя’.

Для английского языка характерны такие МП, как:

1) особенности дизайна, покроя, фасона (26 единиц): *babydoll dress* ‘короткая, зачастую безрукавная, свободная женская ночная рубашка, один из видов дамского ночного гардероба’, *bodyshaper* ‘корсет’, *duffle coat* ‘спортивное пальто’;

2) ситуация ношения; особенности предназначения: для определенного сезона, погоды, рода деятельности (25 единиц): *jogging suit* ‘спортивный костюм’, *windcheater* ‘ветронепроницаемая куртка’, *outerwear* ‘основная одежда, предназначенная для ношения поверх другой одежды’.

Немецкий язык характеризуется преобладанием следующих МП:

1) ситуация ношения; особенности предназначения: для определенного сезона,

погоды, рода деятельности (47 единиц): *Oberbekleidung* ‘верхняя одежда (в отличие от нижнего белья)’, *Freizeitanzug* ‘домашняя одежда’, *Hochzeitskleid* ‘свадебное платье’, *Jogginghose* ‘штаны для бега’;

2) **функциональные характеристики** (17 единиц): *Tarnmantel* ‘камуфляжная куртка’, *Dirndlbluse* ‘блузка «дирндл» (блузка с буфами, часть народного костюма юга Германии)’.

4. Особенности происхождения композитных наименований предметов одежды в сопоставляемых языках. В осетинском языке преобладающая часть анализируемой лексики представлена исконно осетинскими единицами, встречается также несколько заимствований: из русского языка (4 единицы), тюркского языка (3 единицы), французского языка (1 единица), грузинского языка (1 единица).

Русский язык представлен более чем наполовину из исконно русских единиц, заимствованная лексика состоит в основном из англицизмов (36 единиц), нескольких слов французского происхождения (3) и итальянского (2) языков и из тюркского языка (одна ЛЕ).

В корпусе немецких композитов обнаружено 14 англицизмов и 8 заимствований из французского языка.

5. Выводы

По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

5.1. В сопоставляемых языках выявлены изоморфные и алломорфные словообразовательные черты композитной лексики, которая имеет преимущественно слитное и дефисное написание, иногда – раздельное написание.

5.2. Структурно-семантические особенности композитных наименований предметов одежды в осетинском, русском, английском и немецком языках репрезентированы в таких структурно-семантических моделях: «сущ + сущ», «прил + сущ», «сущ + глаг», «сущ + сущ + сущ» и др.

5.3. В зависимости от структурно-семантической характеристики компонентов композитных наименований одежды выделяются следующие группы сложных слов: 1) композиты, в составе которых оба компонента употребляются для обозначения видов одежды; 2) один из компонентов композита уточняет другой компонент с более широкой семантикой (уточняющий компонент может употребляться самостоятельно в значении целого); 3) один компонент может употребляться самостоятельно для номинации предметов одежды, а второй – только в составе композита.

5.4. Мотивационные признаки композитных наименований предметов одежды представлены различным наполнением в каждом из рассматриваемых языков.

5.5. С точки зрения этимологии композитные образования характеризуются преобладанием исконной лексики по сравнению с заимствованными единицами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959. 168 с.
2. Абаева Ф. О. Къæлæтджын: из предметно-бытовой лексики осетинского языка // Известия СОИГСИ. Языкознание. Литературоведение. Фольклористика. 2018. № 29 (68). С. 144-151.
3. Амосова И. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. Москва: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. 218 с.
4. Архипов И. К. Сложное слово vs. словосочетание // Морфемика и словообразование. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1983. Вып. 2. С. 145-157.
5. Барт Р. Дендизм и мода / пер. с фр. яз. С. Зенкина // Moscow Art Magazine. 1997. № 18. Доступ: <https://moscowartmagazine.com/issue/69>. (дата обращения: 16.02.2024).
6. Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Исследования по русской грамматике. Москва: Наука, 1975. С. 166-220.
7. Габараев Н. Я. Об основных типах сложных слов в современном осетинском языке // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГССР. 1963. Вып. XII. С. 107-142.
8. Гауч О. Н. Особенности функционирования предметно-бытовой лексики Притоболья с точки зрения ее происхождения (на материале тфгато) // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 8-1 (27). С. 88-90.
9. Дзлиева Д. М., Абаева Ф. О. О социально-исторических изменениях осетинской свадебной обрядности // Вопросы литературы и фольклора. Владикавказ. 2017. Вып. IX. С. 77-88.
10. Жлуктенко Ю. А. Английские неологизмы. Киев: Наук. думка, 1983. 172 с.
11. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. Москва, 1978. 115 с.
12. Матюхевич Е. Н. Лексико-семантическая характеристика наименований одежды в немецком языке. Брест: БрГУ имени А.С. Пушкина, 2016. Доступ: https://www.brsu.by/sites/default/files/deutschlang/Konferenz_2016/matyuhevich.pdf. (дата обращения: 05.11.2023).
13. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Издательство «Наука». 1980. 790 с.
14. Саттарова Р. М. Семантика наименований верхней женской одежды в английском языке в сопоставлении с немецким: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Уфа, 2004. 26 с.
15. Спицына Н. П. Сложные наименования одежды в английском, немецком и русском языках // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. Мінск: БДУ, 2002. № 2. С. 67-72.
16. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. 378 с.
17. Уварова П. С. Кавказ. Путевые заметки. Москва, 1887. Вып. I. 326 с.
18. Baumgarten L. What clothes reveal: the language of clothing in colonial and federal America: the Colonial Williamsburg collection. Williamsburg, Va.: Colonial Williamsburg found., 2002. 265 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Ленинград: Изд-во «Наука», 1958. Т. I. А-К. 654 с.
2. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Ленинград: Изд-во «Наука», 1989. Т. IV. U-Z. 327 с.
3. Бигулаев Б. Б., Гагкаев К. Е., Туаева О. Н. Осетинско-русский словарь. Владикавказ: Издательство «Ир», 2011. 559 с.
4. Большой немецко-русский и русско-немецкий словарь. Доступ: <https://de-rus-de-big-dict.slovaronline.com>. (дата обращения: 24.02.2024). [БНPHC].
5. Большой немецко-русский словарь. Доступ: <https://www.lingvolive.com/ru-ru/translate/de-ru/Dirndlbluse> (дата обращения: 24.02.2024). [БНPHC].
6. Модный толковый словарь: гид по современным названиям одежды. Доступ: <https://www.relook.ru/article/113321>. (дата обращения: 24.02.2024).
7. Осетинско-русско-английский словарь / под ред. Т. А. Гуриева. Владикавказ, 2013. Т. 1. 530 с.; 2015. Т. 2. 570 с.
8. Толковый словарь осетинского языка: в 4-х т. / под общей ред. Н. Я. Габараева. Москва: Наука, 2007. Т. 1: А-Æ. 508 с.; Т. 2: Б-КЪ. 485 с.
9. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с. [БЭС].
10. Online etymology dictionary. Доступ: <https://www.etymonline.com/search?q>. (дата обращения: 24.02.2024). [OED].

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Культовая вещь: Университетская куртка // ООО «Дзен Платформа» 2015-2024. Доступ: <https://dzen.ru/a/XVhUFZmO1gCucml8>. (дата обращения: 24.02.2024).
2. Пэчворк – описание стиля одежды // Журнал DRESS. 2020-2024. Доступ: <https://dress-mag.com/style/patchwork>. (дата обращения: 24.02.2024).

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1959). *Grammaticheskiy ocherk osetinskogo yazyka* [Grammatical review of Ossetian language]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatelstvo. (In Russ.).
2. Abaeva, F. O. (2018). Kælætdzhyn: iz predmetno-bytovoy leksiki osetinskogo yazyka [Kælætdzhyn: from household vocabulary of Ossetian language]. In *Izvestiya SOIGSI. Yazykoznanie. Literaturovedenie. Folkloristika*. No 29 (68). Pp. 144-151. (In Russ.).
3. Amosova, I. N. (1956). *Etimologicheskie osnovy slovarnogo sostava sovremennogo angliyskogo yazyka* [Etymological basis of the vocabulary of modern English language]. Moskva: Izd-vo lit. na inostr. yaz. (In Russ.).
4. Arkhipov, I. K. (1983). Slozhnoe slovo vs. slovosochetanie [Composite word vs. word combination]. In *Morfemika i slovoobrazovanie*. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta. Iss. 2. Pp. 145-157. (In Russ.).
5. Bart, R. (1997). Dendizm i moda [Dandyism and Fashion]. Trans. from Fr. S. Zenkina. In *Moscow Art Magazine*. No 18. Available at: <https://moscowartmagazine.com/issue/69>. (accessed: 16.02.2024). (In Russ.).
6. Vinogradov, V. V. (1975). Slovoobrazovanie v ego otnoshenii k grammatike i leksikologii [Word-building in association with grammar and lexicology]. In *Issledovaniya po russkoy grammatike*. Moskva: Nauka. Pp. 166-220. (In Russ.).
7. Gabaraev, N. Ya. (1963). Ob osnovnykh tipakh slozhnykh slov v sovremennom osetinskom yazyke [Basic types of composite words in modern Ossetian language]. In *Izvestiya Yugo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta AN GSSR*. Iss. XII. Pp. 107-142. (In Russ.).
8. Gauch, O. N. (2014). Osobennosti funktsionirovaniya predmetno-bytovoy leksiki

Pritobolya s tochki zreniya ee proiskhozhdeniya (na materiale tfgato) [Peculiarities of functioning of household vocabulary from the point of view of its pronunciation (based on material of tfgato)]. In *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. No 8-1 (27). Pp. 88-90. (In Russ.).

9. Dzlieva, D. M., Abaeva F. O. (2017). O sotsialno-istoricheskikh izmeneniyakh osetinskoy svadebnoy obryadnosti [Some aspects of social-historical transformations of Ossetian wedding ceremony]. In *Voprosy literatury i folklor*. Vladikavkaz. Iss. IX. Pp. 77-88. (In Russ.).

10. Zhluktenko, Yu. A. (1983). *Angliyskie neologizmy* [English neologisms]. Kiev: Nauk. dumka. (In Russ.).

11. Kubryakova, E. C. (1978). *Chasti rechi v onomasiologicheskom osveshchenii* [Parts of speech: onomasiological aspect]. Moskva. (In Russ.).

12. Matyukhevich, E. N. (2016). *Leksiko-semanticheskaya kharakteristika naimenovaniy odezhdy v nemetskom yazyke* [Lexical-semantic characteristics of names of clothes in German language]. Brest: BrGU imeni A. S. Pushkina. Available at: https://www.brsu.by/sites/default/files/deutschlang/Konferenz_2016/matyuhevich.pdf. (accessed: 05.11.2023). (In Russ.).

13. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. In N. Yu. Shvedovoy (ed.). Moskva: Izdatelstvo «Nauka». 1980. (In Russ.).

14. Sattarova, R. M. (2004). *Semantika naimenovaniy verkhney zhenskoy odezhdy v angliyskom yazyke v sopostavlenii s nemetskim* [Semantics of names of women's outer clothing in English language in comparison with German language]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Ufa. (In Russ.).

15. Spitsyna, N. P. (2002). Slozhnye naimenovaniya odezhdy v angliyskom, nemetskom i russkom yazykakh [Composite names of clothes in English, German and Russian languages]. In *Vesnik Belaruskaga dzyarzhaynaga universiteta. Seryya 4. Filalogiya. Zhurnalistyka. Pedagogika*. Minsk: BDU. No 2. Pp. 67-72. (In Russ.).

16. Stepanova, M. D. (1953). *Slovoobrazovanie sovremennogo nemetskogo yazyka* [Word building in modern German language]. Moskva: Izdatelstvo literatury na inostrannykh yazykakh. (In Russ.).

17. Uvarova, P. S. (1887). *Kavkaz. Putevye zametki* [Caucasus. Travel notes]. Moskva. Iss. I. (In Russ.).

18. Baumgarten, L. (2002). *What clothes reveal: the language of clothing in colonial and federal America: the Colonial Williamsburg collection*. Williamsburg, Va.: Colonial Williamsburg found.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Abaev, V. I. (1958). *Istoriko-etimologicheskiy slovar osetinskogo yazyka* [Historical Etymological Dictionary of Ossetian Language]. Leningrad: Izd-vo «Nauka». Vol. I. A-K. (In Russ.).

2. Abaev, V. I. (1989). *Istoriko-etimologicheskiy slovar osetinskogo yazyka* [Historical Etymological Dictionary of Ossetian Language]. Leningrad: Izd-vo «Nauka». Vol. IV. U-Z. (In Russ.).

3. Bigulaev, B. B., Gagkaev, K. E., Tuaeua, O. N. (2011). *Osetinsko-russkiy slovar* [Ossetian-Russian dictionary]. Vladikavkaz: Izdatelstvo «IR». (In Russ.).

4. *Bolshoy nemetsko-russkiy i russko-nemetskiy slovar* [Large German-Russian and Russian-German dictionary]. Available at: <https://de-rus-de-big-dict.slovaronline.com>. (accessed: 24.02.2024). (In Russ.).

5. *Bolshoy nemetsko-russkiy slovar* [Large German-Russian dictionary]. Available at: <https://www.lingvolive.com/ru-ru/translate/de-ru/Dirndlbluse>. (accessed: 24.02.2024). (In Russ.).

6. *Modnyy tolkovyy slovar: gid po sovremennym nazvaniyam odezhdy* [Explanatory fashion dictionary: guide through modern names of clothes]. Available at: <https://www.relook.ru/>

article/113321. (accessed: 24.02.2024). (In Russ.).

7. *Osetinsko-russko-angliyskiy slovar* [Ossetan-Russian-English dictionary]. In T. A. Gurieva (ed.). Vladikavkaz, 2013, Vol. 1; 2015, Vol. 2. (In Russ.).

8. *Tolkovyy slovar osetinskogo yazyka* [Explanatory dictionary of ossetian language in four volumes]. In N. Ya. Gabaraeva (ed.). Moskva: Nauka, 2007, Vol. 1: A-Æ; Vol. 2: B-KIE. (In Russ.).

9. *Yazykoznanie. Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar* [Language study. Full encyclopedic dictionary]. In V. N. Yartseva (ed.). 2nd ed. Moskva: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1998. (In Russ.).

10. *Online etymology dictionary*. Available at: <https://www.etymonline.com/search?q>. (accessed: 24.02.2024).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Kultovaya vesch: Universitetskaya kurtka [Iconic item: Varsity jacket]. In *ООО «Dzen Platforma»* 2015-2024. Available at: <https://dzen.ru/a/XVhUFZmO1gCucml8>. (accessed: 24.02.2024). (In Russ.).

2. Pechvork – opisanie stilya odezhdy [Patchwork – description of clothing style]. In *Zhurnal DRESS*. 2020-2024. Available at: <https://dress-mag.com/style/patchwork>. (accessed: 24.02.2024). (In Russ.).

Джисоева Варвилена Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка
(e-mail: jio.varvilina@mail.ru),
Юго-Осетинский государственный университет имени А. А. Тибилова.
100001 Республика Южная Осетия,
Цхинвал ул. Путина, 8

Dzhioeva Varvilina P. – Candidate of Philology, Associate professor of English Language Department
(e-mail: jio.varvilina@mail.ru),
South Ossetia State University Named after A. A. Tibilov
8 Putina, Tskhinval, the Republic of South Ossetia, 100001

Поступила в редакцию 25 января 2024 г.

КАУЗАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В АНАЛИТИЧЕСКИХ КАУЗАТИВАХ КАК ОСОБЫЙ ПОДТИП ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются каузативные глаголы в синтаксических каузативах как подтип переходных глаголов в русском и китайском языках в сравнительно-сопоставительном аспекте. Анализируются каузативные глаголы в сравнении и сопоставлении с некаузативными переходными глаголами в русском и китайском языках. Выявлено, что при значительной степени сходства такие глаголы в обоих языках отличаются преимущественно степенью грамматикализации.

Ключевые слова: каузативность, аналитический каузатив, переходность, переходный глагол, ползнаменательный каузативный глагол, грамматикализация

© 2024 Zhang Mo

CAUSATIVE VERBS IN ANALYTICEL CAUSITIVES AS A SPECIAL SUBTYPE OF TRANSITIVE VERBS IN RUSSIAN AND CHINESE

The article deals with causative verbs that can form syntactic causatives as a special subtype of transitive verbs in both Russian and Chinese. A further comparison of causitive verbs in the two languages is given on the basis of the clarified features of the considered causative verbs. The result of the analysis shows that the causative verbs of this type in the compared languages are largely similar to each other and differ mainly in the degree of grammaticalization in the particular language.

Key words: causativity, analytical causative, transitivity, transitive verb, semi-indicative causative verb, grammaticalization

1. Предпосылка исследования

Каузатив – это синтаксическая реализация каузативности. Каузативность, являясь типичной семантической категорией, сообщает о макроситуации, в которой имеются каузирующая («Каузатор X воздействует на Y») и каузированная («Y приступил к совершению какого-либо действия или приобрёл какое-либо новое состояние») микроситуации [Недялков, Сильницкий, 1969: 6; Баклагова, 2009; Касевич, Храковский, 1983: 23; Кацнельсон, 1972: 85; Кожокина, 2015; Сюткина, 2020; Bilandžija, 2018]. Каузативами, по мнению ряда исследователей [Kulikov, 2001: 886; Литвинович, 2021], могут выступать конструкции самой разной структуры, но все они имеют своим ядром глагол как главный носитель каузативного значения, отчего и получили своё название **каузативные глаголы** (далее также в единственном числе – КГ).

Каузативность, согласно С. В. Шустовой – есть «причинение через побуждение»

[Шустова, 2011: 13]. Каузирующее воздействие в таком случае, будучи обязательным элементом в семантике КГ [Дадуева, 2011; Литвинович, 2021], тесно связывает категорию каузативности с переходностью. Ю. С. Степанов считает каузативность одной из разновидностей переходности глагола [Степанов, 1977]. Данное значение воздействия именуется «каузацией» [Корди, 1988: 21; Сильницкий, 1974: 97; Рец, Губанов, 2012] и представляет собой связь между двумя микроситуациями [Корди, 1988: 21; Сильницкий, 1974: 97].

Объект каузации, по справедливому замечанию С. В. Шустовой, для категории каузативности содержательно обязателен [Шустова, 2011: 16]¹, а интерперсональность – одна из «смысловых констант» каузативности [Шустова, 2013]. По этой же причине семантически каузативные глаголы характеризуются обязательной переходностью (или по термину Е. А. Дадуевой – «объектнонаправленностью» [Дадуева, 2007]), а грамматически – управляют дополнениями прямыми (например: *сломать* – «сломать что» [ТС, 2005-2024]) либо косвенными (например: *верить* – «верить во что, кому или чему» [ТС, 2005-2024])² и таким образом, входят в группу переходных глаголов. При этом, по словам С. В. Шустовой: «это отнюдь не означает, что все переходные глаголы являются каузативными» [Шустова, 2013] – КГ выделяются из переходных глаголов присущими только им семантическими и грамматическими особенностями.

Аналитический каузатив, согласно Ю. В. Баклаговой, образуется путём введения в исходную некаузативную конструкцию КГ, способного к образованию конструкции каузативного значения [Баклагова, 2009]. Такие КГ, как отмечает Е. А. Дадуева, создают «только небольшую группу», в которую входят глаголы типа «*дать, заставить, позволить, приказать, велеть, просить, принуждать* и др.» [Дадуева, 2011]. «Малочисленность» таких глаголов наблюдается также и в китайском языке. Ню Шунсинь, называя КГ данного типа в китайском языке «*致使词*» (буквально «слово

¹ Замечание С. В. Шустовой в содержательном аспекте является универсальным для всех языков в силу универсальности семантической категории каузативности, но в структурном аспекте её положение о том, что воплощение актанта объекта каузации является «факультативным» [Шустова, 2011: 16] – для сопоставляемых нами языков (а именно русского и китайского) неактуально.

² Говоря о переходности, мы различаем семантическую и грамматическую. Под семантической переходностью понимается наличие у глагола объектной валентности, а под грамматической – наличие у него дополнения в винительном падеже [Шорохова, 2007]. Другими словами, грамматически переходный глагол всегда предполагает объектную валентность на семантическом уровне. В то же время не всякие глаголы с объектной валентностью являются грамматически переходными. В данной работе, если не указано иначе, мы будем иметь в виду именно грамматическую переходность.

каузации»), выделила всего лишь четыре основных и наиболее типичных слова такого рода: 使, 令, 让, 叫, которые, по её мнению, представляют собой типичные и основные в китайском языке «слова каузации» вследствие их достаточно высокой степени грамматикализации [Ню Шунсинь, 2004: 39-50]. В нашей работе мы будем в качестве примеров приводить наиболее типичные КГ для двух языков (– русский *заставлять* и *позволять* и китайский 使) и рассматривать их в конкретных конструкциях, образованных этими двумя глаголами.

КГ данного типа в зависимости от их семантической либо грамматической особенностей именуется по-разному в работах лингвистов. Так, А. В. Волкова называет такие КГ «собственно каузативными глаголами» на том основании, что их «семантика каузативности не осложнена другими лексическими значениями» [Волкова, 2013]. Помимо этого, на основании достаточно абстрактной семантики и их функций в ряде работ они получают название «служебных» [Баклагова, 2017; Минченков, 2017; Хамидова, 2021]. Это связано с тем, что по типу синтаксического функционирования они ведут себя как глаголы типа *быть* или *мочь*, выступая носителями грамматических значений, таких как время, число и др., подобно тому, как ведёт себя глагол-сказуемое в предложении. Иначе говоря, эти КГ тоже проявляют высокую степень грамматикализации (десемантизации), в результате чего у глаголов происходит «замена конкретного узкого лексического значения абстрактным широким грамматическим», и конструкция при этом по словам В. Б. Касевича и В. С. Храковского, превращается «из свободной в аналитическую» [Касевич, Храковский, 1983: 10].

В то же время в семантическом аспекте у этих КГ сохраняется некое, хотя и достаточно обобщённое, но, безусловно, денотативное значение – каузации, весьма очевидное. В соответствии с этим правильно было замечено Г. Г. Сильницким, что отнесение таких КГ к группе «служебных» может быть лишь «условным» [Сильницкий, 1974: 147-148]. На наш взгляд, КГ данного типа уместнее называть не «служебными» или «вспомогательными» глаголами, а «*полузнаменательными*».

2. КГ в русских аналитических каузативах как особый тип переходных глаголов

Большинство полузнаменательных КГ являются грамматически переходными глаголами³. Однако, в отличие от обычных переходных глаголов, таких как *ломать*, они не

³ В КГ данного типа входят грамматически (типа *заставлять*) или семантически (типа *велеть*, который и входит в пример, заданный Е. А. Дадуевой [Дадуева, 2011]) переходные глаголы.

способны к самостоятельному образованию какого-либо полного предложения. Причина такой неспособности данного типа КГ заложена в самой семантике данного типа КГ.

В семантике полужнаменательных КГ содержится исключительно только значение каузации, или оно сопровождается неявным побочным значением, как например, в семантике глагола *заставлять* присутствует значение «приневоливать» [ТС, 2005-2024], т. е. «принуждать вопреки чьей-либо воле». По этой причине такие КГ являются семантически неполноценными и им необходимо нечто для заполнения этой пустоты, по словам И. Б. Долининой – имена-референты объекта каузации и неличные формы глагола [Долинина, 1983: 42].

Дополнение, управляемое полужнаменательным КГ, в сообщаемой каузативной ситуации указывает на такого участника, у которого имеется более одной роли. Объект каузации, в отличие от объекта действия, выражаемого обычным переходным глаголом, будучи объектом воздействия, одновременно выступает также и активным исполнителем каузированного действия, а не просто подвергается какому-либо действию агенса. Данная семантическая особенность проявляется прежде всего в валентностной структуре данного типа КГ. Обычные переходные глаголы требуют заполнения только одной объектной валентности, например, *смотреть (что?) телевизор*.

Пример 1: *Саша смотрит телевизор*. (Пример наш. – Чж. М.)

Предложения типа примера 1 с единственным дополнением (*телевизор*) в качестве референта объекта действия (*смотреть*) семантически и грамматически полноценны, тогда как КГ в аналитическом каузативе, как сказано выше, имеют трёхместную валентностную структуру: помимо подлежащего и дополнения, требует ещё наличие управляемой им инфинитивной формы для компенсации его семантической неполноценности (см. пример 2 (пример наш – Чж. М.)):

Пример 2: употребления глагола *заставлять* в полном и неполном предложениях

<i>*Руководитель заставляет рабочих.</i>	предложения неполные по семантике и по форме
<i>*Руководитель заставляет работать сверхурочно.</i>	
<i>Руководитель заставляет рабочих работать сверхурочно.</i>	полное предложение

Управляемый инфинитив вместе с прямым дополнением образуют полное предложение, репрезентирующее каузированную микроситуацию. Поскольку именно глагольная форма вместо именной выступает в качестве выражения «каузированной» микроситуации, то нетрудно определить, что каузировано, вероятно, какое-то действие, а не состояние.

Полузнаменательные КГ, такие как, например, *заставлять*, будучи типичными переходными глаголами в русском языке, управляя прямым дополнением, не имеют соответствующей страдательной формы – что и свидетельствует об имплицитной, но при этом обязательной «агентивности» объекта каузации. Страдательный же залог, по словам М. М. Гухман, – не обозначает «признака активного субъекта» [Гухман, 1964: С.11]. В. С. Храковский также замечает, что пассив используется для обозначения такой ситуации, в которой объект в результате действия агенса представлен в каком-то состоянии (акциональном либо результативном) [Храковский, 1991: 149-151]. В таком случае отсутствие формы страдательного залога у КГ данного типа тоже свидетельствует об агентивности объекта каузации, выражаемой полузнаменательными КГ.

Исключения, однако, наблюдаются при таких полузнаменательных КГ в русском языке, как *позволять* и *запрещать*, которые способны к образованию как форм страдательного залога, так и производных глаголов с постфиксом «-ся» (см. пример 3 на «*позволено*»):

Пример 3: *Больному позволено выходить из палаты.* (Пример наш – Чж. М.)

Такие глаголы, благодаря наличию в их семантике значения каузации, тоже относятся к каузативным, но располагаются на периферии КГ. Во-первых, в семантике глаголов присутствует явное денотативное значение (например в значении *позволять* в примере 3 – «разрешать, допускать, дать право или волю делать что» [ТС, 2005-2024]); а во-вторых, как показано в примере 3, они способны образовывать форму страдательного залога и соответствующий пассив. Но при этом такие глаголы по своему значению не являются типично каузативными. На месте непосредственного объекта в пассиве от *позволять* оказывается уже не сам объект каузации (типа *народу* в примере 3), а действие, которое было разрешено (типа *выходить из палаты* в примере 3). Однако, одной из семантических констант каузативности, как указано выше, является «интерперсональность», тогда как в плане содержания такого пассива по-настоящему «непосредственный» объект каузации заменяется каузируемым действием, на которое сама каузация в действительности не была направлена непосредственно. Тем не менее, объект каузации в таком случае тоже свою «агентивность» не проявляет.

Таким образом, КГ типа *позволять*, хотя означают каузативную ситуацию, всё же находятся на периферии полузнаменательных КГ. Во-первых, в их значении сохраняется достаточно явное денотативное значение (иначе говоря, у них меньше степень грамматикализации). Во-вторых, действие, выражаемое таким глаголом, как видно из

образованных от них пассивов, представлено как бы направленным на каузированное действие, а не на непосредственный объект каузации.

Резюмируя сказанное, выделим следующие характеристики полузнаменательных КГ в русском языке: полузнаменательные КГ в сравнении с обычными переходными глаголами, с одной стороны, тоже характеризуются переходностью (грамматической либо семантической), а с другой стороны, выделяются из группы переходных глаголов своими семантическими и грамматическими особенностями. Семантически, их полузнаменательность обуславливает особую трёхместную валентностную структуру (как синтаксическую, так и семантическую); а грамматически – неспособность (или не «предпочтение») к образованию страдательных форм в отличие от типичных переходных русских глаголов.

3. КГ в китайских аналитических каузативах как особый тип переходных глаголов

В китайском языке в отличие от русского языка нет флексий – надёжного и наглядного способа определения частей речи и синтаксического членения предложения. В большинстве случаев семантическая интерпретация – единственное, на основе чего можно членить предложение на единицы выражения (именно так в китайском языке удаётся выделить слово как компонент предложения и определить его частеречную принадлежность, хотя условно и не всегда точно) и определять их функцию. Далее на этой основе можно соотносить китайские языковые единицы с их эквивалентами в русском языке посредством определённых формальных показателей.

Такая неоднозначная ситуация при сопоставлении китайских и русских конструкций неизбежна и в случае изучения категории переходности / непереходности. В этом отношении справедливо замечание Фэн Пин: переходность / непереходность глагола (в китайском языке) может быть определена не по форме или семантике, а «в конкретной конструкции» и с учётом «окружающего контекста» [Фэн Пин, 1982].

Однако, благодаря яркой семантической специфике категории каузативности, китайские лингвисты, даже не останавливаясь на определении переходности, просто относят их к переходным по умолчанию и развивают свои исследования, опираясь на эту установку. Лю Юнгэн при этом прямо разделяет переходные глаголы в китайском языке на каузативные и некаузативные [Лю Юнгэн, 2000].

Классификация Чи Тайнинь [Чи Тайнинь, 1986] создана на формально-семантической основе, а её обобщённость и комплексность выражается в том, что большинство более подробных семантических или формально-семантических

классификаций КГ также подходят под критерии данной классификации. Так, Чи Тайнинь выделяет три типа КГ: 1) КГ, образующие конструкцию со сцеплением; 2) КГ, образующие типичную «S-V-O» конструкцию; и 3) КГ, сами не обладающие каузативным значением, но, являясь компонентом каузативной конструкции особенного строения, например, конструкции с 得, могут временно приобрести каузативное значение⁴.

Интересно заметить, что как бы не отличались акценты и исходные точки классификаций, существует бесспорное совпадение в выделении КГ, образующих конструкции со сцеплением как обособленный тип каузатива в китайском языке⁵. Ярким примером данного типа каузативов может служить конструкция с иероглифом 使, который формально и семантически представляет собой почти полный эквивалент подгруппы полужнаменательных КГ в русском языке.

Однако, отнесение каузативных иероглифов в китайском языке к глаголам на самом деле представляется спорным. Но споры ведутся по большому счёту вокруг определения части речи каузативных иероглифов, а не их конкретной грамматико-семантической функции. Сложность в основном возникает в силу отсутствия формальных показателей. Статус и функция иероглифов типа 使 в таком случае определяются по весьма ограниченному кругу показателей: наиболее убедительными и обоснованными для китайского языка являются местоположение, сочетаемость и знаменательность [Цзинь Чжэньэр, 2012: 30]. Однако по этим трём критериям каузативные иероглифы сближаются не только с переходными глаголами, но и с предлогами, которым тоже необходимо непосредственное сочетание с дополнением: эти каузативные иероглифы, образуя

⁴ Заметим, что каузативы третьего типа сами по себе не имеют никакого каузативного значения, но приобретают его, будучи сказуемым в конструкции определённого построения. Ряд исследователей [Чжоу Хун, 2006; Дин Синьфэн, 2019: 77–82; Тань Цзинчунь, 1996: 194] чётко разъяснили, что в таком случае каузативность имеется скорее у конструкции, чем у самих глаголов, и вне определённой структуры глаголы представляют собой некаузативные виды. Поэтому глаголы в таких временных каузативах не относятся к собственно каузативным, а просто «наделены каузативным значением», определённой структурой и, соответственно, не входят в круг рассматриваемых в данной работе вопросов.

⁵ «Сцепление» представляет собой особый тип члена предложения в грамматическом описании китайского языка. Его отличительная черта проявляется в том, что такой член предложения исполняет две роли одновременно, являясь прямым дополнением первого сказуемого и подлежащим второго [Чжи Сяосяо, 2016; Юй Хайян, 2010]. Такая ситуация нехарактерна для флективных языков. Но в китайском языке, где непривычно использование формальных показателей для маркирования грамматических статусов и функций, такое членение имеет рациональные основания, поскольку формально нечем доказать, что такой член находится в именительном или винительном падеже, а семантически – он представляет собой и субъект, и объект, но в отношении к разным действиям.

каузативы, обязательно находятся перед сцеплением, и вне определённой конструкции не функционируют (см. конкретно в примере 4). Они представляют собой существенно грамматикализованные единицы, которые сами по себе почти ничего кроме каузации не обозначают. Сочетаемость с именем для обязательного восполнения валентности, действительно, характеризует переходные глаголы, однако черты высокой степени грамматикализации и абстрактности денотативного значения сближают их с предлогами именно, а не с переходными глаголами.

По нашему мнению, эти иероглифы точнее было бы определить как глаголы. Хотя, с точки зрения синтаксиса, предлог тоже выражает определённое отношение между членами предложения, но чаще всего эта связь абстрактна, поэтому предлог не обладает такой самостоятельностью и способностью связывать два именных члена предложения, как у глагола. Семантически, несмотря на сильно грамматикализованное денотативное значение у таких иероглифов, они обозначают какое-то действие (хотя неконкретное), а именно: воздействие каузатора на объект, а не просто какую-то связь, как в случае с предлогом. Благодаря этим синтаксическим и семантическим особенностям данные каузативные иероглифы более логично относить к глаголам. В таком случае с учётом их способности сочетаться с обязательным дополнением (консеквентом, с точки зрения порядка слов в китайском языке), эти каузативные иероглифы тоже входят в группу переходных глаголов и при этом образуют такой же каузатив аналитического типа, как и глагол *заставлять* в русском языке.

Такие иероглифы, будучи также полужнаменательными КГ, образуют каузативы, которые во всех китайских грамматических работах называются, как сказано выше, конструкцией со сцеплением [Чи Тайнинь, 1986; Чжан Хэн, 2011; Дин Синьфэн, 2019: 76-77; Цзинь Чжэньэр, 2012: 28–34; Кан Ляньсин, 2008; Юй Хайян, 2010]. Данный тип каузатива по своему формальному строению можно соотнести с русским аналитическим типом, так как построение конструкции со сцеплением представляется, как правило, следующим образом: «S1V1S2V2» [Ли Ин, Чжоу Бицзи, 2016; Чжи Сяосяо, 2016], что в значительной степени совпадает с каузативом аналитического типа в русском языке (см. пример 4 (Пример наш – Чж. М.)).

Пример 4: *各类社会活动使人们的日常生活变得更加精彩了*

<i>各类社会活动</i>	<i>使</i>	<i>人们的日常生活</i>	<i>变得更加精彩了。</i>
подлежащее (S1)	каузативный иероглиф (V1)	сцепление (прямое дополнение V1 и подлежащее V2 – S2)	глагольная конструкция (V2)
субъект-каузатор	предикат (действие каузации)	объект каузации	предикат (действие каузированное)
<i>Разнообразные социальные мероприятия</i>	<i>заставляли</i> (буквально)	<i>повседневную жизнь людей</i> (буквально)	<i>стал интереснее</i> (буквально)

Так, пример 4 выше демонстрирует, что за исключением сложности с точным определением статуса сцепления (*人们的日常生活* – буквально «повседневная жизнь людей») на синтаксическом уровне как подлежащего или дополнения.

Причина такой неспособности, кроме семантической особенности этих иероглифов (т. е. «предопределение агентивности» объекта каузации), которая имеется и у русских полузнаменательных КГ. Эта «агентивность», в частности, заключается и в указанной неясности синтаксического статуса сцепления, представляющего собой, как указано выше, одновременно и прямое дополнение, и подлежащее. Иначе говоря, прямое дополнение иероглифов, таких как *使*, образует вместе с глаголом, следующим за ним, ещё один «включённый актив» внутри самого каузатива, выступая в этом «включённом активе» одновременно подлежащим. В таком случае будучи одновременно и подлежащим в исходной конструкции, данный член предложения не может оказаться на месте подлежащего в преобразованном от него пассиве, вследствие чего и сама пассивная конструкция невозможна от каузатива такой структуры.

4. Выводы

Среди русских и китайских КГ, несмотря на множественные различия, выделяется относительно сходный тип «полузнаменательных» КГ в качестве особого подтипа переходных глаголов.

Полузнаменательные КГ в сопоставляемых языках имеют явное сходство: все они, будучи семантически неполноценными, имеют специфичную трёхместную валентность (для русских полузнаменательных КГ – это одновременное управление глагола прямым дополнением и инфинитивной формой другого глагола, а для китайских – это образование специфичной конструкции со сцеплением). Как в русском, так и в китайском языках для типичных полузнаменательных КГ образование соответствующего пассива, в отличие от типичных переходных, не является характерным.

Имеющиеся незначительные различия между полужнаменательными КГ в двух языках касаются, в частности, степени их грамматикализации. В русском языке эти глаголы, несмотря на семантическую «неполноценность», безусловно, остаются глаголами – среди них помимо типичных типа *заставлять*, встречаются также периферийные типа *позволять*, способные к образованию соответствующего пассива, тогда как в китайском языке аналогичные единицы вследствие более высокой степени грамматикализации занимают промежуточное положение между глаголами и предлогами, и их способность образовывать соответствующие пассивы «блокируется» полностью как на семантическом, так и на синтаксическом уровнях – в китайском языке отсутствуют даже такие периферийные средства, как русский *позволять*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баклагова Ю. В. Аналитический каузатив с глаголом *help* в английском языке: категориальная парадигма конструкции *helpsomebody (to) dosomething* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-3(78). С. 91-93.
2. Баклагова Ю. В. Семантика контактных и дистантных каузативов (на материале русского и немецкого языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. № 1. С. 99-102.
3. Волкова А. В. Глагольная каузация как когнитивный способ выражения причинно-следственных связей в чувашских и английских пословицах // Вестник Чувашского университета. 2013. № 2. С. 162-165.
4. Гухман М. М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках: Опыт историко-типолог. исследования родственных языков. Москва: Наука, 1964. 294 с.
5. Дадуева Е. А. Общая характеристика каузативных глаголов // Вестник СибГУТИ. 2011. № 2(14). С. 76-81.
6. Дадуева Е. А. О взаимодействии категории каузативности и переходности в русском языке // Вестник Бурятского государственного университета. 2007. № 7. С. 91-95.
7. Дин Синьфэн. Исследование каузативной семантической категории современного китайского языка: дисс. ... канд. филол. наук. Цзилинь: Цзилиньский университет. 2019. 142 с. (丁新峰.现代汉语致使语义范畴研究 // 博士学位论文.文学博士.吉林大学. 2019年12月.共142页.第76-77页; 第77-82页.).
8. Долинина И. Б. Особенности значения и способы языкового выражения предикатов в двупредикатных комплексах (на материале английского языка) // Категории глагола и структура предложения: Конструкции с предикат. Актантами. Ленинград: Наука, 1983. С. 42-51.
9. Кан Ляньсин. Предложения со сцеплением, каузативы и структурное построение с ядрами-иероглифами «使», «叫» и «让» // Цайчжи. 2008. № 13. С. 82-83. (康连星.兼语式、致使结构和使、叫、让构块式//才智.2008年第13期.第82-83页.).
10. Касевич В. Б., Храковский В. С. Конструкции с предикатными актантами. Проблемы семантики // Категории глагола и структура предложения: Конструкции с предикат. Актантами. Ленинград: Наука, 1983. С. 5-27.
11. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление / АН СССР. Ин-т языкознания. Ленинград: Наука, 1972. 216 с.
12. Кожокина А. В. Структура категории каузативности в пассивной конструкции (на материале анализа английских глаголов *to cause* и *to make*) // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2015. Т. 7. № 7. Ч. 2. С. 231-234.

13. Корди Е. Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. Ленинград: Наука, 1988. 164 с.
14. Ли Ин, Чжоу Бици. Анализ грамматических форм предложения со сцеплением и связанных с ними грамматических явлений // Сборник лингвистических исследований. 2016. № 1. С. 62-73 (李莹,周毕吉. 汉语兼语式的句法分析及其相关语法现象 // 语言研究集刊. 2016年第1期.第62-73页及第335页.)
15. Литвинович А. Г. Неспециализированные средства выражения каузативной семантики в славянских и германских языках (на примере ЛСГ защиты) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. № 4-5. С. 207-221.
16. Лю Юнген. Реклассификация повелительного наклонения и повелительных глаголов // Филологические исследования. 2000. № 2 (75). С. 8-13 (刘永耕. 使令度和使令类动词的再分类 // 《语文研究》2000年第2期(总第75期). 第8-13页.)
17. Минченков А. Г. Подходы к переводу каузативных конструкций в рамках когнитивно-эвристической модели // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 3. С. 8-21.
18. Недряков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций: морфологический каузатив. Ленинград: Наука, 1969. С. 5-19.
19. Ню Шуньсинь. Изучение структурных типов каузативной категории в китайском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Шанхай: Шанхайский педагогический университет. 2004. 119 с. (牛顺心. 汉语中致使范畴的结构类型研究. 博士学位论文. 上海师范大学. 2004年. 共119页. 第39-50页.)
20. Рец Н. И., Губанов А. Р. Категория причинности: каузальная и каузативная связи // Вестник Чувашиянского университета. 2012. № 1. С. 244-249.
21. Сильницкий Г. Г. Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Смоленск, 1974. 442 с.
22. Степанов Ю. С. Вид, залог, переходность (Балто-славянская проблема. II) // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Москва: Наука, 1977. Т. 36. С. 135-152.
23. Сюткина Н. П. Диффузная группа эмотивных каузативов в русском и немецком языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 4. С. 37-41.
24. Тань Цзинчунь. Каузативные глаголы и связанные структуры предложений // Грамматические исследования. Пекин: Коммерческая пресса, 1996. С. 184-196. (谭景春. 致使动词及其相关句型 // 语法研究和探索(八)/中国语文杂志社编. - 北京: 商务印书馆, 1996. 共213页. 第184-196页.)
25. Толковый словарь Даля. 2005-2024. Доступ: <https://gufo.me/dict/dal>. (дата обращения: 28.03.2024). [ТС].
26. Фэн Пин. Дискуссия о различии между переходными и непереходными глаголами в современном китайском языке // Журнал Яньбяньского университета. 1982. № 1. С. 94-96. (冯凭. 试论现代汉语及物动词与不及物动词的区分 // 延边大学学报(社会科学版).1982. (01). 第94-96页.)
27. Хамидова М. Н. Семантические компоненты каузативных глаголов в английском и таджикском языках // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2021. № 4 (89). С. 125-131.
28. Храковский В. С. Формально-семантическая классификация пассивных глагольных форм // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. Санкт-Петербург: Наука, 1991. С. 148-154.

29. Цзинь Чжэньэр. Структурная трансформация предложения с иероглифом «把» и каузативное предложение со сцеплением, её теоретическое обоснование: дисс. ... канд. филол. наук. Шанхай: Шанхайский педагогический университет. 2012. 130 с. (金贞儿. 致使义兼语句与“把”字句的构式转换及其理据探究//博士学位论文.文学博士.上海师范大学.2012.共130页.第28-34页; 第30页.)

30. Чжан Хэн. Исследование уровня семантической адгезии каузативных глаголов в современном китайском языке // Журнал китайского языка. 2011. № 1 (33). С. 70-79. (张恒.现代汉语致使动词语义粘合等级研究//汉语学报.2011年 第一期(总第33期).第70-79页.)

31. Чжи Сяосяо. Слияние и объединение ролей в предложении со сцеплением // Площадь английского языка. 2016. № 7. С. 18-19. (职肖肖. 兼语式的角色融合及角色合并 // 英语广场,2016年第7期.第18-19页.)

32. Чжоу Хун. Классификации глаголов и их семантических эквивалентов с точки зрения «каузативности» // Журнал Чанчуньского педагогического университета. 2006. Т. 25. № 5. С. 73-77. (周红.从“致使性”特征看动词的类型及其语义句 // 长春师范学院学报(人文社会科学版)第25卷第5期.2006年9月.第73-77页.)

33. Чи Тайнинь. О природе и принадлежности «каузативности» и других связанных с ней вопросах // Журнал Хучжоуского педагогического университета. 1986. № 2 (22). С. 79-81 (池太宁. 论“使动”的性质与归属等问题 // 湖州师专学报(社会科学版). 1986年第2期, 总第22期. 第79-81页)

34. Шорохова И. А. Аспекты семантики каузативных глаголов // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 8. С. 139-145.

35. Шустова С. В. Прототипические смысловые константы каузативной ситуации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6. С. 207-210.

36. Шустова С. В. Потенциал каузативных глаголов в динамико-функциональном аспекте: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Пермь, 2011. 41 с.

37. Юй Хайян. О характеристиках структуры предложений со сцеплением // Журнал Хубэйского педагогического университета. 2010. № 6. С. 41-44. (余海洋. 论“兼语式”的句式特点//湖北师范学院学报(哲学社会科学版).2010年第6期.第41-44页.)

38. Bilandžija Sofija A. A contribution to the semantic subclassification of causative constructions in contemporary Norwegian: effective causation // Скандинавская филология. 2018. № 2. С. 308-322.

39. Kulikov L. I. Causatives // Language Typology and Language Universals / Sprachtypologie und sprachliche Universalien / La typologie des langues et les universaux linguistiques. Berlin & New York: de Gruyter, 2001. Vol. 2. P. 886-898.

REFERENCE

1. Baklagova, Yu. V. (2017). Analiticheskiy kauzativ s glagolom help v angliyskom yazyke: kategorialnaya paradigma konstruktсии helpsomebody (to) dosomething [Analytical causative with the verb help in English: the categorical paradigm of the construction helpsomevudy (to) dosometning]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No 12-3 (78). Pp. 91-93. (In Russ.).

2. Baklagova, Yu. V. (2009). Semantika kontaknykh i distantnykh kauzativov (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) [Semantics of contact and distant causatives (based on the Russian and German languages)]. In *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. No 1. Pp. 99-102. (In Russ.).

3. Volkova, A. V. (2013). Glagolnaya kauzatsiya kak kognitivnyy sposob vyrazheniya prichinno-sledstvennykh svyazey v chuvashskikh i angliyskikh poslovitsakh [Verbal causation as a cognitive way of expressing cause-and-effect relationships in Chuvash and English proverbs]. In *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. No 2. Pp. 162-165. (In Russ.).

4. Gukhman, M. M. (1964). *Razvitie zalogovykh protivopostavleniy v germanskikh yazykakh: Opyt istoriko-tipolog. issledovaniya rodstvennykh yazykov* [Development of voice oppositions in Germanic languages: Experience of a historical-typologist. research of related languages]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

5. Dadueva, E. A. (2011). Obschaya kharakteristika kauzativnykh glagolov [General characteristics of causative verbs]. In *Vestnik SiBGUTI*. No 2 (14). Pp. 76-81. (In Russ.).

6. Dadueva, E. A. (2007). O vzaimodeystvii kategorii kauzativnosti i perekhodnosti v russkom yazyke [On the interaction of the categories of causation and transitivity in the Russian language]. In *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 7. Pp. 91-95. (In Russ.).

7. Din Sinfen. (2019). *Issledovanie kauzativnoy semanticheskoy kategorii sovremennogo kitayskogo yazyka* [Study of the causative semantic category of modern Chinese language]: diss. ... kand. filol. nauk. Tszilin: Tszilinskiy universitet. (丁新峰.现代汉语致使语义范畴研究 // 博士学位论文.文学博士.吉林大学.2019年12月.共142页.第76-77页;第77-82页.). (In Chin.).

8. Dolinina, I. B. (1983). Osobennosti znacheniya i sposoby yazykovogo vyrazheniya predikatov v dvupredikatnykh kompleksakh (na materiale angliyskogo yazyka) [Features of the meaning and methods of linguistic expression of predicates in two-predicate complexes (based on the material of the English language)]. In *Kategorii glagola i struktura predlozheniya: Konstruktsii s predikat. aktantami*. Leningrad: Nauka. Pp. 42-51. (In Russ.).

9. Kan Lyansin (2008). Predlozheniya so stsepleniem, kauzativy i strukturnoe postroenie s yadrami-ieroglifami «使», «叫» i «让» [Sentences with chaining, causatives and structural construction with hieroglyphic cores «使», «叫» and «让»]. In *Tsaychzhi*. No 13. Pp. 82-83. (康连星.兼语式、致使结构和使、叫、让构块式//才智.2008年第13期.第82-83页.). (In Chin.).

10. Kasevich, V. B., Khrakovskiy, V. S. (1983). Konstruktsii s predikatnymi aktantami. Problemy semantiki [Construction with predicate actants. Problems of semantics]. In *Kategorii glagola i struktura predlozheniya: Konstruktsii s predikat. aktantami*. Leningrad: Nauka. Pp. 5-27. (In Russ.).

11. Katsnelson, S. D. (1972). *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* [Typology of language and speech thinking]. AN SSSR. In-t yazykoznaniya. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

12. Kozhokina, A. V. (2015). Struktura kategorii kauzativnosti v passivnoy konstruktsii (na materiale analiza angliyskikh glagolov to cause i to make) [The structure of the category of causation in a passive construction (based on the analysis of the English verbs to cause and to make)]. In *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl*. Krasnodar. Vol. 7. No 7. Ch. 2. Pp. 231-234. (In Russ.).

13. Kordi, E. E. (1988). *Modalnye i kauzativnye glagoly v sovremennom frantsuzskom yazyke* [Modal and causative verbs in modern French]. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

14. Li In, Chzhou Bitszi. (2016). Analiz grammaticheskikh form predlozheniya so stsepleniem i svyazannykh s nimi grammaticheskie yavleniy [Analysis of grammatical forms of sentences with concatenation and related grammatical phenomena]. In *Sbornik lingvisticheskikh issledovaniy*. No 1. Pp. 62-73 (李莹,周毕吉.汉语兼语式的句法分析及其相关语法现象 // 语言研究集刊.2016年第1期.第62-73页及第335页.). (In Chin.).

15. Litvinovich, A. G. (2021). Nespetsializirovannyye sredstva vyrazheniya kauzativnoy semantiki v slavyanskikh i germanskikh yazykakh (na primere LSG zaschity) [Non-specialized means of expressing causative semantics in Slavic and Germanic languages (using the example of LSG protection)]. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 163. No 4-5. Pp. 207-221. (In Russ.).

16. Lyu Yungen. (2000). Reklassifikatsiya povelitel'nogo nakloneniya i povelitelnykh glagolov [Reclassification of the imperative mood and imperative verbs]. In *Filologicheskie issledovaniya*. No 2 (75). Pp. 8-13 (刘永耕.使令度和使令类动词的再分类 // 《语文研究》2000年第2期(总第75期).第8-13页.). (In Chin.).

17. Minchenkov, A. G. (2017). Podkhody k perevodu kauzativnykh konstruktsiy v ramkakh kognitivno-evristicheskoy modeli [Approaches to the translation of causative constructions within the framework of the cognitive-heuristic model]. In *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*. No 3. Pp. 8-21. (In Russ.).

18. Nedyalkov, V. P., Silnitskiy, G. G. (1969). Tipologiya kauzativnykh konstruktsiy [Typology of causative constructions]. In *Tipologiya kauzativnykh konstruktsiy: morfologicheskoy kauzativ*. Leningrad: Nauka. Pp. 5-19. (In Russ.).

19. Nyu Shunxin. (2004). *Izuchenie strukturnykh tipov kauzativnoy kategorii v kitayskom yazyke* [Study of structural types of causative categories in Chinese]: diss. ... kand. filol. nauk. Shankhay: Shankhayskiy pedagogicheskiy universitet. (牛顺心. 汉语中致使范畴的结构类型研究. 博士学位论文. 上海师范大学. 2004年. 共119页. 第39-50页.). (In Chin.).

20. Rets, N. I., Gubanov, A. R. (2012). Kategoriya prichinnosti: kauzalnaya i kauzativnaya svyazi [Category of causality: causal and causative connections]. In *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. No 1. Pp. 244-249. (In Russ.).

21. Silnitskiy, G. G. (1974). *Semanticheskie i valentnostnye klassy angliyskikh kauzativnykh glagolov* [Semantic and valence classes of English causative verbs]: diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04. Smolensk. (In Russ.).

22. Stepanov, Yu. S. (1977). Vid, zalog, perekhodnost (Balto-slavyanskaya problema. II) [Type, voice, transitivity (Balto-Slavic problem. II)]. In *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. Moskva: Nauka. Vol. 36. Pp. 135-152. (In Russ.).

23. Syutkina, N. P. (2020). Diffuznaya gruppa emotivnykh kauzativov v russkom i nemetskom yazykakh [Diffuse group of emotive causatives in Russian and German languages]. In *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. No 4. Pp. 37-41. (In Russ.).

24. Tan Tszinchun. (1996). Kauzativnye glagoly i svyazannyye struktury predlozheniy [Causative verbs and related sentence structures]. In *Grammaticheskie issledovaniya*. Pekin: Kommercheskaya pressa. Pp. 184-196. (谭景春. 致使动词及其相关句型 // 语法研究和探索 (八) / 中国语文杂志社编. - 北京: 商务印书馆, 1996. 共213页. 第184-196页.). (In Chin.).

25. *Tolkovyy slovar Dal'ya* [Dahl's Explanatory Dictionary]. 2005-2024. Available at: <https://gufo.me/dict/dal>. (accessed: 28.03.2024). (In Russ.).

26. Fen Pin. (1982). Diskussiya o razlichii mezhdu perekhodnymi i neperekhodnymi glagolami v sovremennom kitayskom yazyke [Discussion on the difference between transitive and intransitive verbs in modern Chinese]. In *Zhurnal Yanbyanskogo universiteta*. No 1. Pp. 94-96. (冯凭. 试论现代汉语及物动词与不及物动词的区分 // 延边大学学报 (社会科学版). 1982. (01). 第94-96页.). (In Chin.).

27. Khamidova, M. N. (2021). Semanticheskie komponenty kauzativnykh glagolov v angliyskom i tadjikskom yazykakh [Semantic components of causative verbs in English and Tajik languages]. In *Vestnik Tadjikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya gumanitarnykh nauk*. No 4 (89). Pp. 125-131. (In Russ.).

28. Khrakovskiy, V. S. (1991). Formalno-semanticheskaya klassifikatsiya passivnykh glagolnykh form [Formal-semantic classification of passive verbal forms]. In *Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Personalnost. Zalogovost*. Sankt-Peterburg: Nauka. Pp. 148-154. (In Russ.).

29. Tszin Chzhener. (2012). *Strukturnaya transformatsiya predlozheniya s ieroglifom «把» i kauzativnoe predlozhenie so stsepleniem, ee teoreticheskoe obosnovanie* [Structural transformation of a sentence with a hieroglyph “把” and causative sentence with chaining, its theoretical justification]: diss. ... kand. filol. nauk. Shankhay: Shankhayskiy pedagogicheskiy universitet. (金贞儿. 致使义兼语句与“把”字句的构式转换及其理据探究 // 博士学位论文. 文学博士. 上海师范大学. 2012. 共130页. 第28-34页; 第30页.). (In Chin.).

30. Chzhan Khen. (2011). Issledovanie urovnya semanticheskoy adgezii kauzativnykh glagolov v sovremennom kitayskom yazyke [Study of the level of semantic adhesion

of causative verbs in modern Chinese]. In *Zhurnal kitayskogo yazyka*. No 1 (33). Pp. 70-79. (张恒.现代汉语致使动词语义粘合等级研究//汉语学报. 2011年第一期(总第33期).第70-79页.). (In Chin.).

31. Chzhi Syaosyao. (2016). Sliyanie i obedinenie roley v predlozhenii so stsepleniem [Merging and combining roles in a sentence with chaining]. In *Ploschad angliyskogo yazyka*. No 7. Pp. 18-19. (职肖肖. 兼语式的角色融合及角色合并//英语广场, 2016年第7期.第18-19页.). (In Chin.).

32. Chzhou Khun. (2006). Klassifikatsii glagolov i ikh semanticheskikh ekvivalentov s tochki zreniya «kuzativnosti» [Classifications of verbs and their semantic equivalents from the point of view of “causativity”]. In *Zhurnal Chanchunskogo pedagogicheskogo universiteta*. Vol. 25. No 5. Pp. 73-77. (周红.从“致使性”特征看动词的类型及其语义句 // 长春师范学院学报(人文社会科学版)第25卷第5期. 2006年9月. 第73-77页.). (In Chin.).

33. Chi Taynin. (1986). O prirode i prinadlezhnosti «kuzativnosti» i drugikh svyazannykh s ney voprosakh [On the nature and ownership of “causativity” and other related issues]. In *Zhurnal Khuchzhouskogo pedagogicheskogo universiteta*. No 2 (22). Pp. 79-81 (池太守. 论“使动”的性质与归属等问题 // 湖州师专学报(社会科学版). 1986年第2期, 总第22期. 第79-81页.). (In Chin.).

34. Shorokhova, I. A. (2007). Aspekty semantiki kuzativnykh glagolov [Aspects of the semantics of causative verbs]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 8. Pp. 139-145. (In Russ.).

35. Shustova, S. V. (2013). Prototipicheskie smyslovye konstanty kuzativnoy situatsii [Prototypical semantic constants of a causative situation]. In *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl*. No 6. Pp. 207-210. (In Russ.).

36. Shustova, S. V. (2011). *Potentsial kuzativnykh glagolov v dinamiko-funktsionalnom aspekte* [The potential of causative verbs in the dynamic-functional aspect]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Perm. (In Russ.).

37. Yuy Khayyan. (2010). O kharakteristikakh struktury predlozheniy so stsepleniem [On the characteristics of sentence structure with concatenation]. In *Zhurnal Khubeyskogo pedagogicheskogo universiteta*. No 6. Pp. 41-44. (余海洋. 论“兼语式”的句式特点//湖北师范学院学报(哲学社会科学版). 2010年第6期. 第41-44页.). (In Chin.).

38. Bilandžija, Sofija A. (2018). A contribution to the semantic subclassification of causative constructions in contemporary Norwegian: effective causation. In *Skandinavskaya filologiya*. No 2. Pp. 308-322.

39. Kulikov, L. I. (2001). Causatives. In *Language Typology and Language Universals / Sprachtypologie und sprachliche Universalien / La typologie des langues et les universaux linguistiques*. Berlin & New York: de Gruyter. Vol. 2. Pp. 886-898.

Чжан Мо – аспирант кафедры Лингвистики и межкультурной коммуникации (e-mail: chzhan.mo1@dyfu.ru), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет» 690922, Приморский край, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

Zhang Mo – Postgraduate Student of Linguistics and Intercultural Communication Department (e-mail: chzhan.mo1@dyfu.ru) Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Far Eastern Federal University» 10, Ajax village, Russian Island, Vladivostok, Primorsky Krai, 690922

Поступила в редакцию 15 апреля 2024 г.

ПЕРЕВОД

УДК 81-114.2

© 2024 О. А. Алимуратов, Д. Ф. Щербаков

ПОНЯТИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ: ПЛЮРАЛИЗМ ПОДХОДОВ

Статья посвящена изучению понятия переводческой рецепции в рамках российского и зарубежного переводоведения. Выявляются сходства и различия между данными подходами, описываются такие понятия как герменевтический круг и рецептивная эстетика, а также устанавливается их концептуальное различие.

Ключевые слова: рецепция, переводческая рецепция, российское и зарубежное переводоведение, герменевтика, герменевтический круг, рецептивная эстетика, смысловая интерпретация, переводческая эквивалентность.

© 2024 O. A. Alimuradov, D. F. Shcherbakov

THE NOTION OF TRANSLATION RECEPTION IN RUSSIAN AND FOREIGN TRANSLATION STUDIES: PLURALISM OF APPROACHES

The paper covers the notion of translation reception in Russian and foreign translation studies. The similarities and differences between these approaches are identified, as well as such concepts as hermeneutic circle and receptive aesthetics are described, the paper also outlines their conceptual distinction.

Key words: reception, translation reception, Russian and foreign translation studies, hermeneutics, hermeneutic circle, receptive aesthetics, semantic interpretation, translational equivalence.

В современном переводоведении одним из ключевых направлений является изучение процессов восприятия и понимания переводов, находящих частичное или полное отражение в реакциях на перевод индивидуального и/или коллективного реципиента. История развития переводческой мысли свидетельствует о том, что различные культурные и языковые традиции оказывают огромное влияние на то, как восприятие перевода формируется, а также рассматривается и исследуется. В данной статье будет проведен анализ понятия «переводческой рецепции» в контексте отечественного и зарубежного переводоведения с целью рассмотрения сходств и различий в подходах к определению данного феномена, а также будет предпринята попытка выявить общие черты в концепциях герменевтики, рецептивной эстетики и переводческой рецепции, поскольку в рамках всех этих теорий концептуализируются связующие звенья неразрывной интерпретационной цепи, представляющей собой один из важнейших этапов многомерного переводческого процесса.

Отечественное переводоведение

Начало второй четверти XX в. было ознаменовано активным развитием теоретического переводоведения в качестве отдельной дисциплины в рамках языкознания. Тому поспособствовали советские исследователи А. В. Федоров и Я. И. Рецкер [Цит. по: Грольман, 2010: 23-25], – именно они были одними из первых, пытавшихся создать комплексную теорию перевода, тем самым сделав значительный вклад в развитие отечественной науки о переводе в целом.

В ходе всесторонней эволюции переводоведения и возникновения всё большего количества теоретических и теоретико-эмпирических вопросов и переводческих проблем, стало очевидным, что перевод не является простым процессом замены слов одного языка словами другого. Он требует глубокого понимания контекста, культуры, нюансов языка и принятия во внимание огромного ряда факторов, влияющих на конечный результат и восприятие передаваемого в ходе перевода смысла. Таким образом, переводоведы столкнулись с понятием т. н. «переводческой рецепции», которое играет одну из центральных ролей в современном переводоведении.

В отечественной теории перевода данное понятие, в свою очередь, находит свое отражение в традициях герменевтического подхода к изучению динамики порождения и восприятия смысла текста, окончательно сложившегося во второй половине XIX – начале XX века в рамках западноевропейской философии и ориентированного на анализ текста и его смысловой структуры как единого целого. Целью герменевтики, в широком смысле, был определён «поиск первоначального значения текста» [Луков, 2007: 238]. Исследованиями в этой области занимались такие видные русские филологи, например, как М. М. Бахтин и Д. С. Лихачёв [Цит. по: Луков, 2007: 239].

Вот что пишут С. Портер и Дж. Робинсон в отношении герменевтического подхода к смысловой интерпретации: *«In its most basic sense hermeneutics refers to the many ways in which we may theorize about the nature of human interpretation, whether that means understanding books, works of art, architecture, verbal communication, or even nonverbal bodily gestures. Indeed, ... the nature of human understanding, and therefore our ideas about hermeneutics and interpretive theory, face a number of interesting challenges that make a complete description of «what it means to understand» difficult»* [Porter, Robinson, 2011: 1] ‘«По своей сути герменевтика отражает множество способов, с помощью которых мы можем теоретически осмыслить природу человеческой интерпретации, будь то понимание книг, произведений искусства, архитектуры, вербальной коммуникации или даже

невербальной телесной жестикуляции. В самом деле, ... природа человеческого понимания, а следовательно и наши представления о герменевтике и теории интерпретации сталкиваются с рядом любопытных трудностей, которые не дают возможности объяснить, «что значит понимать», и как-то это всесторонне описать».

После весьма смелого вопроса «*What do we mean when we say that we understand something?*» «Что мы имеем в виду, когда говорим, что понимаем что-то?» авторы, в качестве иллюстрации сложности и неоднозначности данного вопроса, приводят следующий пример: «*While most of us may pick up an apple and immediately know that it is red and that, if we take a bite, it tastes delicious, we are unable to answer how it is that we know what we know*» «Хотя многие из нас могут взять в руки яблоко и сразу же понять, что оно красное и что, откусив кусочек, мы почувствуем его приятный вкус, мы не в состоянии ответить, откуда нам это всё известно» [Porter, Robinson, 2011: 1]. Если же углубиться в контекст и взять ещё более конкретную вещь, – рассуждают С. Портер и Дж. Робинсон, – вещь (в пример авторами приводится *the candy apple* ‘карамелизированное яблоко’), с которой человек взаимодействовал когда-либо в конкретном и, возможно, важном (к примеру, с точки зрения воспоминаний) для него месте, взаимодействие с ней в следующий раз вызовет уже определённые эмоции, ассоциации. В таком случае речь идёт уже о наиболее субъективно выраженном восприятии: «... *then the question of perceiving the object, the candy apple, clearly involves a unique context – a history, an event, a specific micro-world – that only the individual involved knows*» [Porter, Robinson, 2011: 1-2] «... тогда вопрос восприятия объекта, этого карамелизованного яблока, явно включает в себя совершенно уникальный контекст – историю, событие, индивидуальную мини-вселенную, – который известен только тому, кого это непосредственно затрагивает».

В рамках изучения феномена смысловой интерпретации герменевты, в частности, К. Ясперс, Э. Хирш, выделяли в качестве одной из основных в данном направлении проблему «герменевтического круга», – «*трудностей перехода к общему смыслу на основании исследования фрагментов текста и обратного движения от определенного исследователем общего смысла к интерпретации частей*» [Луков, 2007: 238]. Стоит отметить, что герменевтический круг, будучи очень тесно взаимосвязанным с переводческой рецепцией элементом, пронизывает весь теоретический корпус российского переводоведения, поскольку на первый план в работах многих отечественных специалистов этой области выводится именно важность взаимодействия между частями текста и его целостностью [Серебряков, Серебрякова, 2007; Грушевская, 2009]. В рамках этого подхода выделяется активная роль переводчика в процессе восприятия и передачи

смысла, подчеркивается необходимость учета контекста и культурных особенностей в ходе смысловой интерпретации первоисточника и текста перевода.

Перед тем как приступить непосредственно к анализу именно феномена «переводческой рецепции», представляется целесообразным указать на необходимость чёткого понимания того, чем же является «рецепция» в целом. Обращает на себя внимание следующее определение: рецепция *«(и переводческая рецепция здесь не исключение), – утверждают В. Ш. Исмаилова, О. А. Алимурадов и С. И. Тасуева, – это форма восприятия»,* это *«обращение к признанному классическим наследию с целью его культурного освоения, восприятия»* [Алимурадов, Исмаилова, Тасуева, 2018: 176]. Первое экспериментальное изучение рецепции приходилось на конец XIX в., а заключалось оно в том, что *«в опытах при восприятии музыки слушатели словесно характеризовали свои зрительные и эмоциональные впечатления с помощью определенных вопросов»* [Борев, 1985: 4].

Немногим позже, уже в XX в., появляются исследовательские труды, в центре которых было влияние перевода на читателей, а также закономерности восприятия перевода в различных культурных контекстах. Точную дату «зарождения» этого термина сложно определить, так как идеи о восприятии переводов, роли читателя и влиянии перевода на реципиентов развивались постепенно в течение достаточно долгого времени в рамках частных переводческих концепций. Однако можно предположить, что понятие «переводческой рецепции» вошло в научный аппарат в рамках развития переводоведения уже как системной научной дисциплины и изучения восприятия переводов примерно во второй половине XX в.

Переводческая рецепция являет собой, несомненно, *«форму восприятия»*, как и было заявлено выше, и в то же время – расширение общего понятия рецепции на область перевода. Определяя данный феномен более конкретно, можно сказать, что переводческая рецепция есть такое читательское восприятие исходного текста, которое опосредовано трансформированным восприятием переводчика. Иными словами, это и *«процесс художественного перевода иноязычного произведения»*, и *«готовый перевод того или иного иноязычного текста»* и *«восприятие перевода читателями и критиками»* [Алимурадов, Исмаилова, Тасуева, 2018: 177] с поправкой на потенциальную множественность вариантов перевода и переводческих интерпретаций.

Иными словами, под переводческой рецепцией подразумевается *«многосубъектный процесс»*, который *«предполагает взаимодействие, а зачастую – столкновение разных лингвокультур»* [Алимурадов, Исмаилова, Тасуева, 2018: 177]. Многосубъектность

данного процесса предполагает, в свою очередь, наличие многофакторности, которая выражена в различии в культурном коде и фоновых знаниях, в контексте, в пробуждённых (или непробуждённых) в ходе прочтения переводного текста ассоциациях, в грамотно (или неграмотно) переданных «авторских играх с читателем через текст» – всё это в огромной мере влияет на то, как информация будет воспринята реципиентом. Увидит, поймёт ли он то, что подразумевалось изначально? Или, к сожалению обоих, интенциональный аспект будет лишён, так сказать, материальной (языковой) реализации за счёт всё тех же факторов, что были указаны выше? Вследствие этого и смысловая нагрузка переводимого текста неизбежно столкнётся с субъективной редукцией, а далее и само произведение может абсолютно незаслуженно потерять ценность для реципиента, оставив его без удовольствия ощущения смысловой глубины. Другими словами, прочтённое останется на уровне воспринятого, но не до конца осмысленного.

Однако произойдёт это отнюдь не по вине читающего (исключение лишь составляют, например, те случаи, когда фоновые знания читающего явно ограничивают понимание авторских отсылок и не позволяют достаточно проникнуться написанным, – тем самым являют собой один из тексто-обесмысливающих факторов (*«Восприятие текста ... определяется уровнем читателя и его подготовленностью к прочтению и интерпретации основных смыслов, сплетенных в ткани текста»* [Мельникова, 2012: 240])), а из-за конкретного фактора лингвистического характера, по вине переводчика. Ведь перевод произведения и передача всех его лингвистических, эстетических особенностей были совершены недостаточно «хорошо», непрофессионально. Непрофессионально переводчик поступил и по отношению к себе, и по отношению к читателю: он одновременно и создал у последнего ложное представление о тексте, исказил смысл, т. е. подставил его создателя, и не полностью разобрался в вопросе перевода того или иного важного, возможно что и критически важного, заложенного автором элемента. Элемента, который способен задать атмосферу, пробудить в реципиенте нужные ассоциации или вовсе разом перевернуть у него представление обо всём произведении [Бредихин, 2007].

Целесообразно отметить и то, что вина ответственного за перевод лица в данном случае – понятие довольно размытое. Безусловно, переводчик, будучи профессионально подготовленным, если и берётся за локализацию произведений на какой бы то ни было язык (а следовательно, и для целой культуры, отчего необходимо учитывать важность корректной передачи того или иного элемента текста в рамках конкретной лингвокультуры с принятием во внимание целой совокупности лингвокультурных факторов, ведь переводческая передача смысла произведения представляет собой *«многофакторно детерминированную*

интерпретацию» [Алимурадов, Исмаилова, Тасуева, 2018: 176]), то он должен чётко понимать свою задачу. Однако и всю вину за негативную реакцию рецепиентов на переводчика возлагать никто не вправе, поскольку передать абсолютно все особенности авторского текста, переводя его идеальным образом, – цель чрезвычайно трудная и далеко не всегда реально достижимая. Вернее даже будет утверждать, что подобная цель фактически не является достижимой [Цит. по: Алимурадов, Исмаилова, Тасуева, 2018: 177].

Причина этой недостижимости кроется в огромной мере в субъективном, личностном факторе, который способен как существенно улучшить перевод, так и сильно его испортить, – в факторе так называемых фоновых знаний, в значительной мере формирующих предустановку переводчика: *«Перевод всегда предполагает проецирование на первоисточник картины мира переводчика»*. Соответственно, в процессе перевода и локализации переводчик прибегает именно к тем способам и методам передачи смысла и общей атмосферы, *«которые релевантны для его собственной картины мира»* [Алимурадов, Исмаилова, Тасуева, 2018: 177]. Личный опыт прожитого, увиденного, изученного у переводчика, реципиента, автора не может быть идентичным; следовательно, явно или неявно, данные различия оказывают влияние на содержание текста, его перевод, передачу заложенного смысла [Грушевская, 2009: 71]. Эта сформировавшаяся у каждого из субъектов переводческого процесса уникальная картина мира может выступать существенным барьером в понимании и смысловой интерпретации: *«Восприятие искусства есть сокровенный, личный, интимный процесс, протекающий в глубине сознания человека и трудно фиксируемый при наблюдении. Этот процесс зависит от жизненного опыта и культурной подготовки индивида (устойчивые факторы) и от его настроения, психологического состояния (временно действующие факторы)»* [Борев, 1985: 3-4].

Касаясь уже упоминавшейся выше проблемы сверхзадачи переводчика, нужно подчеркнуть, что на сегодняшний день представляется актуальным эту сверхзадачу детализировать. Это обусловлено наличием большого количества в той или иной мере «некачественных» переводов в области художественной литературы. Так, глобальная задача переводчика состоит далеко не только лишь в переводе текста оригинала на другой язык [Абуева, Исмаилова, 2018: 163]. Переводчику очень важно не столько перевести на понятный читателю язык, сколько передать порождаемому переводу «авторский стиль и форму». Это подразумевает передачу как лингвистических, так и скрытых, паракоммуникативных особенностей произведения и отдельных его частей, сохранение

идиостиля писателя [Абуева, Исмаилова, 2018: 165], поскольку все эти элементы в равной мере служат для передачи смысловой информации, создания определенного стиля, атмосферы, и в такой же степени влияют на общее восприятие текста индивидуальным и/или коллективным реципиентом.

Одна из переводческих трудностей, которая предполагает явление множественности, – это передача идиостиля автора. Особенно чётко это прослеживается в переводах художественных произведений. Так, например, переводчики, пытаясь адекватным образом сохранить идиостиль первоисточника, при переводе «The Shadow over Innsmouth» Г. Лавкрафта столкнулись с определенными трудностями. При анализе за основу нами были взяты варианты перевода В. Бернацкой от 1991-го года (далее – Перевод №1) и Э. Серовой, П. Лебедева, Т. Мусатовой и Т. Талановой от 1993-го года (далее – Перевод №2).

В попытке перевести фрагмент оригинального произведения «... *into unnamable abysses of blackness and alienage*» [Lovecraft, 1936] были предложены следующие варианты:

Перевод №1: «... *перенести в чуждый, неведомый и страшный мир*» [Лавкрафт, 1991].

Перевод №2: «... *ввергнуть в пучину непроглядной темени и чужеродного существования*» [Лавкрафт, 1993].

Не представляется правомерным вести речь о том, что лишь один из представленных вариантов перевода может называться «верным» в плане передачи идиостиля автора, поскольку в практике художественного перевода отсутствуют четкие и обоснованные единые критерии того, что считать верным при передаче авторского идиостиля. Определенный успех в формировании жуткой картины и воздействия на реципиента в Перевод №1 посредством использования мрачных эпитетов заметен, однако, по нашему мнению, рецептивная эстетика здесь так или иначе претерпела значительную редукцию. В Перевод №2 же нельзя не отметить наличие оценочной лексики и эпитетов, которые при прочтении бросаются в глаза реципиенту и, по нашему мнению, точнее воссоздают изначально заданную Г. Лавкрафтом ужасающую атмосферу, так как за счёт именно этих элементов текста в данном варианте перевода авторам удаётся более эффективно достичь подсознания читателя и вызвать у него определенные ассоциации.

Зарубежное переводоведение

В зарубежном переводоведении феномен рецепции имеет различную трактовку: например, он рассматривается как «*the way/s in which individuals and groups interact with ... content, how a text is interpreted, appreciated, remembered*» [Giovanni, Gambier, 2018: 161] ‘«то, как человек взаимодействует с ... содержанием; то, как понимают текст, как он воспринимается и запоминается»’. Рецепция понимается также и как реакция

принимающей культуры на переведенный текст, его публикацию, содержание [Karas, 2020]. В зарубежном научном мире рецепция, в том виде, который она имеет на сегодняшний день, и с тем ракурсом, через который она исследуется, появилась в 1961 г. благодаря американскому исследователю У. К. Буту [Мельникова, 2012: 239]. Одним из тех, кому феномен рецепции также обязан своим нынешним содержанием, является У. Эко, который, годом позже после изложения концепции У. Бута, написал несколько работ в рамках данного направления [Мельникова, 2012: 241].

В зарубежной теории перевода наблюдается повышенный интерес к рецепции, анализируемой через призму рецептивной эстетики. Этот подход акцентирует влияние читателя или зрителя на процессе восприятия и интерпретации текста, тем самым утверждая, что смысл произведения искусства формируется в процессе взаимодействия между текстом и его реципиентом. В зарубежных исследованиях часто подчеркивается важность активного участия читателя в конструировании смысла и восприятии перевода. В частности, данного подхода придерживались такие исследователи, как В. Р. Яусс и В. Изер [Мельникова, 2012: 240].

Здесь, так же как и в отечественном переводоведении, переводческая рецепция выступает в роли очень важного аспекта переводоведческих исследований и охватывает целый спектр вопросов, связанных с тем, как перевод воспринимается, воздействует на читателя и каким образом читатель взаимодействует с переведенным текстом. В зарубежном переводоведении также признаётся невозможность передать в абсолютно полной мере исходный текст со всеми его авторскими формальными и смысловыми особенностями.

Очень значимым фактором в контексте переводческой рецепции является наличие существенных различий в лингвокультурах, что далеко не всегда позволяет передать оригинальное «перо» автора, то изначальное проявление текста, формировавшее его своеобразие для носителя исходного языка [Пиванова, 2009: 205]. Вот, например, что думает В. Бехер по этому поводу: «... *a higher degree of explicitness in translated texts may be produced by explicitations that are not specifically translation-inherent but are necessitated or motivated by differences between the source and target languages or between the communities that use them*» [Цит. по: Conti, Gourley, 2014: 210] ‘«... более высокая степень эксплицитности в переводных текстах может быть обусловлена экспликациями, которые не являются конкретно свойственными переводу, но вызваны или обусловлены расхождениями между языком исходным и языком переведённым, или между использующими их людьми»’.

Таким образом, при переводе произведений, в которых встречаются непередаваемые

элементы, обладающие семантико-морфологическими имплицитными характеристиками, создаются определённые трудности в том, как наиболее верно поступить с интерпретацией. Ярким примером тому служит роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», который вызывает значительные сложности у зарубежных переводчиков. Это, в частности, касается одной из тех центральных особенностей текста, вокруг которых построено всё произведение, а именно – говорящие имена собственные, такие как Раскольников, Мармеладов, Разумихин, Лужин: «*Перед переводчиком стоит непростая задача, которая заключается в сохранении внешней и внутренней формы слова, которые являются мотивированными, в отличие от обычных имен собственных, мотивация которых затемнена*» [Абуева, Исмаилова, 2018: 166]. Из-за отсутствия релевантных эквивалентов в других лингвокультурах зарубежным интерпретаторам не удалось сохранить данную уникальность «Преступления и наказания», поскольку все говорящие имена неизбежно подверглись либо транскрипции, либо транслитерации с утратой изначальной смысловой нагрузки [Абуева, Исмаилова, 2018: 166]. Однако несправедливо будет обделить вниманием тот факт, что, например, переводчикам Р. Пивиру и Л. Волохонской, как говорится в исследовании М. С.-С. Абуевой и В. Ш. Исмаиловой, всё-таки удалось сохранить хотя бы частично смысловые компоненты оригинальных имен, пусть и не на авторском имплицитном уровне. Достичь частичной смысловой эквивалентности в данном случае им позволил подход, заключавшийся в добавлении переводческих комментариев к вышеназванным именам собственным.

Другим примером «несостыковок» в переводе ввиду большой разницы по тому или иному аспекту между разными лингвокультурами может послужить неудачная попытка перевода на итальянский язык текстоэлемента *crow* из произведения Дж. М. Кутзее «Сумеречная земля»: «*In the Italian version of Dusklands, a man opens a crate with the help of a **bird** (what I wrote was that he used a **crow**, that is, a **crowbar**)*» [Цит. по: Conti, Gourley, 2014: 210-211] ‘«В итальянской интерпретации «Сумеречной земли» мужчина открывает ящик при помощи птицы (когда я писал, что он воспользовался *crow* (зд.: сокр. для *crowbar*), я подразумевал *crowbar* (‘лом’))»’. В данном случае переводчик-представитель итальянской культуры не смог идентифицировать и верно дешифровать слово *crow*, которое, как и отметил сам создатель этой книги, в оригинальном тексте использовалось в качестве усеченной номинации для обозначения инструмента типа лома (*crowbar*). Тем самым переводчик невольно нарушил смысловое содержание оригинального предложения, породив тем самым не просто альтернативный вариант перевода, а смысловую аномалию.

В качестве примера, иллюстрирующего не очень критичную потерю некоторого текстоэлемента в плане переводческой рецепции, но в то же время потерю, так или иначе влияющую на общее смысловое восприятие, на эстетическую составляющую восприятия информации, можно привести следующий фрагмент перевода, выполненного с французского языка на норвежский:

*«Je ne pense à rien du tout si non que ce **Saint-Pourcain** est très bon.*

*Jeg tenker ikke annet enn at denne **vin** er god» [Rogers, 1999: 203].*

Норвежский переводчик, прибегнув к стратегии генерализации, обобщения, – объясняет М. Роджерс, – опустил при переводе словосочетание *Saint-Pourcain*, обозначающее конкретный вид вина, и заменил его на более общее, понятное среднестатистическому человеку из Норвегии: *«Although a wine connoisseur would know that Saint-Pourcain is a good burgundy, the subtitler has deemed the name unimportant or even confusing to Norwegian viewers, and has therefore replaced it with the general term ‘vin’ [wine]» [Rogers, 1999: 203]* «Хотя ценителям вина известно, что *Saint-Pourcain* – это хорошее бургундское вино, автор субтитров посчитал это название маловажным или даже непонятным для норвежского зрителя, потому и заменил его универсальным понятием *vin* ‘вино’».

Концептуальные различия «герменевтики» и «рецептивной эстетики»

В данной статье мы использовали такие неоднозначные комплексные понятия как «герменевтика» и «рецептивная эстетика», которые, по крайней мере, на первый взгляд, представляются довольно смежными по своей сути. Соответственно, имеется необходимость в пояснении различий концептуальной сущности этих двух феноменов: *«Но в чем сходство и чем отличаются друг от друга герменевтика и рецептивная эстетика, что их объединяет и в чем они расходятся? Герменевтика олицетворяет культурно-смысловой подход к изучению искусства, рецептивная эстетика — преимущества социологических ориентаций. Каждое из этих направлений опирается на свою традицию понимания искусства и литературы. В практике современного искусствознания и литературоведения они лишь внешне тяготеют одно к другому, но внутренне их позиции различны» [Цит. по: Борев, 1985: 177].*

Иначе выражаясь, представители герменевтики рассматривают искусство, будь то оригинальные художественные тексты, их переводы, интерпретации и т. п., через призму именно культурных и смысловых аспектов [Спирова, 2006: 200]. Важный аспект герменевтического анализа заключается в изучении того, как искусство вписывается в культурный контекст и какой смысл несет. С другой стороны, рецептивная эстетика

больше обращает внимание на взаимодействие людей с искусством. Она исследует, как зрители или читатели воспринимают искусство, как оно влияет на их восприятие и взаимодействие с обществом. Оба подхода основываются на общих принципах герменевтики, которые становятся ключевыми в понимании текстов. Герменевтический круг, выражающий взаимосвязь текста и контекста, и рецептивная эстетика, которая акцентирует внимание на активной роли реципиента, гармонично дополняют друг друга в том, что касается изучения рецепции перевода как феномена, обусловленного многосубъектностью переводческого процесса и – как следствие – множественностью вариантов перевоссоздания оригинального текста средствами языка перевода.

Выводы

Сравнив отечественное и зарубежное переводоведение, можно проследить сходства в том, что оба подхода ориентированы на восприятие текста как целостной единицы, где важна взаимосвязь между каждой его частью. Они подчеркивают активную роль участников процесса: переводчика в контексте российского переводоведения и реципиента в рамках зарубежного. Однако различия проявляются в том, как это восприятие и взаимодействие происходят. В отечественном подходе большее внимание отдаётся герменевтическому аспекту, в то время как зарубежные исследования более сфокусированы на воздействии реципиента и его активном участии в процессе восприятия.

Переводческая рецепция, герменевтический круг и рецептивная эстетика объединены общей направленностью на процесс восприятия и понимания текстов. Сходства и различия в подходах отечественного и зарубежного переводоведения открывают новые горизонты для понимания многогранности перевода. Принципы герменевтики играют решающую роль в формировании этого понимания, акцентируясь в первую очередь на важности контекста, взаимодействии частей и целого, а также активном участии реципиента. Современное переводоведение становится своеобразным калейдоскопом, в котором переводческая рецепция, герменевтика, рецептивная эстетика выступают в качестве ключевых элементов для разгадывания многоликости текстов и их восприятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абуева М. С.-С., Исмаилова В. Ш. Особенности переводческой рецепции и идиостиля писателя (на материале романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 3. С. 163-170.
2. Алимуратов О. А., Исмаилова В. Ш., Тасуева С. И. Некоторые аспекты переводческой рецепции романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в англоязычной лингвокультуре (на материале переводов XX века) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 3. С. 175-182.

3. Борев Ю. Б. Теории, школы, концепции (Критические анализы). Художественная рецепция и герменевтика. Москва: Наука. 1985. 288 с.
4. Бредихин С. Н. Перевод как вторичное или собственно авторское смыслопорождение // Алломорфные и изоморфные признаки языковых систем в аспекте перевода. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство. 2007. С. 52-61.
5. Грольман М. Б. История развития переводоведения как науки // Вопросы теории и практики перевода. Пенза: Приволжский Дом знаний. 2010. С. 23-26.
6. Грушевская Е. С. Политический газетный текст через призму концептуально-личностного диалога автора и читателя // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований. Кн. 1. Ставрополь: СГУ. 2009. С. 67-73.
7. Лавкрафт Г. Тень над Иннсмаутом / перевод: Э. Серова, П. Лебедев, Т. Мусатова, Т. Таланова. 1993. Доступ: <http://www.lib.ru/INOFANT/LAWKRAFT/inns.txt>. (дата обращения: 04.02.2024).
8. Лавкрафт Х. Ф. Тень над Иннсмутом / перевод: В. Бернацкая // По ту сторону сна. Санкт-Петербург: Terra Incognita. 1991. С. 160-223.
9. Луков В. А. Литературная герменевтика // Знание. Понимание. Умение. № 3. 2007. С. 238-239.
10. Мельникова Е. Г. Понятие рецепции: современные исследовательские подходы к анализу текстов культуры // Ярославский педагогический вестник. № 3. 2012. С. 239-242.
11. Пиванова Э. В. Отношения коммуникативной равноценности между художественным текстом и его переводом (по метапоэтическим данным) // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований. Кн. 1. Ставрополь: СГУ. 2009. С. 202-210.
12. Серебряков А. А., Серебрякова С. В. Неаддитивность смыслов художественного текста как переводческая проблема // Алломорфные и изоморфные признаки языковых систем в аспекте перевода. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство. 2007. С. 7-23.
13. Спирина Э. М. Герменевтический круг // Знание. Понимание. Умение. № 2. 2006. С. 198-204.
14. Conti C., Gourley J. Literature as Translation, Translation as Literature / Edited by Christopher Conti and James Gourley. Cambridge Scholars Publishing. 2014. 243 p.
15. Giovanni E., Gambier Y. Reception Studies and Audiovisual Translation / Edited by Elena Di Giovanni and Yves Gambier. John Benjamins Publishing Company. 2018. 367 p.
16. Lovecraft H. P. The Shadow over Innsmouth. Visionary Publishing Company. 1936. 158 p.
17. Karas H. Intelligibility and the reception of translations // Perspectives. 2019. 28(3). P. 1-19.
18. Porter S. E., Robinson, J. C. Hermeneutics: an Introduction to Interpretive Theory. Wm. B. Eerdmans Publishing. 2011. 308 p.
19. Rogers M. Word, Text, Translation: Liber Amicorum for Peter Newmark. Multilingual Matters. 1999. 240 p.

REFERENCES

1. Abueva, M. S.-S., Ismailova, V. Sh. (2018). Osobnosti perevodcheskoy retseptsii i idiostilya pisatelya (na materiale romana F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie») [Features of translation reception and idiostyle of the writer (based on F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment")]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 3. Pp. 163-170. (In Russ.).

2. Alimuradov, O. A., Ismailova, V. Sh., Tasueva, S. I. (2018). Nekotorye aspekty perevodcheskoy retseptsii romana F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v angloyazychnoy lingvokulture (na materiale perevodov XX veka) [Some aspects of translation reception of F. M. Dostoevsky novel «Crime and Punishment» in English-speaking linguoculture (based on translations of the XX century)]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*. No.3. Pp. 175-182. (In Russ.).

3. Borev, Yu. B. (1985). *Teorii, shkoly, kontseptsii (Kriticheskie analizy). Khudozhestvennaya retseptsiya i germenevtika* [Theories, schools, concepts (Critiques). Artistic Reception and Hermeneutics]. Moskva: Nauka. Pp. 3-177. (In Russ.).

4. Bredikhin, S. N. (2007). Perevod kak vtorichnoe ili sobstvenno avtorskoe smysloporozhdenie [Translation as secondary or author's own meaning formation]. In *Allomorfnye i izomorfnye priznaki yazykovykh sistem v aspekte perevoda*. Stavropol: Stavropolskoe knizhnoe izdatelstvo. Pp. 52-61. (In Russ.).

5. Grolman, M. B. (2010). Istoriya razvitiya perevodovedeniya kak nauki [History of the development of translation studies as a science]. In *Voprosy teorii i praktiki perevoda*. Penza: Privolzhskiy Dom znaniy. Pp. 23-26. (In Russ.).

6. Grushevskaya, E. S. (2009). Politicheskiy gazetnyy tekst cherez prizmu kontseptualno-lichnostnogo dialoga avtora i chitatelya [Political newspaper text from the perspective of conceptual-personal dialog between the author and the reader]. In *Mezhdistsiplinarnye aspekty lingvisticheskikh issledovaniy*. Vol. 1. Stavropol: SGU. Pp. 67-73. (In Russ.).

7. Lavkraft, G. (1993). *Ten nad Innsmautom* [The Shadow over Innsmouth]. Trans. by E. Serova, P. Lebedev, T. Musatova, T. Talanova. Available at: <http://www.lib.ru/INOFANT/LAWKRAFT/inns.txt>. (accessed: 04.02.2024). (In Russ.).

8. Lavkraft, Kh. F. (1991). *Ten nad Innsmutom* [The Shadow over Innsmouth]. Trans. by V. Bernatskaya. In *Po tu storonu sna*. Sankt-Peterburg: Terra Incognita. Pp. 160-223. (In Russ.)

9. Lukov, V. A. (2007). Literaturnaya germenevtika [Literary Hermeneutics]. In *Znanie. Ponimanie. Umenie*. No 3. Pp. 238-239. (In Russ.).

10. Melnikova, E. G. (2012). Ponyatie retseptsii: sovremennye issledovatel'skie podkhody k analizu tekstov kulture [The Notion of Reception: Modern Research Approaches to Analyzing Cultural Texts]. In *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik*. No 3. Pp. 239-242. (In Russ.).

11. Pivanova, E. V. (2009). Otnosheniya kommunikativnoy ravnotsennosti mezhdru khudozhestvennym tekstem i ego perevodom (po metapoeticheskim dannym) [Relationship of communicative equivalence between a fiction text and its translation (based on metapoetic data)]. In *Mezhdistsiplinarnye aspekty lingvisticheskikh issledovaniy*. Vol. 1. Stavropol: SGU. Pp. 202-210. (In Russ.).

12. Serebryakov, A. A., Serebryakova, S. V. (2007). Neadditivnost smyslov khudozhestvennogo teksta kak perevodcheskaya problema [The non-additivity of the meanings of a fiction text as a translation problem]. In *Allomorfnye i izomorfnye priznaki yazykovykh sistem v aspekte perevoda*. Stavropol: Stavropolskoe knizhnoe izdatelstvo. Pp. 7-23. (In Russ.).

13. Spirova, E. M. (2006). Germenevticheskiy krug [Hermeneutic Circle]. In *Znanie. Ponimanie. Umenie*. No 2. Pp. 198-204. (In Russ.).

14. Conti, C., Gourley, J. (2014). *Literature as Translation, Translation as Literature*. In Christopher Conti and James Gourley (eds.). Cambridge Scholars Publishing.

15. Giovanni, E., Gambier, Y. (2018). *Reception Studies and Audiovisual Translation*. In Elena Di Giovanni and Yves Gambier (eds.). John Benjamins Publishing Company.

16. Lovecraft, H. P. (1936). *The Shadow over Innsmouth*. Visionary Publishing Company.

17. Karas, H. (2019). Intelligibility and the reception of translations. In *Perspectives*. 28 (3). Pp. 24-42.

18. Porter, S. E., Robinson, J. C. (2011). *Hermeneutics: an Introduction to Interpretive Theory*. Wm. B. Eerdmans Publishing.

19. Rogers, M. (1999). *Word, Text, Translation: Liber Amicorum for Peter Newmark. Multilingual Matters.*

Алимурадов Олег Алимурадович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры западноевропейских языков и культур (e-mail: alimuole@mail.ru), Институт переводоведения, русистики и многоязычия, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет» 357532, Ставропольский край, Пятигорск, проспект Калинина, 9

Alimuradov Oleg A. – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Western European Languages and Cultures Department (e-mail: alimuole@mail.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University» 9, Kalinin Avenue, Pyatigorsk, Stavropol Territory, 357532

Щербаков Дмитрий Федорович – магистрант Института переводоведения, русистики и многоязычия (e-mail: forestdump2601@gmail.com), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет» 357532, Ставропольский край, Пятигорск, проспект Калинина, 9

Shcherbakov Dmitriy F. – Master's Degree student of Translation Studies, Russian Studies, and Multilingualism Institute (e-mail: forestdump2601@gmail.com), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University» 9, Kalinin Avenue, Pyatigorsk, Stavropol Territory, 357532

Поступила в редакцию 05 февраля 2024 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные статьи по сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, германским, романским языкам и переводоведению.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей научной новизной, теоретической и практической значимостью. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc или .docx.

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity. ...

Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 2002. Т. 1. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Москва: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. Т. 2. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романья. Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. Санкт-Петербург, 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. Санкт-Петербург: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.</p>

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (например: Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Protседury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. Sankt-Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). Idiomatisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniy v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i></p>

	<p><i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova.</i> No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta.</i> No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal.</i> Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya.</i> No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix.</i> January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM.</i> P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.</p>

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 20 Выпуск 1 (63) 2024

Язык издания: русский, английский, немецкий и др.

Компьютерная верстка: О. А. Гринева.

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте
ФГБОУ ВО «ДонГУ» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано в печать 03.07.2024 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 14,8.
Тираж 100 экз. Заказ № 24июль80.

Донецкий государственный университет
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.